Дракон 3

Имя	Константин
Отчество	Петрович
Фамилия	Чежегов
Время действия	2009 год н.э.
Возраст	32 года
Адрес	Пекин, ул. Мамадзо
Локация	КНР
Предмет	Дракон
Дар	Всевидение
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Костя Чижиков с компанией наконец-то вырвались из Древнего Китая, оставив императора Цинь Ши-хуана с носом, но без могущественного Зеркала. Теперь они там, куда так стремились — в современной столице современной Поднебесной. Вот только загадок в нынешнем Китае оказывается ничуть не меньше. Костю Чижикова, впервые приехавшего в Пекин, преследуют невесть откуда взявшиеся знакомые; великий китаевед Федор Сумкин пробует себя в роли коллеги Джеймса Бонда; Ника, девочка из будущего, вообще куда-то исчезла, зато появился Ден Сяо-пин. Пока, правда, только на купюрах…

- Игорь Алимов
  - Эпизод 1
  - Эпизод 2
  - Эпизод 3
  - Эпизод 4
  - Эпизод 5
  - Эпизод 6
  - Эпизод 7
  - Эпизод 8
  - Эпизод 9
  - Эпизод 10
  - Эпизод 11
  - Эпизод 12
  - Эпизод 13
  - Эпизод 14
  - Эпизод 15
  - Эпизод 16
  - Эпизод 17
  - Эпизод 18
  - Эпизод 19
  - Игорь Алимов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13

Игорь Алимов
Дракон 3. Книга 3. Иногда они возвращаются

Эпизод 1
Все не так плохо

Где-то на Земле десять тысяч лет назад

Время шло, а новостей не было.

Патовое положение, в котором оказались противоборствующие стороны, тяготило Первого-из-желтых более прочего. он не имел возможности для убедительного маневра: ни тебе красных победить, ни тебе спасти людей, оставшихся верными принципам галактического кодекса.

Как, как вырваться с этой планеты?! Подчинить себе механизмы объекта «Башня» не представлялось возможным — теперь это стало ясно окончательно и бесповоротно. Первый-из-желтых остро чувствовал собственное бессилие, изматывающее и беспощадное.

Не менее давила на Первого-из-желтых и полная неизвестность в отношении спутника голубой планеты и таинственных его обитателей, по-прежнему упорно себя никак не проявлявших. А еще Первого-из-желтых уже несколько дней преследовало тягостное ощущение, словно за ним постоянно и неустанно наблюдают. он готов был даже поклясться, что некий — холодный, внимательный, отстраненный — взгляд сопровождает его повсюду, даже когда Первый-из-желтых ходит в сортир.

По неведомой причине Первому-из-желтых казалось, что взгляд этот исходит как раз с безжизненного спутника, где под глубокой толщей льда затаилась загадочная высокотехнологическая инфраструктура. В этом не было ни капли рациональности, весь присущий Первому-из-желтых здравый смысл протестовал против такого абсурдного вывода, но ощущения, ощущения!.. Иногда Первому-из-желтых казалось, что он медленно сходит с ума.

А тут еще загадочные хронопереходы…

Никогда прежде Первый-из-желтых не чувствовал себя столь ничтожной и беспомощной пылинкой, затерянной посреди невообразимых просторов Вселенной. Вселенной на эту пылинку, в сущности, глубоко плевать, Вселенная даже не подозревает о ее существовании, ибо кто мы такие рядом с вечностью?..

Первый-из-желтых не хотел в том признаться, но с некоторого

времени, как очистительного катарсиса, ждал новостей: мол, обитатели спутника голубой планеты вышли из загадочной летаргии и готовы предъявить претензии о конфликте интересов, а то и чего похуже. Первый-из-желтых рад был любому событию, что нарушило бы постылые будни. о господи, случись хоть что-нибудь!..

И тут, на краю бездны отчаяния, в которую против своей воли медленно, но неотвратимо соскальзывал Первый-из-желтых, пришло известие: в стане красных произошел раскол! В едином, казалось бы, коллективе бунтарей, презревших все мыслимые галактические законы, нормы и правила, началось брожение, которое привело к образованию двух практически равновеликих групп. И вот теперь одна из них считает необходимым войти в контакт с желтыми с целью перспективного сотрудничества, что позволит наконец покинуть злосчастную планету.

Эта новость, полученная сначала при помощи оставшейся в распоряжении желтых аппаратуры слежения, а потом подтвержденная прямым радиообращением лидера отколовшейся от экстремистов группировки — он назвал себя Вторым-из-красных, что свидетельствовало о частичном восстановлении иерархии подчинения, — подействовала на Первого-из-желтых подобно глотку свежей, холодной и оттого отчаянно вкусной воды посреди голой и бесплодной пустыни. Первый-из-желтых бросился на узел связи с такой скоростью, что по пути едва не сбил с ног нескольких соратников.

Первый знал Второго-из-красных: это был кибертехник средних лет, основательный и рассудительный, и одному Мировому разуму было известно, как он оказался в стане восставших.

Сам факт раскола радовал и ободрял. Во-первых, это потенциально означало полное прекращение боевых действий или же как минимум ослабление их накала — ввиду явного неравенства сил, а значит, высвободившиеся ресурсы и персонал можно было бросить на выполнение основной задачи по обеспечению возвращения домой. Во-вторых, объединение с частью бывших повстанцев означало существенный рост технического потенциала — как в плане квалифицированных кадров, поскольку красные все сплошь были техниками, так и в плане недостающего оборудования, ранее находившегося в распоряжении красных, — и все это опять же могло работать на основную задачу.

Тогда можно будет полностью сосредоточиться на расшифровке генетического кода, необходимого для управления объектом «Башня», и не придется отвлекать так много сил на

охрану самого объекта. Тогда, возможно, удастся найти или воссоздать пятое малое устройство, необходимое для работы с «Зеркалом»… Так много дел, что голова пухнет!

Первый-из-желтых воспрянул духом, поступь его стала твердой, голос обрел былую уверенность. оставалось договориться со Вторым-из-красных об условиях объединения и, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к совместной работе. Что при этом собираются делать оставшиеся красные экстремисты, было не столь существенно: в нынешних условиях ни сил, ни оборудования для причинения сколь-либо существенного вреда у них не оставалось…

Первый как раз сидел в кабинете и проглядывал списки присланного красными оборудования, когда пискнул сенсор двери. В кабинет шагнул Второй-из-желтых. И выражение его лица Первому-из-желтых сразу не понравилось.

— Почему при виде тебя меня все время охватывают нехорошие предчувствия? — мельком глянув на Второго и вновь уставившись в экран, вздохнул Первый. — Ты все время приносишь одни плохие вести.

— Разве я виноват?.. — развел руками Второй. — Просто мы оказались не в том месте и не в то время… если тебе не нравится моя физиономия, я буду посылать к тебе Третьего.

— Не обращай внимания… — Первый выключил экран и поднял глаза. — Я не хотел тебя обидеть. Всем нам трудно. Все мы напряжены. Извини. Просто… Просто мне кажется, что ты опять скажешь мне что-то неприятное. И это сейчас, в то время, когда ничто не должно помешать нам в осуществлении задуманного! Ничто!

— Я понимаю… — Второй без приглашения опустился в кресло у стола. — Как и все, я жду часа, когда мы сможем наконец вернуться домой или хотя бы приблизить момент возвращения. Но факты…

— ладно, — кивнул Первый, — ладно. Факты мы игнорировать не имеем права. Что случилось на этот раз?

— Ну… — Второй слегка замялся. — хронопереходы…

— А что с хронопереходами? — привычно насторожился Первый. — они повторялись?

— Нет.

— Тогда что?

— Мы проанализировали данные, предоставленные красными, — на слове «красными» Второй-из-желтых брезгливо поморщился: не мог смириться со столь вопиющей вольницей самоопределения. — Согласно этим данным, красные к хронопереходам не имеют никакого отношения.

— Значит?.. — помрачнел Первый.

— Значит, мы с тобой были правы, — почтительно склонил голову Второй. — На планете действуют некие третьи силы. И теперь это совершенно ясно.

— И эти силы до сих пор не дали нам под зад, — задумчиво кивнул в ответ Первый. — Не предъявили претензий, не явились в ночной тиши, чтобы погрозить пальцем, не написали письма или даже короткой записки, не говоря уже о полноценном межгалактическом ультиматуме…

— Или мы их вовсе не занимаем, или то, что мы тут делаем, не затрагивает сферы их жизненных интересов, — подытожил Второй.

— Как мы можем быть в этом уверенными? Как?! Первый-из-желтых несильно хлопнул ладонью по столу, хотя пару дней назад врезал бы кулаком от души.

— Никак. Мы можем делать выводы только на основании имеющихся данных… — Второй замялся. Первый-из-желтых внимательно посмотрел на него.

— Ну-ну! Говори уже!

— Это не точные сведения, но… — Второй положил на стол инфокристалл. — На оставшемся оборудовании мы просто не в состоянии…

— Продолжай!

— Похоже, что дополнительный анализ недавних хроноперемещений выявил несанкционированное вмешательство в хронопоток, — выпалил Второй и судорожно облизнул губы. — Анализ приблизительный, но, видимо, в хронопоток были внесены весьма существенные изменения… Первый-из-желтых некоторое время напряженно молчал, обдумывая полученную информацию.

— если это правда, то такое вмешательство, похоже, подтверждает, что мы не интересуем эту… третью силу. ей на нас просто наплевать, — наконец прервал он затянувшееся молчание.

— хорошо бы…

— Что, если неожиданным образом это наши союзники? — продолжил Первый. — Цивилизация их чрезвычайно развита, но Галактике, похоже, совершенно неизвестна. По всему выходит: они сторонятся активной галактической жизни. А ты как думаешь?

— Похоже, так.

— Раз не участвуют, значит, или у них нет интересов, зон влияния и ответственности, или…

— Или?.. — Второй взволнованно моргнул.

— Или их интересы лежат не в нашей плоскости бытия. Не в

наших координатах времени и пространства, — совсем тихо закончил Первый-из-желтых.

— Предтечи?! — невольно перейдя на шепот, выдохнул Второй, глядя на Первого во все глаза.

— откуда мне знать… — после некоторой паузы отозвался Первый и откинулся на спинку кресла. — Что нам известно о цивилизациях, овладевших тайной вознесения? Да ничего. А для анализа нужны факты. И где они? Что мы знаем? Мы знаем, что на спутнике планеты кто-то есть. Но кто? Нет ответа. Мы знаем, что мы до сих пор живы. Почему? Необъяснимо. еще мы знаем об объекте «Башня», управление которым завязано на генетический код. Но кем? Кто создал этот удивительный объект? Никаких ответов! если объект работает, то где те, кто пользуется им? Куда подевались? Дальше: малые устройства зооморфного типа — явно одного происхождения с «Башней». У устройств и «Башни» один создатель. Но кто он и где он? если мы решили, что наши соседи со спутника вышли на иной уровень существования, то есть вознеслись, они вряд ли являются хозяевами: зачем им столь примитивная техника? Значит, на этой планете есть кто-то еще! Но этот «кто-то» умудрился ни разу не попасться нам на глаза! Абсурд… Ты вот говорил про факты. Так дай мне факты!..

— Мы изучили свойства доступных нам малых устройств, — воспользовавшись паузой, заговорил Второй. — Как ты знаешь, в отличие от «Башни», они работают с любым обладателем, генетический код для них необязателен. Весьма своеобразно и оригинально решен в них вопрос подачи энергии: она берется непосредственно из организма обладателя. Попытки заставить устройства работать с иными источниками энергии успехом не увенчались… И это поразительно!

— Знаю по себе, — кивнул Первый и положил на стол серебристую фигурку Павлина. — Полдня коленки дрожали… Я так понял, что никаких закономерностей между формой устройства и его свойствами выявить не удалось? Вот этот… зверь? — Первый указал на павлина. — он — кто? И почему работает именно так, а не иначе?

— Понятия не имею, — пожал плечами Второй. — По большей части это неизвестные нам существа. Правда, некоторые из них представляют местную фауну: мы с ними сталкивались.

— Местную?

— Именно так! — подтвердил Второй. — Мы встречали здесь и такого, и такого, и такого, и эдакого… — он выложил рядом с Павлином серебристых Тигра, Слона, Попугая и Кролика. — Последний очень вкусный! — Второй застенчиво ткнул пальцем в Кролика. — однако у нас не было времени и сил исследовать

вопрос досконально…

— очень хочется надеяться, что и не будет, — скупо улыбнулся Первый. — Я просмотрел документацию… В случае объединения с техниками мы станем обладателями достаточного потенциала, чтобы покинуть наконец эту злосчастную планету, и притом как можно скорее!

— Да, но в арсенале наших достижений нет ничего подобного! Пойми, найденные устройства взаимодействуют с обладателем на психофизическом уровне! Свойства их разнообразны, это отнюдь не простые механизмы, а нечто гораздо большее! Мы не ведаем и сотой доли из тайн, что таят в себе данные предметы! В нашей войне мы использовали лишь самые их очевидные свойства! — Эмоции захлестнули Второго. — А ведь есть «Зеркало» и пять малых устройств, что составляют единый конфигурат! Это величайшая загадка! И наконец, материал, из которого они изготовлены!.. — Второй-из-желтых перевел дыхание и резюмировал уже спокойнее: — Новые знания, которыми одарят нас устройства, могут стать настоящим прорывом в науке и технике!..

— Ну ладно, ладно, — примирительно похлопал коллегу по плечу Первый-из-желтых. — Мне ли не понимать всю важность изучения непознанного… Я же не отказываюсь! Просто сейчас мы не можем распылять силы, слышишь? Не имеем права. Появился шанс исправить нарушенный баланс, и мы это сделаем, хотя заявления о конфликте интересов не поступило до сих пор. Но разве это отменяет дисциплину и ответственность?

— Ну… да, — кивнул Второй. — Ты прав. Конечно.

— А это… — Первый-из-желтых рассеянно провел ладонью над разбросанными по столу серебристыми фигурками. — А это мы возьмем с собой и изучим в куда более благоприятных условиях. Ну что, годится? Эй! он поднял глаза на Второго. Второй не реагировал — он замер с открытым ртом и вытаращенными глазами, уставившись куда-то за спину Первому. Первый-из-желтых рывком развернулся в кресле, одновременно выхватывая карманный излучатель. У дальней стены в полной тишине прямо из воздуха медленно соткался призрачный силуэт — человекоподобная фигура на глазах темнела, обретала зримые черты.

— Что это за бардак?.. — только и смог потрясенно выдавить Первый. — Неужели контакт?!

Эпизод 2
Смерть тирана

Просторы Поднебесной, III век до н. э.

Солнце село за лесистыми холмами, и мириады ярких звезд расцветили черное небо, раскинувшееся над затерянной в зарослях поляной.

— Смотритель Лю!

Лю Бан, сидевший в задумчивости у костра, оторвался от созерцания неба и обернулся: рядом с ним стоял Фэй лун.

— Наставник, — поклонился ему Лю Бан. — Вы наконец вернулись! есть ли новости?

— Стало мне доподлинно известно, что тиран скончался. — Фэй лун присел на бревно рядом с Лю Баном. — Присные его, во главе коих стоит презренный евнух Чжао, скрывали это событие от мира сколько могли, но все тайное рано или поздно выходит наружу. Владыка Цинь отправился в путь к Желтому источнику во время, когда осчастливливал посещением восточные земли империи… евнух Чжао строжайше воспретил толки и пересуды, чтобы никто, помимо самых ближних, не узнал этой страшной тайны. Много власти забрал евнух Чжао… — сокрушенно покачал головой Фэй лун. — Не по роду, не по чину! Виданное ли дело — когда государь, даже такой великий и грозный, как владыка Цинь, покинул мир живых, никого о том не известить, не справить должных обрядов и везти его мертвое тело ровно живое!

— Но как сие возможно? — взволновался Лю Бан. — Известно, что бренная оболочка человека тленна, и покойник по истечении короткого срока завоняет, точно тухлое мясо! И пусть владыка Цинь был известен искушенностью в науке постижения бессмертия, но разве он настолько преуспел в ней?..

— Говорят, — Фэй лун придвинулся к смотрителю поближе, — что в повозку, следующую за паланкином усопшего владыки, тайно была подложена гниющая рыба, и смрад, исходивший от нее, перебивал любые иные запахи. И так владыка доехал аж до самого Сянъяна, а тем временем евнух Чжао и министр Ли Сы сотворили злой умысел против наследника трона, старшего отпрыска рода Цинь: ходят слухи, что тот покончил с

собой, выполняя волю своего покойного батюшки, изложенную в подложном письме, что на деле составили подлые душою ли Сы и евнух Чжао!

— Страшные дела творятся на свете! — вздохнул Лю Бан. — Но, наставник, не к лучшему ли то, как обернулись события? Ибо род Цинь прервался и более не править ему Поднебесной.

— Увы, друг мой! — Фэй лун принял из рук подошедшего Ляна Большого чашу с вином, поблагодарив разбойника коротким кивком. — Род Цинь вовсе не прервался: у императора остался еще один сын, младший, и это, к несчастью, изнеженный и слабовольный юноша. отнюдь не стремится он к благу Поднебесной, помыслы его скудны и мелки. Юный и неопытный, не имеет он ни должных умений, ни страсти к управлению. Истинно говорю вам, смотритель Лю: хаос ожидает Поднебесную! если евнух Чжао лелеет планы возвести на родительский трон младшего сына Цинь Ши-хуана лишь для виду, а на деле решит править страной от его имени сам, упиваясь властью и творя беззакония, то народ не потерпит такого несообразия! Грядет великая смута! Пришла пора вам, смотритель Лю, исполнить волю Неба.

— Но я всего лишь простой уездный смотритель… — развел руками Лю Бан. — Мне омерзительно творящееся в Поднебесной зло, я готов встать на защиту народа и с радостью заступлюсь за обиженных и обездоленных. Но… Род мой ничтожен, у меня нет ни силы, ни власти — как, наставник, смогу я исполнить волю Неба, даже если постигну ее?

— В древности бывало так, что совершенномудрые правители передавали власть в Поднебесной, руководствуясь не кровным родством, но достоинствами и способностями человека к управлению. Великий государь Яо, что правил сто лет, уступил бразды правления не наследнику своему, но мудрому советнику Шуню, а Шунь в свою очередь оставил трон Юю, усмирителю бурных вод потопа[1]. Был ли Шунь высокородным? Нет, он был простой гончар. Был ли Юй знатным вельможею? По слухам, его род принадлежал к потомкам самого Желтого императора, но пребывал, увы, в забвении… Вот и вы, смотритель Лю, — улыбнулся Фэй лун, — вовсе не простой уездный смотритель. Ведь само Небо выбрало вас — не зря же в вашем уезде в озеро среди белого дня снизошел дракон! А волшебный амулет, что признал вас и наделил удивительной силой? Только слепой не увидит во всех этих событиях явные знаки, которые Небо подает именно вам! Вам ведь ведомо, что амулет Дракон — из сокровищницы Желтого императора, величайшего владыки древности, при котором в Поднебесной царили мир, согласие и

всеобщее умиротворение. Тогда, в незапамятные времена, сыновья почитали отцов, отцы — дедов, высшие любили низших, а низшие благодарно поддерживали высших, народ жил в гармонии, и во всем мире не было уголка, куда не простерлась бы щедрая благодать Желтого императора! Нет никаких сомнений, что вы постигнете волю Неба — раз волшебный дракон выбрал вас и верно вам служит!

— Ваши слова исполнены мудрости, наставник Фэй, — склонился перед Фэй Луном Лю Бан. — Теперь я вижу: Небо поддерживает меня! Теперь я полон решимости следовать воле Неба, но по неопытности опасаюсь выбрать неправедную стезю. Могу ли я испросить у вас помощи в пути, который пока для меня смутен и неясен? Не оставьте советом, наставник! Лю Бан пал ниц и стал отбивать Фэй луну поклоны.

— Встаньте, друг мой! — Фэй лун обнял Лю Бана за плечи. — Поднимитесь! Негоже избраннику Неба пачкать колена в грязи. Я не оставлю вас помощью и буду счастлив, если мои советы окажутся полезными.

— Спасибо, наставник!.. Эй, брат Лян! Изжарился ли наконец добытый тобою кабан? Можем ли мы предложить наставнику скромный ужин, дабы он утолил голод после долгого путешествия? от костра, где на большом огне поджаривался тот самый кабан, отделился Лян Большой с двумя большими глиняными плошками в руках.

— Вот! Лян поставил плошки перед смотрителем и Фэй Луном.

— Не побрезгуйте, наставник Фэй, нашей скромною и грубою пищей! В лесу не добыть иной.

— Что вы, брат Лян, — улыбнулся разбойнику Фэй лун. — Усталому путнику свежее мясо угодно вдвойне!

— Не буду мешать вашей беседе! Лян Большой с поклоном удалился. У костра тут же загомонили: стали передавать друг другу куски мяса, чаши с вином.

— Вы обладаете удивительным влиянием на людей, друг мой! — заметил Фэй лун, проводив Ляна взглядом. — еще недавно это был неотесанный мужлан, буйный молодец, не знавший даже начал учтивого обращения, а ныне…

— Любой человек по природе своей добр, — отвечал Лю Бан, почтительно подавая одну из плошек Фэй луну. — Грубыми и жестокими людей делают негодные властители, не знающие гуманности и не следующие справедливости. В том, что Лян и другие восприяли к учтивости, нет моей особенной заслуги. Я просто по мере сил стараюсь следовать тому, чему учил нас великий Кун-цзы.

— И у вас получается! Когда вы распространите забытое учение Кун-цзы на всю Поднебесную, в ней настанет должный порядок. Но до этого еще куда как далеко… Фэй лун впился зубами в душистое мясо.

— А эти удивительные чужеземцы, коих сопровождал благовещий зверь мао, куда они направились, наставник? Ведомо ли вам?

— Они ушли горними путями, и пути эти выше моего понимания… — отвечал Фэй лун. — однако я верю, что их появление в нашем мире не было случайным и что чужеземцы совершили то, к чему стремились. Мне ведомо одно: если бы не их пришествие, усопший тиран овладел бы страшной волшебной мощью, ему стали бы подвластны движения вод и колебания земли… Да только вряд ли мы еще когда-нибудь увидим наших бывших спутников — они принадлежат прошлому, а вам, смотритель, ныне должно думать о будущем Поднебесной и о великом вашем предназначении.

— Я готов! — Смотритель Лю оглядел черное небо исполненными решительности взорами. — Начну с малого. Верные мне люди, — он указал на пирующих у костра разбойников, — отправятся в окрестные уезды. Мы должны знать, как обстоят дела на местах, с кем можно войти в союз, а от кого следует держаться в стороне. люди пребывают в смятении, они взволнованы, возмущены! людскую жажду справедливости и мира нужно направить в правильное русло, чтобы служила она процветанию Поднебесной, а не благу мелких душою владетелей, что ищут одной лишь власти и наживы! от малого я буду постепенно возвышаться к большему, действуя не только мечом, но и великодушием. И свершу свое предназначение, если на то есть воля Неба!

— Я пью за вас, смотритель Лю! Фэй лун высоко поднял чашу. Лю Бан отпил вина и продолжил:

— И для начала я сделаю вот что…

Эпизод 3
Чижиков, Сумкин и самолет

Воздушное пространство Китайской Народной Республики, Май 2009 года

Чижиков открыл глаза.

Шагнув в неведомое и почти невидимое марево в черной подземной пещере — там, в Китае третьего века до нашей эры, он в самый последний миг все же струхнул и зажмурился. Не смог побороть животные инстинкты, хотя и старался изо всех сил. А чего вы хотите? Страшно! Да еще перед внутренним взором живо встали сцены из любимого фильма «Звездные врата»[2]: там мужественные американские военные входили в межзвездный портал собранно, не страшась неизвестности и не жмурясь, а лицо возглавлявшего их Курта Рассела было и вовсе квадратным от непоколебимой решимости встретить неизвестное в полный рост и с автоматом наперевес. Но на самом-то деле, кто ж знает, что думал в этот момент вжившийся в роль Курт Рассел! И потом, одно дело — в кино сниматься, и совсем другое — собственной шкурой рисковать. Даже киношному герою мало не показалось, когда он вывалился из портала в другом мире… А тут любимым ладным организмом рискуешь, его цельностью и сохранностью!

«Я справлюсь, — думал Котя, — я должен разобраться, как это — переноситься во времени и пространстве, я должен хоть что-то понять про белую вязкую пустоту, где нет ни жизни, ни надежды. В конце концов, я уже так много пережил, управился с вещами, о которых и помыслить не мог еще пару дней назад, выжил и теперь иду домой. И — я должен видеть!»

Но потом Котя внезапно вспомнил доктора Джексона, что входил в портал замыкающим. И верно, прежде чем выйти, нужно войти… Джексон шел на ощупь, сторожко и опасливо, и не было в его лице квадратной решимости полковника о'Нила, он жмурился, хотя и был неутомимым исследователем и несгибаемым ученым. И вот при входе во врата Джексона неумолимо повлекло, повлекло, повлекло…

«О чем я думаю? — всполошился вдруг Чижиков. — Я ведь не киношный герой-космодесантник, я даже не обычный земной ученый, я самый простой обыватель Константин Чижиков и вовсе не собираюсь с энтузиазмом сложить голову неизвестно ради

чего! Я боюсь, в конце концов! А вдруг это мерцающее дерьмо расчленит меня на нечто, меньшее, чем атомы, растворит — раз и навсегда, и потом больше вообще уже ничего и никогда не будет — никакого меня, лишь пустота и безвременье да беспамятные частички Константина Чижикова?!»

Чижиков запаниковал, он дернулся было отступить, но было уже поздно: неудержимая сила властно затягивала Котю внутрь. И тогда он сделал единственное, что мог, — крепко зажмурился.

Чижиков изготовился стоически перетерпеть мучительное безвременье и по этому случаю сильно прижал к себе Шпунтика — кот-то уж точно ничего не понимает, у него только инстинкты да рефлексы. А клетки-то нет — вырвется еще, охваченный животным ужасом, и что случится потом, Котя боялся даже предположить. Вдруг кот навсегда застрянет здесь? Или того хуже: вывалится наружу совсем не там, где запланировано, — и что тогда? Тогда что?..

Однако переход произошел просто и буднично. Котя зажмурился — и в то же мгновение почувствовал, что сидит в мягком кресле, справа и слева подлокотники, лицо обдувает поток воздуха, и кругом слышен легкий гул. Все прошло без толчка, сучка и задоринки. В мгновение ока.

Чижиков разлепил глаза и увидел прямо напротив небольшой экранчик, где на темно-зеленом фоне пролегла красная неровная линия, которую вел за собой маленький белый самолетик. линия начиналась от кружка, рядом с которым было написано «Санкт-Петербург», и настойчиво тянулась к кружку под названием «Пекин».

Котя слегка тряхнул головой — взгляд окончательно сфокусировался.

Ну да, он в самолете. летит в столицу Поднебесной. Такие дела…

Свет в салоне был приглушен, соседнее место пустовало. Экран, вмонтированный в спинку кресла, переключился с маршрута на скорость и прочие данные: минус пятьдесят семь за бортом, высота десять тысяч пятьсот, скорость семьсот пять в час, время в пункте отправления, время в пункте назначения, время в пути…

А Шпунтик где?! Господи, кот!..

Кота не было — ни поблизости, ни в обозримом далеке.

Чижиков от отчаяния даже под соседнее кресло полез — и там нету! Зеркало, схороненное за пазухой, при этих необдуманных действиях неприятно врезалось в живот.

Котя хотел было привстать, оглядеться, но вовремя удержался, обнаружив себя в древнекитайских ароматных

одеждах. Вряд ли кто из пассажиров современного и комфортабельного «Боинга» понял бы правильно внезапное появление в салоне подобного вонючего чучела — не все же спят в сей утренний час! Чижиков с отвращением стряхнул древнекитайские лапти и ногою… угодил во что-то мягкое. Сердце сжалось от нехорошего предчувствия: вот Шпунтик и нашелся — лежит, бессильно разбросав лапы, на полу самолета «Санкт-Петербург — Пекин» и, возможно, неживой уже… Котя осторожно убрал ногу, посмотрел вниз, предчувствуя худшее, — и выдохнул с облегчением. Нет, не Шпунтик, а всего лишь узел с Котиным шмотьем, включая одежду из двадцать первого века!

Но где же ты, мой верный хвостатый друг? Проклятье… Неужели сгинул во время перехода? А может, закинутый чужою злобною волей невесть куда, мыкается теперь в поисках хозяина, которому верил и на которого уповал, по безлюдным и безжизненным землям? И ведь кроме него, Чижикова, у Шпунтика нет больше никого на всем белом свете!

Котя чуть не заплакал.

Но позвольте, а где же Сумкин Федор Михайлович? Неужто тоже пропал, как и Шпунтик? И где Ника? Должны, должны быть где-то здесь! Надо только осмотреться! Пройти по рядам, поискать, глядишь, кто живой и отыщется! Не может же быть, чтобы все пропали без следа…

А почему, собственно, не может?

Ох, не зря Чижиков думал, что не стоило верить призрачной образине!..

Котя поднял узел с пола, положил на соседнее сиденье, развязал и, еле слышно чертыхаясь, стал по возможности незаметно переодеваться из древнекитайского в современное, благо свидетелей не было — ряд кресел через проход пустовал. Было крайне неудобно, и, влезая в джинсы, Котя неловко дернулся и сильно врезал локтем по спинке кресла впереди — и тут же замер, забормотал «извините», с ужасом поджидая, что вот-вот потревоженный им пассажир встанет поглядеть на нарушителя спокойствия, а тот раскорячился в нелепой позе и штаны нараспашку… Черт-те что можно подумать, черт-те что!

На переднем сиденье и вправду заворочались, но никто не встал, не полез с упреками. Послышалось лишь недовольное кряхтение, и вдруг внезапно в зазоре между спинками явился глаз! Глаз, часто моргая, озирал Котю сквозь нечистое стекло очков.

— Старик… — раздался знакомый с детства голос. — Чего пихаешься? Чего тебе спокойно не сидится? Что тебя колбасит не по-детски?

— Федор Михайлович… — Чижиков облегченно отер пот со лба и решительно вжикнул «молнией» джинсов. — Как делишки?

— Знаешь, старик, я тут решил, что не поеду я с тобой дальше в Сянъян, — моргнул Сумкин. — Даже и не предлагай. И не проси. И не уговаривай. хоть в ногах у меня валяйся. Это было в последний раз, старик. В самый последний, понял меня?

— Понял, понял, — радостно прошептал Котя. — Слушай, у тебя там Шпунтика с Никой рядом нету?

— Ни черта у меня тут нету! — сварливо отвечал Сумкин. — Ни черта! Ни денег, ни счастья… Погоди-ка! Великий китаист вскочил и перегнулся через спинку сиденья. Уши его взволнованно торчали в разные стороны, бороденка топорщилась, а древнекитайская хламида источала упоительные запахи. одним словом, еще тот видок.

— Старик! А ты случаем «Илиаду» не посеял?! — трагическим шепотом вопросил Федор и поправил пальцем очки.

— Федор, ты это…

— Что? Потерял?! На Сумкина было больно смотреть. отчаяние вмиг избороздило его лицо глубокими морщинами.

— Да нет, не потерял, не потерял, успокойся! — Котя прижал палец к губам. — И переоденься немедленно.

— А? елки-палки… Повеселевший Федор осмотрел себя, даже ладонями охлопал, затем огляделся по сторонам и исчез за креслом.

— Дьявол… Ну кто такие узкие самолеты строит… — донеслось до Чижикова его приглушенное ворчание, и тотчас же спинка сиденья судорожно затряслась. — Как тут человеку… некрупному, в самом расцвете сил… в портки ногой попасть… Вскоре все затихло: видимо, Сумкин таки переоделся. Некоторое время он еще едва слышно копошился, увязывая старую одежду в узел, а затем воздвигся в проходе со словами:

— Вот какая-то сволочь карман у пиджака надорвала, да еще расческу сперли… Вид у Сумкина был неважнецкий, а правый карман пиджака был действительно надорван — словно кто-то грубо в том кармане шарил.

— Давай-ка, старик, я рядом приземлюсь.

Чижиков опустил узел с одеждой и «Илиадой» на пол, и Сумкин плюхнулся в соседнее кресло.

— Так, — сказал он, по-хозяйски постучав ногтем по экранчику, что исправно показывал скорость, высоту и время. — лететь нам еще два часа… Минут через сорок кормить будут. Сумкин сглотнул слюну, выхватил из внутреннего кармана скомканный платок в крупную сине-белую клетку, снял очки и, нежно подышав на стекла, стал их протирать.

— Раз ты не потерял «Илиаду», старик, настал момент тезисно подытожить наши приключения и широко раскинуть головным мозгом насчет дальнейшего. Когда мы наконец приткнули наши узкие задницы в самолетные кресла, пришла пора, как сказал поэт, когда «считать мы стали раны, товарищей считать»[3]. Сумкин покончил с очками, пригладил пятерней волосы и вопросительно уставился на Чижикова.

— Ну… давай считать, — улыбнулся в ответ Котя. Присутствие Сумкина заметно приободрило его. — Мы по-прежнему летим в Пекин. И, судя по показаниям бортовой информационной системы, летим именно тогда, когда и собирались лететь…

— Старик, — погрозил Сумкин Чижикову пальцем. — Я когда про головной мозг говорил, я именно его и имел в виду. Не спинной, а головной. Тот самый, которым принято думать. Соображать то бишь. А ты что? А ты, я вижу, еще не слишком умственно развился, несмотря на знакомство с самим Лю Баном. хотя Лю Бан, как я заметил, и сам не особенно мозгами блистал, но все же он — будущий основатель династии…

— Слушай, Федор, — Котя внезапно разозлился, — я тебя уважаю, конечно, и все такое, но временами ты бываешь просто непереносим. обычно я стойко терплю любые твои выходки, но сейчас у меня нет ни сил, ни желания слушать, какую ты несешь пургу. Так что давай обойдемся без подколок, ладно? если я спорол какую-то фигню, так и скажи, а издеваться будешь потом, когда все это закончится.

— Ты что, обиделся, старик? — Сумкин, казалось, был искренне удивлен. — Ну извини, извини, я же любя! Не сердись. Просто ты не очень наблюдательный, вот я и не сдержался. И кстати, издеваться «потом» будет совершенно неинтересно, потому что ложка, старик, красна к обеду, а кроме того…

— Федор Михайлович, — устало вздохнул Чижиков, — я тебе сейчас в морду дам. Как доктору Хаусу[4].

— Да? — заинтересовался великий китаист. — Прям-таки в морду? Это убеждает, старик! Это аргумент неимоверной полемической силы!.. ладно, ладно. объясняю, в чем твой косяк. Ты прав в том, что мы летим в Пекин, как и собирались, но совершенно упустил из виду, что я-то должен был лететь этим маршрутом спустя неделю после тебя! Со всей присущей мне научной основательностью обращаю твое пристальное внимание на это обстоятельство: через не-де-лю! Между тем, согласно самым поверхностным наблюдениям, я лечу вместе, то есть одновременно, с тобой.

— Действительно, — кивнул Чижиков. — Тут я конкретно

лопхнулся. Но не думаю, что это принципиально, я имею в виду неделю разницы. Неделя может быть критична для тебя, потому что ты забронировал гостиницу и еще у тебя конференция…

— Точно! — заблестел очками Сумкин. — Я, как теперь принято выражаться, попал на бабки, которых у меня, кстати, негусто. Но я не выкатываю никому претензий, потому что, старик, признаюсь: я очень рад вновь оказаться в объятиях высокотехнологического общества, где на каждом углу продаются сигареты!

— Хочешь курить? — сочувственно спросил Котя. ему вдруг стало стыдно, что он без причины обрушился на друга и даже пообещал дать тому в морду. Сумкина, правда, подобная перспектива ничуть не устрашила и гордый дух не сломила, но Котя давно привык к именно такому Сумкину, вредному и въедливому, и вряд ли смог бы принять его тихим, вежливым и предупредительным.

— А? — осекся Федор. — Курить?.. очень хочу, старик.

— Ну, ты потерпи еще немного. А с деньгами… Разберемся с деньгами, если что. У меня их есть.

— Это хорошо, — умиротворенно закивал Сумкин. — Мне всегда нравились приличные люди с деньгами. Я тебе все отдам. Потом. если что. оба как по команде замолчали. Напряжение постепенно отпускало.

— Кстати, о ранах, — сказал наконец Сумкин. — Не знаю, как у тебя, старик, а у меня от дырки в ноге только пятнышко темное осталось на память. И не болит ничего. Что бы это значило, а? Чудо?

— Вот уж не знаю, — пожал плечами Чижиков. — У меня порез на руке до сих пор не совсем зажил.

— Погоди… А где ты порезался?

— Как — где?

— Ну, в гостях у Цинь Ши-хуана? Или раньше?

— Еще в Питере.

— А у Цинь Ши-хуана пострадал как-нибудь?

— Э-э-э… — Котя подумал. — А! Так мне же шею копьем… — он пощупал шею. — Ни следа.

— Вот! — ткнул его пальцем в бок Сумкин. — Мы возвращаемся в нашу реальность с минимальными потерями. Закон путешественников во времени, старик!.. опять помолчали.

— Иэх… А вот скажи, старик, — задумчиво произнес Сумкин, — как ты думаешь, а вот мой замечательный чемодан, который я сегодня еще даже не собрал, — мой любимый и единственный чемодан со всем столь приятным мне содержимым, он тоже летит этим рейсом?

— Не знаю… — пожал Котя плечами. он представил себя на месте Федора: в чужой стране, без денег, без вещей — и внутренне поежился. Нет, не хотел бы он так… И это было странно, потому что буквально несколько дней назад именно он, Котя Чижиков, оказался против своей воли не только в чужой стране, но даже в чужом времени, однако не слишком о том переживал, а вот из-за чемодана Сумкина почему-то расстроился. — Это было бы слишком хорошо.

— Да, старик, — кивнул Сумкин. — Это было бы просто чудо. Просто чудо. Сказал — и замолчал. Видимо, тоже осознал всю нелепость переживаний из-за какого-то там чемодана, когда только что с ним случилась история куда более невероятная. лицо у великого китаеведа сделалось мечтательное.

— Там была моя любимая электрическая зубная щетка… И сигарет три блока. И книжка на почитать в гостинице. И водки две бутылки. хорошей…

«Мы полные придурки», — подумал Котя.

Сумкин еле слышно вздохнул.

— Ладно, старик, давай продолжай итожить, коли начал, а я своевременными и крайне остроумными замечаниями буду уточнять твои показания к всеобщей пользе, — произнес наконец он.

— Продолжаю. Итак, мы на самолете. Это мы установили.

Чижиков покосился на Сумкина. Тот кивнул.

— О том, что перенеслись мы сюда несколько иным способом, нежели в эпоху Цинь Ши-хуана, говорить, кажется, не надо, — снова покосился на Сумкина Котя. Тот опять кивнул. — Из видимых потерь лично я наблюдаю отсутствие Шпунтика и Ники. «Илиада», паспорт, мобильник и прочие важные вещи при мне. Кажется.

— У меня расческу сперли, старик, — напомнил Сумкин. — есть хорошо аргументированное мнение: как следует убедиться в сохранности нашего барахла. Предлагаю начать именно с этого. Для чего предлагаю уединиться с указанным барахлом и провести тщательную инвентаризацию. А потом будем искать Шпунтика и Нику.

— И где ты предполагаешь их искать?

Чижиков демонстративно огляделся.

— А в самолете, старик, в самолете! хотя лично ты можешь вылезти наружу и осмотреть самолет с крыла. Шучу-шучу, ха-ха, ха-ха, не надо на меня так смотреть… Вот проверим барахло и пройдемся через весь салон в танце: ты к носу, а я в хвост, будто нам обоим враз в туалет приспичило, — мне, кстати, и в самом деле хочется! — а попутно внимательным оком окинем сонную

пассажирскую массу. Не исключены забавные открытия, старик! Например, Ника, вновь перекинувшаяся в маленькую девочку, спит, свернувшись калачиком, с любимой куклой под щекой… Кстати, в двух словах поясни мне доходчиво, что имел в виду наш прозрачный друг, когда сказал, что Ника — не человек? Мне ведь не послышалось? А то вдруг это только у меня в голове прошелестело.

— Не послышалось, — подтвердил Котя. — Я слышал то же самое. Но только, Федор, для меня это так же загадочно, как и для тебя, хотя я знаю Нику чуть дольше… Что ни говори, а нечеловеческие свойства у нее всегда были. Взять хотя бы само превращение: бац — и уже девка взрослая… Человек так не может. — Ну-ну, — криво усмехнулся Сумкин. — Будущее, старик, оно знаешь какое! Кого хочешь перекорежит. Тем более у них там мир рушился: тут не то что в девку, в мужика с лысиной и пивным брюхом перекинешься — и бежать, бежать, бежать!.. Но согласен, как-то это не по-человечески. ладно, давай по плану действовать. осмотрю свой скудный скарб.

С этими словами великий китаист, кряхтя, поднялся с кресла и ушел на свой ряд. Чижиков уложил на освободившееся место узел со шмотьем, развязал и погрузился в детальное обследование вещей.

Перво-наперво он избавился от древнекитайских шмоток: туго свернул, запихнул ком в полиэтиленовый пакет из «дьюти-фри», кое-как заклеил его оторванным с пакета скотчем и затолкал глубоко под сиденье. Вещей сразу стало меньше, то есть почти не осталось. Паспорт, мобильник, доллары — то, что было в карманах.

Кстати, о карманах.

Котя встал и поочередно обследовал карманы джинсов. И кроме носового платка и монеты в два евро, полученной в качестве сдачи в питерском «дьюти-фри», в заднем кармане вдруг обнаружил… Дракона. Чижиков медленно сел — даже не сел, а сполз по спинке кресла, тупо глядя на ладонь, на которой мерцал серебряным светом таинственный предмет.

Снова вместе, снова рядом… Ах ты, моя прелесть!

Волна теплой радости охватила Котю. Спрятанное под рубашкой зеркало ответило находке чуть заметной вибрацией.

Чижиков смотрел на Дракона почти с любовью и думал о том, что, видимо, в одном времени такой предмет может быть только один, и вот почему в Древнем Китае он Дракона потерял. Ведь в это время амулет был у Лю Бана, будущего основателя династии Хань, и у того он появился раньше, чем туда попал Чижиков. И потому Дракон исчез, а сейчас как раз вернулся.

— Ну что, старик? Над спинкой замаячила взъерошенная голова Сумкина, которой причесывание пятерней ничуть не помогло, и Котя воровато сунул Дракона в боковой карман куртки.

— У меня, кроме расчески, все на месте. А расческу попер на память какой-то древнекитайский гад. Наверное, этот, как его, Сун Сокрушительный. он мне с самого начала не понравился, а потом и вовсе слинял с поля героической битвы, где мы так славно навешали неприятелю. Теперь, наверное, пристроил мою расческу в домашний храм и выдает за перо чудесной птицы феникс. Смрадный негодяй!.. И между прочим… — Сумкин сделал хитрое лицо и украдкой показал Коте болтавшийся на шее амулет-переводчик. — Между прочим, эта фигня тоже при мне.

— И при мне, — вздохнул Чижиков. — Погоди-ка, Федор… Котя нашарил в кармане клочок бумажки, вынул — корешок посадочного талона. Задрал голову, посмотрел на номер своего места. А ведь место то же самое!

— Тут мне мысль одна в голову пришла…

— Я тогда, наверное, лучше сяду, старик, — понимающе закивал Сумкин. — Это такое событие, что тебе теперь нужно как следует побыть одному…

— Да ты сам погляди: я сижу на своем месте, — предъявил другу корешок Чижиков. — На том же самом, на котором сидел… ну, до всего этого. Видишь?

— Теперь ты намекаешь на то, что я близорук? — тут же окрысился Сумкин. — Ты ищешь повод попритеснять меня на почве физических недостатков, расист доморощенный?.. Конечно, вижу! Ну и что? оно что, лично по твоей заднице сконфигурировано, это место? Не вижу повода для мистического восторга. Я вот… — С этими словами он полез в нагрудный карман пиджака, откуда достал мятую бумажку. — Я вот тоже сижу на своем. Зад все равно затекает. И что с того? — Короче!

Котя встал и решительно открыл багажный отсек над полкой. И увидел там то, что и подозревал увидеть: свою сумку с ноутбуком. Вынул ее и победно потряс сумкой перед носом у друга. — Это моя сумка. Что ты теперь на это выразишь, мыслитель?

Великий китаевед опешил и некоторое время вхолостую жевал губами, переводя взгляд с Коти на сумку и с сумки на Котю. Потом метнулся к багажному отсеку над своим креслом, открыл… — Нет, старик, это неправильно! — сказал он, вытаскивая наружу потрепанный толстый дипломат и широко улыбаясь. — До этого должен был додуматься я! — Тише, пожалуйста, — шикнули на ликующего откуда-то спереди. —

Извините, — кротко ответил Сумкин и опять исчез за спинками сидений. Коротко клацнули замки.

Котя тоже сел на место и взялся за молнию сумки, хотя чувствовал: никаких сюрпризов не будет, содержимое в полной сохранности. Так и оказалось. Но Чижиков на всякий случай вытащил ноутбук и осмотрел его со всех сторон. Порядок. На месте были и контактные линзы, запасливо приобретенные в Петербурге.

Укладывая компьютер обратно, Котя вдруг заметил флэшку. Флэшка, непривычно маленькая, вся серебристая, закатилась в угол сумки. Чижиков вряд ли бы ее углядел, если бы флэшка не блеснула.

«Странно, — подумал Котя, поднося флэшку к глазам и внимательно разглядывая. — Не моя. Интересная какая. До чего ж техника дошла!»

Ни маркировки производителя, ни каких-то иных надписей на флэшке не было. Котя осторожно нажал на боковой выступ, и из совершенно, казалось бы, ровной, без малейших зазоров, грани выскочил стандартный USB-разъем. Котя нажал на выступ еще раз — разъем послушно исчез.

— Живем, старик, живем! — плюхнулся рядом ликующий Сумкин. — Важное-наиважное барахло теперь со мной! Черт, да ведь благодаря твоей редкой сообразительности я теперь могу рассчитывать, что и чемоданчик мой долетит до Пекина на этом же самом самолете! Дай я тебя расцелую!.. А что это у тебя? Флэшка?

— Вроде того, — кивнул Чижиков. — Странная какая-то…

— Не твоя, что ли?

— Не-а, — мотнул головой Котя. — У меня таких отродясь не было. откуда она взялась, интересно?

— Ну ты вопросы задаешь, старик! откуда взялась! Тоже мне, звездные войны! Заканчивай постигать непостижимые законы мироздания. Тут цельный чемодан откуда-то взялся, а ты о флэшке голову ломаешь! Мы же разными рейсами летели, да еще с недельным интервалом, и тем не менее мой дипломатик на месте, целехонек, а ты — флэшка! Побочный продукт перемещений во времени, наплюй! Потом в комп вставишь и посмотришь.

— ладно… — Котя положил флэшку в сумку и застегнул молнию. — Ну что, пошли на пассажиров смотреть?

— Пошли, ага, — согласился Сумкин. — Только в хвост иди ты, а я в нос пойду, там туалет ближе. Надо мне туда… Минут через пятнадцать приятели снова сидели рядом. При этом вид у Сумкина был загадочный, а у Чижикова — мрачный. Чижиков

открыл было рот, но Сумкин споро приложил палец к губам: тихо, мол, ничего сейчас не говори, — и кивнул на кресла. Котя вынужден был с ним согласиться, именно что «тс-с-с-с!», хотя поговорить было о чем. Потому что там, в задних рядах самолета, спал, чинно откинув голову на красную маленькую подушечку и слегка приоткрыв рот, Алексей Борн. Борн сидел на том же самом, как показалось Коте, месте, где он увидел его в первый раз, перед исчезновением из самолета. Когда нашлась нетронутая сумка с ноутбуком, логично было предположить, что и Борн, подло прокравшийся на борт, обнаружится в салоне, равно как и все прочие пассажиры, но Котя отчего-то про Борна начисто забыл и, увидев его безмятежно спящим, столбом застыл на месте. К счастью, кругом все тоже мирно спали, и никому не бросилось в глаза странное замешательство Чижикова. Котя взял себя в руки и с самым независимым видом проследовал мимо. Дошел до конца салона, не забывая разглядывать окружающих, посетил туалет, где не удержался, вытащил Дракона, сжал его в ладони и на пробу «пробил» Сумкина: великий китаевед самозабвенно умывался в тесном самолетном сортире, стуча локтями о стены и заливисто чертыхаясь. Как следует отмытые очки поблескивали каплями воды на полочке у зеркала. То, что Дракон с ним и по-прежнему исправно работает, придало Коте сил, и он, чуть ободренный, осторожно, стараясь не смотреть на Борна, прокрался по соседнему проходу к своему месту. Больше никого из знакомых Чижиков в самолете не обнаружил, что немало его встревожило: ни Шпунтика тебе, ни Ники — ни в виде девушки, ни в виде девочки.

— Ты только не сходи с ума от счастья, старик, — нагнувшись к Коте, прошептал Сумкин, — а только я тебя сейчас неимоверно обрадую.

— У тебя кусочек салфетки к очкам приклеился, — невпопад брякнул Чижиков. — Вон, справа.

— Да? — Сумкин стащил очки с носа, близоруко всмотрелся, поддел обрывок мизинцем, стряхнул на пол. — Спасибо… Так вот… Слушай, старик, что-то ты мрачный. Простатит замучил? Или таки нашел девочку из будущего?

— Нашел, — кивнул Котя. — Только не девочку. А очень странного человека, которого на нашем самолете быть не должно. По крайней мере, он мне ничего про полет в Пекин не говорил.

— Кто такой? Сумкин осторожно выглянул в проход, рассматривая пассажиров.

— Что он тебе сделал? Не боись, отобьемся. Мы теперь моща!..

— Да перестань! — потянул Чижиков друга за рукав. — от

него хрен отобьешься. он сам от кого хочешь отобьется.

— Капитан Кирк, ты меня пугаешь… Великий китаевед машинально зашарил по карманам в поисках сигарет; вспомнил, что кончились, да и нельзя теперь курить в самолетах, обреченно махнул рукой.

— хоть покажи, который.

— Потом… — Чижиков малодушно подумал: а вдруг Борн возьмет и рассосется, как его и не было? Нет человека — нет проблемы. — Ты ведь что-то нашел, да? И судя по всему, это не Ника. Рассказывай.

— Ники на самолете нет, — подтвердил Сумкин. — Разве что она залезла на полку для багажа, но мы узнаем это только тогда, когда в Пекине народ сумки расхватывать начнет. Тут она и вывалится кому-нибудь на голову, старик, — усмехнулся Федор. — Но я не об этом. Я про другое. Иду это я так тихо и спокойно к туалету, прохожу мимо вон тех шкафов, где полки для всякой некондиционной дряни, что люди в салон по дурости тащат, и на всякий случай отодвигаю незаметно пальчиком занавесочку. И что, ты думаешь, вижу? — сделал эффектную паузу великий китаевед.

— И что ты видишь? Кстати, спасибо, что не отказываешь мне в том, что я могу думать.

— С кем не бывает!.. И тут начинается самое интересное, старик. Там, представь себе, стоит такая нелепая клетка, и из той клетки доносится тихое противное урчание. Ну, знаешь, на манер тувинского горлового пения. Я этак наклоняюсь посмотреть — и кого я вижу?

— Шпунтик?! — вскинулся Котя.

— Собственной персоной! Глаза по двадцать рублей мелочью, морда отчаянная, увидел меня — и как на прутья ринется! Чисто тигр! — широко улыбнулся Сумкин. — Только, старик, я не понял: какой идиот придумал посадить кота в клетку?..

Эпизод 4
Здравствуй, Поднебесная!

Воздушное пространство Китайской Народной Республики — аэропорт «Шоуду», Пекин, Май 2009 года

— Господин Конэсытантин Чичжикоф… Э-э-э… Где ваша виза?

Китайский пограничник смотрел на Чижикова внимательно, строго. Их двоих разделяла широкая полированная деревянная стойка, где слева был укреплен небольшой цветной экран с миникамерой вверху, транслировавший Коте изображение его лица: слегка взволнованного, но в общем и целом вполне пригодного для беспрепятственного проникновения в Китай. Котя не знал, как должен выглядеть террорист, пытающийся пересечь границу по поддельным документам, или же человек, везущий контрабанду, которую до сих пор не обнаружили, но надеялся, что не похож ни на того, ни на другого. основания для волнения, то есть маленькая контрабанда, у Чижикова были, и потому он старательно контролировал выражение лица: сижу, никого не трогаю, примус починяю. И чуть завидовал пограничнику, лицо которого было непроницаемым, судя по всему, с самого рождения, — такой твердости черт Чижикову видеть еще не приходилось.

— Ваша виза? — терпеливо повторил пограничник по-английски, с сильным акцентом. — Где ваша виза? У вас нет китайской визы?

Котя вытащил из сумки распечатку, что по электронной почте прислал ему Дюша Громов, и молча двинул ее к пограничнику. Тот бумагу сцапал и погрузился в изучение. Просторный зал, где происходило пересечение границы, был полон людьми. Здесь было стоек, наверное, двадцать, и перед каждой стояла небольшая очередь из прибывших. опытный Сумкин сразу увлек Котю в ту очередь, что уходила под красную надпись «Для иностранцев», а когда Чижиков спросил, почему сюда также идут и люди с ярко выраженными неевропейскими лицами, с усмешкой пояснил, что азиаты бывают разные и живут в разных странах, а не в одной только Китайской Народной Республике. «Но вот что я здесь люблю, старик, так это порядок! — поделился великий китаевед. — Все стоят именно в той очереди, в которой

положено, и едва очередь превышает разумные пределы, тут же появляются еще погранцы и открывают еще стойки. Дабы народ не толпился и следовал в Китай с удовольствием и хорошим настроением, которые вместе так способствуют радостной и вдохновенной трате трудовых сбережений. Театр, старик, начинается с вешалки!»

— Вы… — Пограничник покончил с изучением бумаги и поднял глаза на Чижикова. — Мистер Чичжикоф, вы… приехали по приглашению компании… — Тут он снова уткнулся глазами в бумагу и попутно зашевелил губами.

— «Российско-китайский чайный дом», — помог ему Котя.

— О! — вздрогнул пограничник, посмотрел на Чижикова с интересом и обозначил намерение улыбнуться. — Вы превосходно говорите по-китайски!

«Еще бы, с таким-то переводчиком!» — подумал Котя и улыбнулся в ответ.

— Мои коллеги уверили, что визу можно будет оформить сразу по прилете, — продолжал Чижиков, следуя инструкциям Дюши Громова. — И этой бумаги будет достаточно. К слову, у стойки оформления виз меня должен ожидать официальный представитель «Российско-китайского чайного дома» господин Громов.

— Все верно, господин Чичжикоф, — кивнул пограничник. — Таковы правила. Позвольте мне закончить необходимые формальности, после чего я сопровожу вас к пункту выправления виз. Это будет стоить сто долларов США, вы знаете? очень хорошо. Теперь смотрите на экран, пожалуйста.

Чижиков послушно уставился в экран и даже подмигнул зрачку камеры. Контактные линзы надежно скрывали вернувшееся разноцветье глаз… Веселое озорство охватило Котю: надо же, все получается! А он-то до самого последнего момента сомневался, волновался, переживал: ну как же, ехать за тридевять земель без визы в паспорте! Это казалось страшной авантюрой, обреченной на неминуемый провал. И что тогда? Ушлют обратно в Петербург или вообще посадят в местную тюрьму за нарушение визового режима? А вот поди ж ты! Пограничник между тем щелкал невидимыми из-за стойки клавишами. Котя перевел на него взгляд и увидел, что лицо пограничника внезапно посуровело, хотя куда уж больше, а губы сжались в упрямую тонкую линию. Пограничник глянул на Чижикова, словно выстрелил, и тут же вернулся к компьютеру.

— Что-то не так?

Сердце Коти упало: ну вот, начинается! Веселье как ветром сдуло.

— Все в порядке, господин Чичжикоф, — избегая смотреть на Котю, ответил пограничник. К их стойке быстрым шагом приближались еще три служителя границы. — Необходимые формальности. Прошу вас немного подождать.

Чижиков нашарил взглядом Сумкина. Тот уже благополучно минул пограничный кордон и теперь топтался среди других счастливцев. Федор поймал взгляд Чижикова, вопросительно поднял брови: что, мол? Котя в ответ лишь пожал плечами и махнул рукой: иди. Номер китайского мобильника Громова Котя дал другу еще в самолете. Договорились, что, если оформление визы Чижикова затянется, Сумкин отправится в гостиницу и займется своими делами, а потом по результатам отзвонится Дюше. И вообще, пока то да сё, связь они будут держать через Громова.

А оформление визы и впрямь грозило затянуться.

Троица пограничников достигла стойки; шедший первым и, по всей вероятности, главный низко наклонился к исследовавшему Котины документы офицеру, и тот что-то сказал ему на ухо, но так тихо, что Чижиков не расслышал ни слова, а следом принялся куда-то тыкать пальцем, но что там такое, Котя из-за высокой стойки разглядеть не сумел.

Главный внимательно выслушал коллегу и стал пытливо вглядываться в экран. Нажал на несколько клавиш, перевел тяжелый, подозрительный взгляд на Котю, ничего не сказал и опять склонился за стойкой. Двое его сопровождающих, что то и дело заглядывали через плечо начальника, вдруг выпрямились и сурово уставились на Котю.

Чижиков не понимал, что происходит. он не знал, есть ли смысл что-то говорить и вообще качать какие-либо права, и потому стоял молча, терпеливо ожидая завершения «формальностей». На душе, однако, стало погано, и Шпунтик, прежде беспокойно ворочавшийся в клетке, которая от этого разве что ходуном не ходила, вдруг затих у Котиных ног и затаился, словно почувствовал изменившееся настроение хозяина.

— Господин Чичжикоф, — наконец обратился к Коте начальник, — вы понимаете по-китайски?

— Он превосходно говорит… — встрял было пограничник, но начальник не обратил на него внимания.

— Да, я понимаю по-китайски, — подтвердил Котя.

— О… Вы говорите как настоящий пекинец, — не удержался от похвалы начальник, но тут же мгновенно овладел собой. — Пожалуйста, пройдемте с нами для оформления визы. — С этими словами он забрал паспорт Чижикова и сделал рукой приглашающий жест в глубь зала, в сторону, прямо

противоположную выходу, куда тем временем двинулся, постоянно оглядываясь, Сумкин. — Прошу вас!

Котя поднял увесистую клетку со Шпунтиком и двинулся в указанном направлении. Начальник шествовал впереди, а двое других пограничников шли сзади, взяв его как бы в клещи, и Котя вдруг понял, что по неизвестным причинам его мягко и ненавязчиво задержали. Или, выражаясь языком девушки Тамары, свинтили.

* * *

Кот Шпунтик был совершенно дезориентирован.

Если бы он умел говорить, то, скорее всего, заявил бы, что у него серьезный когнитивный диссонанс. однако Шпунтик пока не владел даром членораздельной речи, а если бы и владел, то в любом случае предпочел бы тупо промолчать, потому как вряд ли бы сумел выразить словами все свои ощущения и эмоции. Тут и человек-то не всякий справится — не то что кот! Даже такой умудренный жизненным опытом и исполненный всяческих достоинств, как Шпунтик.

С некоторых пор кот не успевал следить за изменениями, которые претерпевал окружающий мир, — до того они был стремительны. Рядом с чересполосицей последних удивительных событий происшествие с дурой-мышью казалось невинной детской забавой! Сначала все было так хорошо, так чудесно: полно воздуха, травы, кустов, деревьев, всякой живности, не мешали даже бессмысленные лягушки с их глупым кваканьем. Шпунтику непрерывно кланялись и возносили хвалу, и хозяин, кажется, наконец осознал, как сильно он в прежней жизни недооценивал своего кота; Шпунтика все время и со всех сторон норовили покормить — причем обильно и разнообразно, и смешно было винить этих искренних и заботливых людей в том, что они не очень хорошо разбираются в приятном коту питании; кота даже провезли с экскурсионными целями по большой воде и ни разу в воду не бросили; наконец, ему предоставили жрицу любви, столь похожую на красавицу Мурку из пятнадцатой квартиры, и хотя свидание было краткосрочным и слегка скомканным, Шпунтик остался встречей очень доволен и рассчитывал на продолжение.

И что дальше? Вместо того чтобы продолжать обеспечивать коту правильную, заслуженную, полную удовольствий жизнь, хозяин и его приятели полезли на гору — зачем? зачем?! — где из воздуха опять выскочило это противное существо, при виде

которого шерсть Шпунтика моментально наэлектризовывалась, а в животе делалось так пакостно, что хотелось сначала как следует изодрать пришельца когтями, а потом бежать куда глаза глядят. Тут ведь в чем беда: от существа ничем не пахло! Ну совсем! Шпунтик решительно не понимал хозяина: ведь он один раз уже изгнал существо из их совместной квартиры, притом немало потрудился и одержал решительную победу. Так зачем было поручать вонючему Сумкину хватать кота руками и насильно удерживать от повторения этого славного подвига? Там более цепкий Сумкин изо всех сил делал то, что он называет «погладить кота», а это в его исполнении действо совершенно непереносимое!

Никак не стыковалось одно с другим. Не монтировалось.

А хуже всего было то, что приключилось дальше, и последнее окончательно и бесповоротно дезориентировало Шпунтика. его лишили поклонений и женщины — подло, но ладно; ему не дали победить существо без запаха — глупо, но и на старуху бывает проруха; его облапал Сумкин — омерзительно, но не смертельно. Но когда хозяин непостижимым образом вновь засадил кота в ненавистную клетку — вот тут Шпунтик окончательно впал в диссонанс. Тот самый, когнитивный. Во-первых, кот не понял, как это, собственно, произошло: только что он, благовещий зверь мао, свисал с хозяйской руки в темной, но вполне подходящей для вдумчивого исследования пещере, ан не успел моргнуть — и уже опять прутья перед носом, кругом все гудит и занавеска перед глазами. Во-вторых, сам хозяин куда-то делся. Пропал из поля зрения. Исчез. Канул. Растворился. В очередной раз малодушно бросил своего верного кота. А ведь Шпунтик так заботился о нем, спасал, оберегал, рисковал хвостом и жизнью и даже оставил хозяину поесть немного рыбы — из числа той, что столь щедро потчевали кота поклонники, справедливо почитающие его таланты! Мог бы и сам съесть, между прочим…

Снова, неведомо как, оказавшись в клетке, Шпунтик воистину обалдел. он сперва не поверил, что дело обернулось столь плохо, и как следует побросался на прутья грудью, но прутья, как и раньше, не поддались: безнадежно. Замуровали, демоны! С отвращением оглядев лживую еду «вискас», кот от души нагадил в «катсан», привычно собрался в ком и начал гудеть вместе с окружающим миром. В этот раз он был намерен не давать хозяину спуску. Придется тому хорошенько попотеть, чтобы их отношения вернулись на прежний доверительный уровень, придется хозяину изо всех сил расстараться, ох придется…

А еще Шпунтик твердо решил, что обязательно написает хозяину в тапочки. Цинично и изобильно. Иных крайних форм

протеста кот пока не придумал, да и к этой-то прибегал всего раз в жизни, когда хозяин посчитал, что Шпунтику нечего делать на улице, и со свойственной людям наивностью попытался удержать кота дома путем закрытия всех форточек. Кот тогда предпринял планомерные боевые действия. Сначала он пытался вступить в мирные переговоры, то есть часами сидел под закрытой форточкой, всякий раз выразительно поднимая к ней взор, едва хозяин входил в кухню. Тот оставался глух. Шпунтик давно привык к тому, что хозяин ему попался ненаблюдательный и довольно туго соображающий, а оттого сыграл тот же номер в комнатах. Никакого результата. В знак протеста кот перестал принимать пищу, то есть объявил политическую голодовку, но бездушный хозяин решил, что у кота глисты, всячески кота пожалел и погладил, а когда Шпунтик наконец расслабился, ожидая, что вскоре откроется вожделенный проход в лето, насильно скормил ему очень горькую таблетку. Тут-то оскорбленный Шпунтик, отплевавшись наконец на самом высоком шкафу в квартире, и решился на крайность. Под покровом ночи он прокрался в хозяйскую спальню и написал хозяину в тапки. Как следует. от души. При этом кот вовсе не рассчитывал подобным демаршем добиться победы, то есть получить свободный доступ на улицу, — просто Шпунтик излил в тапки всю накопившуюся горечь непонимания и еще добавил чуть-чуть мести за таблетку. Каково же было удивление кота, когда хозяин утром взялся скакать за ним по всей квартире, размахивая тапком, а потом, раздраженный тем, что Шпунтик оказался слишком проворен, а квартира чересчур велика, с криком «Пошел вон, зассанец!» — распахнул форточку!

Зассанец, надо же. А сам-то? Нет, человеческая логика абсолютно непостижима. Тут и говорить-то не о чем.

Как бы то ни было, второго вселения в клетку Шпунтик спускать хозяину не собирался. Возможно, кот и оттаял бы, если б хозяин прибыл к клетке с подобающими извинениями и скорейшим образом выпустил бы Шпунтика из узилища. Но разве дождешься от этого нелепого двуногого существа простых и понятных поступков?!

А что, если на этот раз хозяин решил Шпунтика в клетке бросить?

А вдруг почтительные восхваления и усиленное питание полагались вовсе не коту, но совсем даже хозяину, который из тактичности и слова не произнес поперек, не говоря о том, чтобы как-то намекнуть, например написать Шпунтику в тапки?

А что — если?! — Шпунтик! Шпунтик!

Занавеска отлетела в сторону, и прямо пред очи кота явилось

радостное лицо Чижикова. Шпунтик подался вперед, от избытка чувств впечатавшись мордой в прутья клетки, и тут же забыл все обиды: не бросил! не бросил!

Хозяин между тем снял клетку с полки, переставил на низкий столик, но отворять врата темницы почему-то не спешил. Кот смотрел на него с надеждой, кот даже испустил призывное мурлыкание, показывая: вот он я, Шпунтик, я здесь, открывай уже.

Вместо этого хозяин принялся за привычные свои глупости: не стал делать главного, а занялся второстепенным, что, по мнению Шпунтика, явно могло бы и подождать. хозяин выдвинул лоток, располагавшийся под клеткой и назначенный для утилизации избыточных отходов кошачьей жизнедеятельности, с которой по каким-то причинам не справился «катсан». Выдвинул и внимательно осмотрел: сухо. Кот самодовольно прищурился: конечно, сухо! И будет сухо — что ж я, из дикого леса вышел, элементарной гигиены не понимаю? Это какой-нибудь Тишка гадит где попало, воняет как сортир и вообще придурок, — а я вовсе не таков, я знаю, для чего «катсан» существует. Ну, проверил? Убедился? Теперь открывай давай! Не тяни!

Похоже, хозяин осмотром лотка остался доволен, потому что сказал: — Молодец, кот, просто умница. Какой ты у меня опрятный и чистоплотный!

После чего воровато огляделся, вытащил из-за пазухи некрупную штуковину в пахучей тряпке и стал ее запихивать в лоток. Штуковина лезла плохо, хозяин старался и упорствовал. Шпунтик смотрел на хозяина во все глаза: такой бестолковости кот все же не ожидал. он знал, что хозяин у него со странностями, но чтобы вот так беспечно заниматься ерундой, когда кот изнемогает в заточении, — это было уже слишком. И Шпунтик от возмущения повысил на хозяина голос. — Спокойно, спокойно, мой хвостатый друг, — шепотом принялся увещевать его хозяин, заталкивая лоток на место. — Не кричи, ладно? Не надо шуметь. Тебе придется посидеть здесь еще немного. Чуть-чуть. Ты потерпи, хороший мой… Ты мне здорово поможешь, если будешь вести себя тихо еще пару часиков. А потом я тебе дам полно вкусной еды. Пикша. хочешь пикши?

Шпунтик, обалдев от подобной наглости, не нашелся с ответом, а хозяин самонадеянно воспринял изумление кота как согласие, стал бормотать «вот и хорошо, вот и славно» — и поднял клетку со столика, намереваясь поставить на место. Шпунтик хотел было как следует заорать, но тут к хозяину подошла одна из тех бездушных женщин в синем, что гремели посудой и не обращали на кота никакого внимания, — и Шпунтик

на всякий случай от крика воздержался. — Простите, — сказала женщина в синем, — до конца полета запрещается проносить животных в салон. Мы и так пошли вам навстречу и разместили животное не в багажном отсеке, а в салоне… — Да-да, — суетливо заулыбался женщине хозяин, — конечно! Я только проверил, все ли в порядке, а то котик у меня нервный, — и поставил клетку обратно за занавеску, а занавеску задернул. И был таков.

Шпунтик опять остался один.

Вот это уж точно было предательство. Неприкрытое, циничное предательство. Шпунтик понял, что теперь одними тапками не обойтись. К счастью, кот знал, где хозяин хранит остальную обувь и как туда с минимальными потерями пробраться. Ну погоди, будет тебе! Только дай домой вернуться, а там!.. Надо же — нервный! Попомнишь ты мои страдания!

Кот раздулся от ярости. хотелось рвать и метать. Попадись сейчас Шпунтику дура-мышь — десять, двадцать дур-мышей! — кот придушил бы их всех. И даже идиотская лягушка не избежала бы расправы, попадись она ему! А уж если бы встретился Тишка!..

Шпунтик забился в клетке.

Если бы он был человеком, а не котом, то можно было бы сказать, что Шпунтик окончательно потерял самообладание. Для этого были все поводы. Ничего более вопиющего в его кошачьей жизни до сих пор не случалось.

Кот отчаянно рвался на свободу.

Он повалился на спину и с криком попытался сокрушить потолок мощными ударами задних лап, но лишь глубоко поцарапал прочную пластмассу; он расшвырял в разные стороны «вискас» и «катсан», он принялся рыть неподатливый пол и вырыл в нем массу царапин; он вертелся и так и сяк, примериваясь то к одной, то к другой стенке и атакуя их всем весом. Но клетка была слишком тесная и прочная, а Шпунтик был слишком велик, чтобы как следует размахнуться. Кот лишь ободрал себе нос в тщетных попытках протиснуться сквозь прутья, а через какое-то время просто устал. В полном отчаянии он привалился к стенке и, глухо подвывая, стал нервно вылизывать правую лапу.

Предательство…

Криков его все равно никто не слышит: никого — никого! — нет рядом, и этот проклятый гул…

Предательство!

Шпунтик тяжело повернулся и принялся за левую лапу.

Предательство…

Написать, что ли, прямо сейчас?

И тут Шпунтик вдруг ощутил тепло. Мягкое, приятное, еле

заметное тепло, что шло снизу, из лотка. оно обволакивало Шпунтика. оно заключило кота в нежные объятия. Кот чувствовал: тепло чуть слышно урчит, словно кошка-мама поет над несмышленым котенком. Кот чуял: тепло легонько приглаживает встопорщенную шерсть, незримо успокаивает дрожащие от напряжения мышцы.

И нежданная безмятежность снизошла на кота.

* * *

— Господин Чичжикоф! — Пограничный начальник пролистал паспорт и задержался на странице с фотографией. — Вы первый раз посещаете Китай?

Длинными глухими коридорами Котю привели в небольшую комнату без окон, где из мебели имелись лишь простой алюминиевый стол и два таких же стула. оба сопровождающих застыли у двери с закрашенным окошком, начальник же расселся у стола, жестом пригласив Чижикова занять стул напротив. Немного поколебавшись, Котя сел, поставил в ноги клетку со Шпунтиком и положил на стол сумку.

— Можно узнать ваше имя? — спросил Чижиков у пограничника.

— Лейтенант Чжан, — ответил тот. Дверь открылась, вошел еще один пограничник, раскрыл и поставил перед Чжаном большой ноутбук, после чего дисциплинированно удалился.

— Как я вижу, господин Чичжикоф, вы вовсе не удивлены тому, что вас отвели именно сюда.

«Спокойно, — сказал себе Котя. Пока они шли, Чижиков успел собраться с мыслями и был готов к сопротивлению, в том числе физическому. При нем были Дракон и зеркало, и отдавать их кому бы то ни было без боя, после того, что он вынес, Котя не собирался. — Как учат нас доктор Хаус и товарищ Сергей, не верь никому. Все лгут. У всех свои интересы. Вот и прикинемся лаптем, а там будем посмотреть…»

— Отчего я должен удивляться, лейтенант Чжан? — самым простодушным тоном спросил Котя. — Я, как вы знаете, второй раз в Китае, но не в курсе, как именно оформляются подобные визы. Я верю, что вы делаете все правильно. единственное, что меня удивляет: почему здесь нет официального встречающего — господина Громова. Возможно, его сейчас позовут? И потом, куда это — сюда?

— Господин Чичжикоф… — офицер Чжан поднял на Котю тяжелый взгляд. — Вы находитесь в комнате для дознаний.

— Даже так? — округлил глаза в изумлении Котя. — А по какому поводу? Что-то не так с моими бумагами?

«Они не те, за кого себя выдают. Вдруг это злодеи, что забирают предметы силой? И как только они выдадут себя… Чжану сумкой в рыло, потом быстро развернуться, кулаком в лоб одному, ногой в живот второму… Пока очухаются, пока сообразят… еще было бы здорово выпустить Шпунтика. хоть он на меня наверняка дуется, но в обиду не даст… А потом бежать, бежать, бежать…»

Куда бежать в коммунистическом Китае и в незнакомом городе Пекине, к тому же не пройдя паспортный контроль, Чижиков не знал. Но с некоторых пор предпочитал решать проблемы по мере их поступления. он незаметно тронул клетку со Шпунтиком и качнул ее — кот отозвался легким броском на прутья.

— Что это там у вас? — поинтересовался Чжан, не отводя взгляда от Коти.

— Кот, — с простодушной улыбкой ответил Чижиков. — Мой любимый домашний кот. Ах да! — спохватился он, видя недоумение на лице набольшего пограничника. — Вот его документы, лейтенант Чжан! — Котя протянул Шпунтиковы бумаги. — хотите взглянуть?

Чижиков с готовностью поставил клетку на стол. Шпунтик лежал в клетке в позе сфинкса и спокойно, величаво смотрел на Чжана. Когда пограничник нагнулся, чтобы рассмотреть животное поближе, кот даже не шевельнулся. Смотри, жалкий человечишко, пялься.

— Гм. Действительно кот, — кашлянул Чжан, скрывая интерес. Видно было, что, если бы не чрезвычайные обстоятельства, он с радостью уделил бы коту гораздо больше времени, например погладил или еще как-нибудь поумилялся. Сумкин рассказывал, что китайцы относятся к домашним животным крайне потребительски, то есть любят с утра и до вечера, пока залюбленное до изнеможения животное не улучит момент спастись бегством в недоступный для почитателей уголок.

— Возможно, дело в коте? — предположил Чижиков, возвращая беседу в прежнее русло и ни на секунду не расслабляясь. То, что клетка теперь стояла на столе, давало Шпунтику явное преимущество для броска, стоило только открыть дверцу, а уж в том, что Шпунтик если не бросится и вцепится, то по крайней мере эффектно из клетки выскочит и отвлечет на себя внимание пограничников, Котя ни на секунду не сомневался. он слишком хорошо знал своего домашнего

питомца. — Меня заверили, что всех этих документов для кота достаточно. Там и паспорт, и свидетельство о прививках…

— Все документы в порядке, — просмотрев бумаги, ответил Чжан. — Следует заплатить пошлину, и ваш кот может беспрепятственно въехать на территорию Китайской Народной Республики. Но мы здесь не из-за вашего кота. Мы здесь из-за вас.

— В каком смысле? — снова сделал круглые глаза Котя.

— Господин Чичжикоф, вы говорите, что первый раз посещаете КНР в этом году, — начал Чжан, сверля Котю взглядом.

— Точно так, — кивнул тот. Видимо, суровый взор начальника должен был нагнать на Чижикова страха или во всяком случае сделать более сговорчивым, но Котя больше не велся на такие простые фокусы.

— Если вы были до того в Китае всего один раз и провели здесь лишь семь дней, то скажите, господин Чичжикоф, где же вы так превосходно научились говорить по-китайски? — спросил вдруг Чжан. — Ведь вы не китаец.

— Нет, я очень даже русский.

— Тогда я не понимаю. если вы русский, то в вашей речи должен присутствовать хотя бы минимальный акцент. А вы говорите так чисто, словно диктор на телевидении. лучше, чем Да-шань[5]. Как подобное возможно?

— Ах это!.. — Котя, который представления не имел, кто такой Да-шань, со смехом махнул рукой. — Подобное со мной уже не в первый раз, лейтенант Чжан. Все удивляются. Дело в том, что у меня с детства феноменальная способность к языкам, — убедительно соврал Котя и продолжил врать дальше: — Я выучиваю любой иностранный язык за пару месяцев, а то и быстрее. Это природный дар. Кроме того, бабушка моя — китаянка, она с детства говорила со мной дома по-китайски, и это был второй язык, который я выучил. Правда, я совсем не умею читать иероглифы… — Тут Чижиков вполне, как ему казалось, убедительно изобразил смущение и для верности оглянулся на стоявших в двери пограничников: оба внимательнейшим образом прислушивались к беседе и совершенно расслабились. — Но я надеюсь за время пребывания в вашей прекрасной стране исправить этот вопиющий недостаток.

— Бабушка ваша, должно быть, из старых эмигрантов? — уточнил заинтересовавшийся Чжан.

— Да, — опять смущенно улыбнулся Чижиков, — она вышла замуж в России и остаток жизни провела в нашей стране. Сколько я ее помню, бабушка с большой любовью вспоминала Китай, мечтала вернуться на родину, но случай так и не представился… Тут, внутренне сгорая от стыда и кляня себя последними

словами, Чижиков театрально замолчал, словно бы пытаясь справиться с охватившими его чувствами. Бабушки своей он почти не помнил — она умерла, когда Котя был совсем маленьким, но китаянкой она точно не была, и потому Котя пребывал в смятении от неловкой лжи. однако Чжан и его подчиненные о невысказанных терзаниях задержанного иностранца ничего не подозревали. его россказни, похоже, пробудили в их простых китайских сердцах неподдельное сострадание: Чжан мотнул головой, а один из пограничников поставил перед Котей бутылочку воды и пластиковый стакан.

— Спасибо, — поблагодарил Котя, вдвойне переживая, что ему, если что, придется бить этих отзывчивых людей по лицу и по иным прочим местам. — лейтенант Чжан, если мы все выяснили, то позвольте мне тогда…

— Господин Чичжикоф, — перебил его Чжан. Теперь взгляд его не был столь суровым и непреклонным. — остается лишь одна проблема, которую мы надеемся разрешить с вашей помощью.

— Да, конечно. Я готов. — Котя как бы невзначай положил руку на клетку со Шпунтиком. С таким расчетом, чтобы одним движением открыть дверцу, освободить кота, а там… — Спрашивайте, лейтенант Чжан. Все зависело от того, о чем будут спрашивать. Наступал момент истины.

— Вы утверждаете, что первый раз въезжаете в нашу страну в этом году, — со странной для Коти настойчивостью повторил лейтенант. — Господин Чичжикоф, вы абсолютно в этом уверены? Подумайте. Возможно, случилось нечто такое, что вынудило вас говорить неправду, но уверяю вас: власти КНР позаботятся о том, чтобы третьи лица или даже организации, которые вынудили вас пойти на подлог, понесли заслуженное наказание. Важно, чтобы вы поняли, что находитесь под защитой правительства КНР и можете не бояться никаких злоумышленников.

— О чем вы говорите, лейтенант Чжан? — Чижиков ожидал, что Чжан будет ему туманно намекать на необходимость сдать Дракона или даже не намекать, а прямо потребует отдать предмет, но к тому, о чем лейтенант повел речь, Котя был совершенно не готов: какой подлог? он так и спросил, и на сей раз удивление его не было деланым: — Какой подлог? лейтенант Чжан сокрушенно покачал головой.

— Эх, господин Чичжикоф, господин Чичжикоф…

— Но я действительно не понимаю…

— Предположим, — кивнул Чжан. — В таком случае я прошу вас, господин Чичжикоф, объяснить мне это…

С этими словами он развернул ноутбук экраном к Коте.

Чижиков вгляделся. Во весь экран раскинулось изображение

разворота российского паспорта — той страницы, где фотография и имя владельца, а также соседней. С фотографии смотрел Котя Чижиков — один в один, хотя снимок был другой, как если бы Котя пошел фотографироваться не вчера, а, к примеру, сегодня. Но эту мельчайшую разницу заметить было трудно, а еще труднее было объяснить. К тому же имя и фамилия владельца совпадали точь-в-точь.

— Похоже, это мой паспорт, — помедлив, сказал Чижиков. — хотя мой паспорт у вас в руках, лейтенант Чжан!

— Вы уверены, господин Чичжикоф, что в компьютере тоже ваш паспорт? — На мгновение Чжан забыл контролировать лицо, и Котя успел заметить явно проступившее выражение сомнения и даже недоумения. — Вы точно уверены?

— Ну как же… — Чижиков окончательно перестал понимать, что происходит. — Фотография моя, имя и фамилия тоже…

— В этом и состоит проблема, господин Чичжикоф, — слегка наклонил голову Чжан. — Потому что тот паспорт, который вы видите на экране, почти идентичен этому, — лейтенант взял со стола и показал Коте его действующий паспорт. — С той разницей, что серии и номера у этих двух документов разные. И еще: некто господин Чичжикоф законно въехал в КНР неделю назад.

* * *

— …Слушай, старик, пока суть да дело, дай-ка мне первый свиток «Илиады» полистать, — попросил Сумкин, хищно орудуя во рту зубочисткой. Это было за пару часов до пересечения границы, еще в самолете. Только что забрали грязную посуду, и у великого китаеведа, вкусившего курицы с макаронами, на сытый желудок прорезался исследовательский зуд. — До посадки еще час с лишним, надо же себя чем-то занять. Котя посмотрел на него с сомнением: время ли?

— Ну а что? — правильно истолковал его взгляд Сумкин. — Того парня, который, по твоим словам, опасен, ты не даешь мне с самолета ссадить. Так я хоть «Илиаду» почитаю. Знаешь, старик, как говорил мой университетский преподаватель, кстати, китаец: пятнадцать минут — тоже время. И вообще, я считаю, что нельзя рисковать этим раритетом феерической важности, сосредоточивая его полностью в твоих неопытных руках неофита.

— То есть? — улыбнулся Чижиков. — Что не так с моими неопытными руками? Недостаточно цепкие?

— Да то, что история человечества недвусмысленно учит нас

не складывать все яйца в одну корзинку, старик! — разгорячился Федор. — Ты вообще понимаешь своим замшелым от бездействия мозгом, обладателями чего мы стали? Нет? Так я тебе кратко и доходчиво разъясню: мы стали обладателями вещи, которой в живой природе в принципе быть не может. Исходя из всего того, что мы знаем о взаимодействии Китая с другими древними цивилизациями, старик, никакой «Илиады» у Цинь Ши-хуана быть не могло — такую простую мысль ты можешь усвоить? И ладно бы просто «Илиада», так на ж тебе — в переводе на древнекитайский! Задумайся, старик: в пе-ре-во-де! Записанная к тому же головастиковым письмом! если в двух словах, то это — переворот в китаистике, который тянет как минимум на Нобелевскую премию!

— А Нобелевская премия — это сколько? В смысле денег? — спросил Чижиков, думая о том, как в Пекине отделаться от Борна, который наверняка станет за ним следить.

— Фу, какой ты меркантильный! — возмутился Сумкин. — Не все в этом мире измеряется деньгами, старик. есть еще всякие вечные ценности и чистое знание. Тяга к открытиям, понимаешь? Наука. хотя… ты прав, премия нам не помешает, — и взор его сделался мечтательным.

— Нам? — саркастически поинтересовался Котя.

— А что? — живо повернулся к нему Сумкин. — Я признаю, что ты тоже много сделал для того, чтобы это величайшее в истории открытие состоялось, а поэтому радостно возьму тебя в долю и даже согласен разделить с тобой славу. Только надо будет подумать над легендой прикрытия. Ну, типа, где мы взяли эту рукопись и все такое.

— Не знаю, как ты, а лично я стащил книгу из сокровищницы Цинь Ши-хуана.

— Вот видишь! — назидательно воздел палец Сумкин. — А теперь представь, старик, как отреагирует общественность на такое смелое заявление? Думаю, для начала общественность вызовет специализированный транспорт для отправки тебя в дурку на предмет галоперидолом подколоть, чтобы Цинь Ши-хуан наяву не являлся. В дурке ты встретишь множество интересных и уникальных людей: Наполеонов, вице-королей Индии, Владимиров Ильичей лениных, а также представителей внеземных цивилизаций. В дурке тебе будут ставить очистительные ромашковые клизмы и завертывать на ночь в мокрую холодную простыню…

— Похоже, ты знаешь обо всем этом не понаслышке, — не удержавшись, съязвил Котя.

— Ладно, ладно, — улыбнулся в ответ Сумкин. — Премию

потом поделим. Сейчас важно начать изучение добытого нами манускрипта. И не складывать яйца в одну корзину, как я только что тебе доходчиво объяснил. А вдруг ты сумку потеряешь или у тебя ее кто-нибудь сопрет? Поэтому предлагаю передать первый свиток «Илиады» на хранение и для изучения мне, и прямо сейчас. Ты ведь все равно ни черта в нем не поймешь, старик, — просительно заглянул в глаза Коте Сумкин. И вдруг, скривившись, ухватился за щеку. — Уй…

— Что, снова зуб?

— Он… проклятый… — Сумкина аж перекосило, на глаза навернулись слезы. — ой, гад…

— Слушай, ну, может, обезболивающую таблетку попросим какую у стюардессы? — предложил Котя сочувственно. он терпеть не ног зубной боли, а стоматологов и весь процесс, связанный с лечением зубов, не любил того пуще. Но все же предложил: — А в Пекине пойдем к доктору.

— Не, старик… — Сумкин на время замер, прислушиваясь к ощущениям, потом облегченно вздохнул. — отпустило, кажется. Гадость какая!.. Никаких докторов, слышишь? Во-первых, это дорого, а во-вторых, я уже почти привык. он же не все время болит, зараза, он вдруг как вступит на полминуты, как советское радио, а потом опять целый день порядок. Дома с зубом разбираться буду, — решительно заключил великий китаевед. — Сейчас есть дела поважнее. Так что, даешь «Илиаду»? — ладно, — великодушно согласился Котя. Резон в словах друга определенно был, как в части изучения, так и в части сохранности книги. Действительно, мало ли что может случиться.

Чижиков вытащил из сумки свитки, и Федор, бегло осмотрев их, выбрал первый. — Ну все, старик, я пойду к себе, погружусь с головой в первичное исследование. — С этими словами Сумкин поднялся, бережно прижимая свиток к груди, и пересел вперед, на свое место.

Котя лишь улыбнулся.

Нобелевская премия.

Надо же.

* * *

Шпунтик привыкал к новым ощущениям.

Исходившее от спрятанной в лотке клетки круглой штуковины тепло полностью умиротворило кота. Исчезло напрочь безумное желание любым способом вырваться из узилища, пропала злость на хозяина-предателя. Шпунтику стало хорошо и

уютно. он купался в незримых волнах, пронизывающих его, он был спокоен, невозмутим и громко мурлыкал от удовольствия, не замечая того. Сейчас кота можно было выдрать из клетки разве что силой, и то, едва оказавшись на свободе, Шпунтик немедленно бы ринулся обратно, так необыкновенно хорошо было коту.

Лежа в позе сфинкса, Шпунтик глядел полузакрытыми глазами на отделявшую его от салона занавеску, но занавески не видел. Тело налилось мощной энергией, казалось — вот только прыгни Шпунтик, и прыжок тот будет вечным — через необозримое пространство, и ничто не сможет помешать коту или остановить его.

И потому, когда раздражавший раньше кота гул перешел в рев, когда самолет содрогнулся, встретив колесами землю, и покатился по взлетной полосе, кот не шевельнул и лапой. И даже когда хозяин наконец явил ему свой дивный лик, когда отодвинул занавеску и принял клетку со Шпунтиком на руки, сообщив ему: «Ну вот и прилетели, ну вот и все кончилось, мой хвостатый друг, а ты боялся», — кот продолжал лежать спокойно, будто решил остаться в переноске навсегда.

Весь мир пал к лапам Шпунтика. Что ему клетка?..

Эпизод 5
И тут кот прыгнул

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

— …Слышь, Котя, я все же так и не понял, что случилось, — прогудел Дюша Громов и единым глотком выхлебал треть литровой кружки пива. — Что там, в аэропорту, произошло.

— Кабы я сам понял, Дюша… — пожал плечами Чижиков, закуривая. — Я же говорил тебе: вокруг меня в последнее время происходит много всяких диковин.

Они сидели за столиком под легким тентом. Справа чуть слышно плескалась черная в сумерках вода, а слева из открытых окон бара неслась музыка: китайская девица в странном платье самозабвенно тянула хит Селин Дион под аккомпанемент двух гитар и ударной установки. Певица привнесла в известную песню китайскую специфику — ускорила темп, в результате чего получилась вполне даже танцевальная мелодия, и несколько человек в баре усиленно под нее отплясывали. На вкус Чижикова, не помешал бы еще и баян, который придал бы хиту еще больше свежести, новизны и остроты, но баяна не было. А жаль.

Странно начавшийся день был наполнен суетой: после того как Котю проводили к надлежащей стойке и виза наконец была оформлена, встречавший друга Дюша усадил Чижикова в такси, и они промчались по скоростной платной автостраде до кольцевой дороги. Затем некоторое время ехали по ней — и Котя с интересом разглядывал открывающиеся справа и слева виды Пекина, а Дюша без устали пояснял, где именно они сейчас едут. Из окна такси Пекин показался Чижикову одним громадным гостинично-офисным небоскребом. Дороги, правда, оказались чертовски хорошими — по прежнему, краткому и поверхностному, визиту в Поднебесную Котя таких подробностей не помнил. «Ну! — прогудел Громов. — Так тут уже шестое кольцо построили!»

Потом свернули с кольцевой, постояли в паре пробок, попетляли и остановились на улице с множеством вывесок и магазинов. «Вот, — сказал Дюша, расплатившись с водителем и подхватывая чемодан Чижикова. — Знакомься. Героическая улица Маляньдао. Местный эпицентр торговли чаем. Тут я, кстати, и живу», — кивнул Громов на один из высотных домов неподалеку.

Лифт вознес их на девятый этаж, и взору Чижикова открылась светлая и вместительная квартира с большой, как ее назвал Дюша, гостиной и двумя спальнями, а также с двумя балконами. То, что Громов живет тут один, чувствовалось во всем: в углу гостиной, неподалеку от выхода на балкон, прямо на полу громоздилась гора разнообразного барахла — сумки, коробки, свертки, пара игрушечных вертолетов; отдельно стояли великанские кроссовки — несколько пар. На низком длинном столике у громадного плоского телевизора столпились в беспорядке разнообразные бутылки — в основном виски, частью початое, — а также мытые и немытые стаканы; отдельным рядком выстроились мелкие зеленые бутылочки с пекинской народной. Картину всеобщего бардака довершала пластмассовая миска с крекерами.

С огромного холодильника, в который, наверное, Котя мог бы войти не нагибаясь, свисало махровое полотенце легкомысленной расцветки… Чижиков с кошачьей переноской в руках с любопытством обошел всю квартиру, а потом водрузил переноску на стол и, спросив у Громова разрешения («Да конечно, какие вопросы! Ты же знаешь, я люблю этого кота как родного!»), открыл дверцу. Шпунтик, однако, выходить не спешил, и это стало для Чижикова еще одним сюрпризом. Кот безмятежно возлежал в клетке, невозмутимо наблюдая окружающее через щелки прикрытых глаз, и… равномерно мурлыкал. И это Шпунтик, которого правдами и неправдами приходилось уговаривать войти в переноску, соблазняя посулами грядущей изобильной еды и прочих изысканных удовольствий?!

«Что это с ним? — спросил Дюша. — Я знаю, кот у тебя немного псих, но, по-моему, добровольно сидеть в клетке — это даже для психа слишком, не так ли, брат?» Котя только руками развел: Шпунтик вел себя ненормально. «Эй! — позвал Чижиков кота и для убедительности несильно ткнул его пальцем в лоб. — Братан, выходи, мы на тебя смотреть пришли!»

Шпунтик лишь благостно закрыл глаза, легко уклоняясь от пальца, а потом глаза открыл — уже во всю ширь — и внимательно уставился на хозяина. «Кажется, он чем-то удолбался, — предположил Дюша. — Или нанюхался чего». однако опытный котовладелец Чижиков был готов поклясться, что Шпунтик — счастлив! Ну, настолько, насколько может быть счастлив кот, то есть когда он сыт, ухожен и ему есть где обуютиться. Но не в клетке же! Получающий удовольствие от сидения в узилище кот — полный нонсенс. Это уже не кот, а кошачий извращенец, хвостатый мазохист.

«Послушай, — проникновенно обратился к Шпунтику Котя. —

Я знаю, что вел себя плохо и ты на меня сердишься. И ты прав. Я посадил тебя в клетку, я обманул тебя и не дал рыбы, я оставил тебя одного, а там было страшно и вообще… гудело. Извини, но это все было совершенно необходимо. Потому что мы летели на самолете, а на самолете иначе нельзя. Котам запрещается разгуливать на борту. Котов вообще-то в багажном отсеке возят, а тебе свезло пересидеть полет в салоне. Смекаешь? Зато теперь мы уже прилетели, мы в Китае, и ты можешь выйти, а заодно и меня простить. хорошо?»

«Красиво излагаешь, — усмехнулся Громов, с интересом наблюдая эту сцену. — Ты думаешь, он что-то понял?» — «он вообще-то умный, — отвечал Чижиков. — Иногда даже слишком». — «Может, он у тебя заболел? — предположил Дюша. — Укачало его там, к примеру. Или шок у кота. Может, его за шкирку вытащить?» — «Можно, конечно, — кивнул Котя, — но только наши отношения всегда строились на взаимном уважении. Вот тебе бы понравилось, если бы тебя за шкирку?» — «Слышь, брат, — положил тяжелую руку на плечо Чижикову Дюша. — Это всего лишь кот! отношения, то-сё, это я понимаю, но если коту дурь в голову ударила, нужно с ним не разговаривать, а взять и вытащить. хочешь, я вытащу?» Шпунтик посмотрел на Громова с легким интересом. «Видишь? — указал на кота Чижиков. — он все понимает. Вон как на тебя зыркнул». — «Ну как хочешь, — махнул рукой Дюша. — Словом, вон та спальня в твоем распоряжении, коту я лоток подготовил, стоит в туалете. Как только твой кот придет в себя и соизволит выйти, ознакомь его с дислокацией лотка. Чтобы не гадил мне по углам, ясно? — погрозил Громов Шпунтику пальцем. Кот и ухом в ответ не повел. — Так что сейчас давай распаковывайся, и пойдем деньги менять, регистрировать твое пребывание, а потом я тебе нашу чайную лавку покажу». — «А как с котом быть? — спросил Чижиков. — Нет, не как его из клетки выковырять, а вообще: как тут принято с котами? ошейник ему надеть перед выходом на улицу и на поводке водить или можно прямо так, без ошейника?» — «ошейник купить можешь, — усмехнулся Дюша. — Но лучше бантик. Бантик с люрексом и бубенчиками, чтобы красиво было и чтобы звенело при ходьбе. Тут такое любят». Котя представил Шпунтика в бантике с бубенчиками и тяжело вздохнул. «А без бубенчиков можно?» — «Можно, — великодушно разрешил Громов. — Так насчет аэропорта и погранцов…» — «Дюша, давай потом, а? — взмолился Котя. — У меня и без того голова пухнет». — «ладно, — хмыкнул Дюша, — тогда пойду сварю твоему вредному коту рыбы. Выманим его едой». И ушел на кухню. Чижиков же, пристально оглядев счастливого Шпунтика,

непонимающе пожал плечами и поволок чемодан в отведенную ему комнату.

Ощущения счастья от посещения страны мечты не было.

Оно и понятно: когда летишь и предвкушаешь, а тебя берут и засовывают на пару тысяч лет в прошлое и заставляют выполнять миссию по спасению мира, благополучное возвращение в свое время как-то уже не гарантирует дальнейшей безопасности. Движуха может начаться в любой момент и по любому поводу. Сейчас Котя был бы рад оказаться не в Пекине, но в своей до последней половицы знакомой квартире на Моховой — и ничего не знать ни про спасение мира, ни про удивительные предметы, ни про загадочных людей, которые за ними охотятся. Странный временной сдвиг, объединивший его рейс с рейсом Сумкина, «Илиада» на древнекитайском, Борн на борту самолета, наконец, невероятное происшествие при прохождении границы — есть отчего навернуться головой человеку, куда более искушенному. И как со всем этим теперь разбираться, Чижиков совершенно не представлял. он бы с удовольствием с кем-нибудь обсудил события последних дней, рассказал историю, в которую влип с головой, от начала и до конца — и не ради совета, но просто чтобы выговориться. однако кандидаты на задушевную беседу в ближайшей перспективе не просматривались. есть Сумкин, который усвистал улаживать свои дела, но он и без того в курсе большей части событий, потому как принимал в них непосредственное участие; была Ника, а уж она-то явно могла если не выслушать, то по крайней мере поведать Коте нечто такое, что, возможно, внесло бы хоть какую-то ясность в происходящее, да только Ника пропала невесть куда во время межвременного перехода. оставался один Дюша Громов, но Котя не был уверен, что имеет право обременять приятеля ворохом опасной информации. Дюша жил спокойной и налаженной жизнью, и Котя вовсе не хотел причинять ему неудобства, а то и неприятности. Это было бы не по-товарищески.

Чижиков вздохнул, раскрыл чемодан и стал выкладывать скудные запасы одежды в шкаф. Дюша заботливо предупредил его, что брать с собой нужно лишь самое необходимое, потому что остальное можно и нужно покупать на месте, в Пекине: и гораздо дешевле выйдет, и тащить лишний груз через тысячи километров не придется.

Котя вдруг подумал: быть может, наилучшим решением будет переехать в гостиницу? Чтобы не подвергать Громова даже потенциальному риску?

Покончив с чемоданом, Котя присел на кровать и открыл сумку. Достал завернутую в тряпку древнекитайскую «Илиаду»,

поискал глазами, куда бы ее припрятать, и не нашел ничего лучшего, как сунуть сверток под матрац. Настала очередь ноутбука. Компьютер занял место на небольшом столике у окна, где из стены сиротливо торчал сетевой кабель. В руку сама собой ткнулась странная флэшка, неожиданно обретенная в самолете. Некоторое время Чижиков тупо смотрел на нее, а потом аккуратно положил на крышку ноутбука. Потом. Не важно.

«А что сейчас важно?

Решить, как быть с Громовым. Просто так уйти от него в гостиницу не получится. Придется объясниться. Надо хорошенько подумать, что сказать.

Еще?

Дед. Найти деда — вот что важно. Дед не умер, и это ставит Котину жизнь с ног на голову.

Что еще?

Ника и ее компания забросили меня к Цинь Ши-хуану, чтобы мы спасли мир. Для этого мы были должны совершить странный квест в столицу, побывать в императорской сокровищнице и стырить оттуда то, о чем сама Ника не имела никакого понятия…

Зеркало!

Ну конечно, зеркало.

Предмет неизвестного происхождения, к которому так и льнет Дракон! Между прочим, именно на зеркале сейчас лежит Шпунтик. И оно на кота как-то воздействует — отсюда и столь кардинальные изменения в его поведении и отношении к переноске!»

Эту теорию стоило проверить, и Котя бросился в гостиную.

Шпунтик по-прежнему блаженствовал в клетке. Дюша орудовал на кухне.

Чижиков медленно приблизился к коту, закрыл дверцу клетки и вытащил поддон. Шпунтик не обратил на это ни малейшего внимания. Тогда Чижиков извлек зеркало, задвинул пустой поддон на место, а зеркало унес в комнату и убрал в сумку. Потом вернулся, вновь открыл дверцу и уселся на стул неподалеку, внимательно за Шпунтиком наблюдая.

Сначала ничего не происходило.

Потом Шпунтик дернул ухом и широко раскрыл глаза. осмотрелся. Смешно вытянул шею и обнюхал выход. обнаружил, что дверца открыта, и легонько хлестнул хвостом. Некоторое время недоверчиво лежал — топорщил усы, принюхивался. Нашарил взглядом хозяина и уставился на него в упор. Чижиков улыбнулся. — Ну ладно, — раздался голос Громова, и сам он, большой, шумный, уютный и надежный, появился в гостиной. В правой руке Дюша держал красную миску, казавшуюся

игрушечной в его лапище. — Который тут кот хочет попробовать вкусной китайской рыбы мойвы? — Громов потряс миской. — Значит, так. Жральня у него будет тут…

Дюша подошел к куче барахла в углу, порылся в ней свободной рукой, вытащил небольшой квадратный резиновый коврик, постелил слева от входной двери и поставил на него красную миску. — Эй, зверь! — повернулся Громов к коту. — Слушай сюда. Для таких, как ты, у меня есть несколько простых правил. есть аккуратно, не разбрасывать жратву по квартире, не закапывать куда ни попадя куски рыбы на черный день, какать и писать только в туалете, хозяин покажет где, с балкона не падать, мебель когтями не драть, соседскую болонку ни-ни, даже не думать! Это и это, — указал Дюша на двери в спальни, — не твои комнаты. Понял, котейко?

Шпунтик внимательно Громова выслушал. Потом привстал, осторожно высунул из клетки голову и снова посмотрел на Чижикова.

— Давай, двигай, — кивнул ему Котя и показал на рыбу. — Дерзай. Выдумывай. Пробуй. Шпунтик перевел взгляд на миску с рыбой, сделал из клетки шаг и…

Чижиков не понял, что произошло: мелькнула серая молния — и через одно биение сердца кот уже сидел рядом с миской. Только потревоженная дверца клетки клацнула о решетку.

— Это… — вытаращился Громов на Шпунтика, как ни в чем не бывало поедавшего рыбу. Повернулся к Коте: — Брат, что это было? А? Что с вами вообще такое — с самого аэропорта?!

— Дюша, — деревянным голосом сказал Чижиков, — я должен тебе кое-что рассказать. Я хотел бы обойтись без этого, но, вижу, уже не получится. Но сначала ты должен крепко подумать: оно тебе надо ли? То, что я расскажу, наверняка покажется странным, невероятным, идиотским и просто пугающим. если я все это без остатка расскажу, то не исключено, что твоя жизнь изменится к худшему и тебе тоже будут угрожать. Разные люди. С разными, порою умопомрачительными возможностями. Так что прошу тебя: как следует подумай, хочешь ли ты по доброй воле вляпаться в эту историю. И если ты не захочешь, я не обижусь. Мне так даже легче будет. Я перееду в гостиницу, и мы останемся друзьями. А пока я пошел в душ…

* * *

Никогда еще Шпунтик не был столь быстрым, стремительным и ловким. Конечно, и раньше кот не мог пожаловаться на

скорость реакции или там дряблость мышц, ибо находился на пике лучшей кошачьей формы — все в восемнадцатом дворе и в окрестностях про то знали, да хоть рыжего Тишку взять: сколько раз эта тупая настырная морда убеждалась в неистовой правоте Шпунтика! Другое дело, что втолковать Тише простые вещи было довольно затруднительно ввиду его непроходимой глупости, но после встречи со Шпунтиком Тишка каждый раз удирал посрамленный и слегка просветленный. он даже усвоил и накрепко уразумел нехитрую истину: лишний раз на глаза Шпунтику лучше не попадаться. Жаль только, умные мысли не задерживались в Тишкиной голове надолго. Проходил очередной дождь, смывал памятные метки, которыми Шпунтик помечал границы своих владений, и Тишка снова погружался в дурацкое ослепление, будто именно он кот-доминант восемнадцатого дома. Эх, попадись Тишка Шпунтику сейчас, он даже мявкнуть бы не успел, как оказался бы побит, унижен и полностью растоптан. Потому что Шпунтик теперь не бегал и прыгал — он летал!

Нет, не как птицы. Было бы, конечно, неплохо летать, как птицы, и наконец разобраться с особо наглыми голубями, не говоря уже о всяких там шмелях, что жужжат под потолком и полагают себя в полной безопасности, потому что кот так высоко подпрыгнуть не может.

Теперь еще как может!

Устремившись к еде, Шпунтик и сам не заметил, как оказался у миски с рыбой. Но совершенно не растерялся, ибо был готов. Тепло хотя и ушло куда-то, но в то же время осталось. Какая-то его часть по-прежнему пронизывала Шпунтика, наполняя его тело силой и уверенностью. Тепло было неподалеку, Шпунтик его чувствовал, и оно подарило коту частицу себя.

Кот слышал, как хозяин вышел из комнаты. хлопнула дверь. В комнате остался этот, второй, — огромный как шкаф, бородатый, жаркий, но невредный. Из всех знакомых хозяина Шпунтик привечал огромного больше прочих: во-первых, огромный появлялся в их с хозяином квартире крайне редко; во-вторых, он никогда не делал самонадеянных попыток хватать кота руками; в-третьих, он относился к Шпунтику с очевидным уважением, которое кот был склонен приписывать его большей, нежели у хозяина, сообразительности, открывшей огромному глаза на несомненные Шпунтиковы достоинства. И наконец, гость отдавал себе отчет в том, кто на самом деле главный в доме, и всякий раз спрашивал кота, хорошо ли тот следил за хозяином и не допустил ли какого недосмотра. Ну и по мелочам — например, в последний раз огромный подарил Шпунтику плюшевую мышь, которую кот с наслаждением разодрал на части, а та и не

протестовала вовсе. Так что с ним все было в порядке.

И тем не менее Шпунтик не удержался и немного над огромным подшутил. Слегка, чисто по-дружески. Доев рыбу, кот оглянулся и увидел, что воспитанный человек смотрит на него, вытаращив глаза. Это Шпунтику понравилось: во время посещения владений Цинь Ши-хуана он сумел сполна оценить всю прелесть поклонений, особенно массовых. В конце концов, именно он, Шпунтик, — благовещий зверь мао. И не перестал им быть, даже если кто и не в курсе.

Успех следовало закрепить. Так что кот совершил по комнате пару-тройку совершенно невозможных прыжков. Гигант не успевал отслеживать его перемещения и лишь крякал, пуча глаза и тряся бородой. «Ну ты это… — прогудел он, когда кот закончил показательные выступления кульбитом наверх холодильника. — Ты того, котяра, не этого…»

А потом вернулся хозяин. ***

Чижиков стоял под горячими струями воды, отфыркивался и думал.

Теперь стало ясно: Громову многое придется рассказать. Шпунтик не оставил иного выбора.

Нужно было решить — что именно. И решить быстро. Потому что нельзя принимать душ вечно.

Возможность рассказать Дюше про Дракона Котя отмел сразу. То, что помимо него самого о существовании этого волшебного предмета знали и другие, выводило Чижикова из себя; он не чувствовал в себе никаких сил открыть тайну Дракона по собственной воле — разве что под влиянием неумолимых обстоятельств, когда точно деваться будет некуда.

Котя успокаивал себя тем, что поступает так исключительно для безопасности — своей и Дракона, который не должен попасть в нечистые руки; а также и в целях безопасности того, кому он может открыться, ведь тогда не только за ним, Чижиковым, станут охотиться неведомые, но злые и могущественные силы. Истинная правда затаилась глубже и была проще: Котя ни с кем не хотел делить не то что Дракона, но даже знание о нем. И упорно себе в том не признавался.

Значит, если о Драконе и зеркале рассказывать нельзя, — остается «Илиада». А что, прекрасное прикрытие. Древняя, загадочная книга. И Сумкин про «Илиаду» знает, а про Дракона и зеркало — нет. Ника, видимо, была в курсе, но где она? Нету. Исчезла. То есть можно смело говорить, что дело в древнекитайской «Илиаде». А про предметы умолчать: их нет и никогда не было.

И про древнекитайскую движуху Громову можно рассказать

тоже. Да — невероятно. Да — из области фантастики. Да — трудно во все это поверить. если бы на месте Громова был он, Котя, то ни за что не поверил бы. Но Чижиков устал. особенно после утреннего происшествия в аэропорту. ему необходимо было кому-то довериться. Сумкина же он держал под подозрением: все же так и осталось неясным, кто и зачем перебросил его в третий век до нашей эры. оставался только Громов.

«И у меня есть доказательство… — думал Чижиков, растираясь мягким белым полотенцем с надписью «холлидэй Инн». — Против такого трудно возразить». И он погладил висевший на шее амулет-переводчик.

* * *

Темная вода плескалась чуть не у самых ног, со всех сторон слышались разговоры и смех. Шпунтик в новом ошейнике — строгом, без бубенчиков и бантиков — унырнул по своим делам в ближайшие ночные кусты.

— Хорошо у вас здесь… — Чижиков с удовольствием отхлебнул пива. — Как, ты говоришь, это место называется?

— Хоухай, — ответил Громов. — Заднее, так сказать, море. Потому что за императорским дворцом, я тебе его еще днем показывал. Но до моря хоухаю очень далеко — так, лужа. Но весной и летом тут вечерами очень приятно.

— Ага, — согласился Котя. — отличное место. Эй, друг! — окликнул он пробегавшего мимо официанта с уставленным пивными кружками подносом. — Пепельницу принеси, а?

— Секунду! — официант помчался дальше.

— До сих пор не могу привыкнуть, брат, — Громов покрутил головой и допил свое пиво, — как ты по-китайски чешешь! Ровно местный… Разумеется, Громов к Котиному рассказу отнесся весьма и весьма скептически. То есть он охотно поверил, что некие люди преследуют Чижикова и даже напали на него — ведь Дюша собственноручно выбросил за дверь нагло вломившегося в квартиру на Моховой Сергея, так что нападение в подворотне не вызвало у него сомнений. осмотрев подживший шрам на Котиной руке, он сообщил, что знает подходящую китайскую мазь, а также посетовал на то, что его в той подворотне не случилось. Котя тоже искренне пожалел об этом: тогда и вмешательство Борна не понадобилось бы. И к тому, что позднее на пути в Пулково Борн устроил преследователям Чижикова маленькую аварию, Дюша также отнесся одобрительно, прогудев: «Нормальный мужик, уважаю». А вот дальше… Дальше начались трудности. Да и кто в

здравом уме поверит в то, что Котю со Шпунтиком и неведомой девицей вытряхнуло прямо из летящего самолета и переместило во времени на две тысячи лет? Чижиков в данном вопросе на понимание особенно и не рассчитывал. Просто рассказал, как было: и про появление Сумкина, и про спасение мира, и про вещь, которую нужно было украсть из сокровищницы. Громов смотрел на него странно. Потом осторожно спросил, что Котя пил в самолете и в каких количествах. «Виски пол-литра, — отвечал Чижиков, глядя на Дюшу честными глазами. — Но это было несколько дней назад». — «Вот тут я недопонял…» — Громов выхватил из кармана пачку голландского табака, судорожно скрутил себе чудовищной толщины самокрутку, а на удивленный взгляд Чижикова лишь отмахнулся: да, да, курю я, курю! Закуришь тут с вами.

«Все дело в том, что потом нас вернули обратно в самолет. В тот же момент, когда мы… когда я из него исчез, — объяснил Котя. — Мы выполнили эту чертову миссию, похитили что надо, и нас вернули на место. Понимаешь?» — «Да-а-а… — слишком жизнерадостно заулыбался в ответ Громов. — еще бы! Что тут не понять, брат! откуда взяли, туда и положили… Слушай, я тут одного хорошего китайского доктора знаю, он по голове специализируется. Так давай я уже ему позвоню… А этот второй, как ты сказал? Сунькин? он тоже сейчас здесь?» — Громов на всякий случай огляделся по сторонам. Котя вздохнул. «Не Сунькин, а Сумкин. И — да, он здесь, в Пекине. Мы расстались в аэропорту. Федор поехал устраиваться в гостиницу и выяснять, как там конференция, на которой он должен делать доклад. Я дал ему номер твоего мобильника, так что не пугайся, когда он позвонит». В ответ Громов мелко хихикнул и пообещал не пугаться. Тогда Котя сходил в спальню, принес «Илиаду» и развернул один из свитков перед Громовым. «Ух ты! Сразу видно: старая вещь! — восхитился тот, осторожно проведя толстым пальцем по бамбуковым планкам. — А что это?» — «Именно за этим мы и лазали в сокровищницу, — сказал Котя. — А теперь книгу надо надежно спрятать. Чтобы никто и никогда не нашел». — «А, я понял, брат! — кивнул Дюша. — Нужно быстро сбегать в Мордор и швырнуть эту хрень в тамошние лавовые разломы. Подписываюсь не глядя, мистер Фродо. Надеюсь, могучий подгон от эльфийской диаспоры будет?» — «Я говорил, что ты мне не поверишь, — развел руками Котя. — Но в любом случае я сижу перед тобою, в Пекине, и ты теперь все знаешь, и веришь или нет, но уже причастен ко всей этой истории. Ты сам захотел. А ведь я тебя предупреждал». — «Предупреждал, а как же! — широко улыбнулся Громов, дымя как паровоз. — И я всегда

тебе рад помочь. И помогу, не сомневайся… Знаешь что, брат, по-моему, тебе надо как следует отдохнуть. Поспать. Ты как-то перенапрягся».

Тут мимо опять промелькнула серая молния: Шпунтик увидел на стене муху и в секунду с ней расправился. «Гм», — сказал Дюша, настороженно следя за Шпунтиком. Потом покосился вопросительно на Чижикова. «Да, — кивнул тот. — он такой после возвращения. Мегакот просто». — «М-да-а-а… — задумчиво протянул Громов. — Ну а как ты с китайцами тамошними, древними-то, балакал? Жестами?» — «А нас с Сумкиным Ника снабдила переводчиками, — и Котя показал висящий у него на шее амулет. — Вот такая история. Вот что со мной. С самого аэропорта».

Было видно, что Громов все равно не верит. А потому Котя попросил у него какой-нибудь рюкзак на время — сказал, носить с собой «Илиаду» — и предложил пойти в город: надо же деньги поменять, зарегистрироваться и другое прочее. Все еще настороженный, Дюша охотно согласился и выкопал из кучи барахла рюкзак цвета хаки. Под благовидным предлогом уединившись в спальне, Чижиков сунул «Илиаду» обратно под матрац, а в рюкзак запихнул зеркало. его оставлять без присмотра Котя не хотел ни при каких обстоятельствах.

Ну а потом они пошли в город.

Громов все время тянул Котю к доктору, но настойчивости его положила конец сцена, разыгравшаяся в отделе местной регистрации. Дюша уже открыл было рот, чтобы на своем ломаном китайском объяснить: ко мне приехал друг, вот он сам, и вот его паспорт, будет жить у меня, и, согласно правилам, надо его поставить на учет, — как вступил Чижиков и донес эту информацию до конторского служащего с такой скоростью и на столь превосходном китайском, что Дюша не понял и половины из сказанного. Через полминуты Котя и китаец уже весело хихикали, оформляя бумаги, обменивались шуточками, а Громов стоял у двери как оплеванный, прижимая к себе Шпунтика и силясь понять, что происходит. «Я же тебе говорил, — улыбнулся ему покончивший с формальностями Котя. — Это переводчик. А ты не верил».

Теперь Громов стал относиться к рассказу приятеля гораздо серьезнее, что вызвало шквал дополнительных, уточняющих и наводящих вопросов; Котя охотно ответил на все, искусно обойдя тему волшебных предметов и таинственного зеркала. В результате Дюша если и не поверил окончательно, то был уже на пути к тому. По крайней мере, больше к «доктору по голове» сходить не предлагал. Зато захотел встретиться с Сумкиным, что

Котя ему твердо пообещал.

Зашли в Дюшину лавку — обширное помещение в ряду ему подобных, заполненное всевозможными чаями в самых разнообразных упаковках. оно располагалось в громадном здании, именуемом не иначе, как «Чайный дворец». лавка Коте понравилась: симпатичная. И он с удовольствием выпил свежезаваренного пуэра, который ему предложила веселая китайская девушка, сидевшая за затейливым деревянным столом, уставленным заварочными принадлежностями, а также глиняными фигурками разных животных, среди которых была пучеглазая жаба с монеткой в пасти. особое впечатление на девушку произвел Шпунтик, но погладить кота ей не удалось, ибо кот оказался для девушки слишком быстрым. Это обстоятельство вызвало волну восхищенных охов и чуть разочарованных вздохов, но тут Чижиков заговорил по-китайски, и девушка всецело переключилась на него. Котя уже выдумал прекрасную отговорку — теперь он всем китайцам сообщал, что родился в Пекине. Работало отлично: во-первых, тут же снималось напряжение, возникавшее, когда собеседник слышал иностранца, говорящего по-китайски без малейшего акцента; во-вторых, Чижиков довольно быстро заметил, что собеседник, узнав о его пекинском происхождении, тут же терял к нему интерес и переставал воспринимать Котю как чужеземца. Сплошные плюсы! Чижиков решил при случае похвастаться своими этнографическими достижениями перед Сумкиным. Партнера Громова, Гу Пиня, на месте не оказалось, и, попив чайку и поболтав с девушкой, Котя и Дюша поехали на такси в центр Пекина, дабы неторопливо пересечь Тяньаньмэнь — главную площадь Поднебесной, ну и до кучи поменять деньги. В результате обмена Чижиков стал обладателем толстой пачки розовых стоюаневых бумажек — есть на что со вкусом поесть и выпить пива, поджидая звонка Сумкина. Так незаметно, шаг за шагом, друзья под вечер оказались на хоухае, на улице баров.

— …Я уже не знаю, в какую кучку ту или иную странность складывать, — закурил Котя новую сигарету, благодарно кивнув официанту, принесшему пепельницу и еще пива. — Как это может быть, чтобы я уже пересек границу неделю назад, когда я — вот он, только сегодня приехал?

— Это, брат, вообще фигня какая-то! — Громов подгреб к себе очередную кружку. — Этого не может быть, потому что не может быть никогда.

— Но я своими глазами видел паспорт, где красовалась моя неповторимая физиономия! И там стояла виза, выданная в Петербурге, понимаешь?.. Что, по-твоему, китайские

пограничники просто так меня свинтить пытались, из любви к подобному виду спорта?

— Не, такого тут не бывает, — мотнул головой Дюша. — они заботятся о том, чтобы люди к ним приезжали. Чтобы, типа, радовались и приезжали снова и снова. Никого зазря не винтят. ерунда. Путаница.

— Вот и я про то же! — Котя стряхнул пепел. — Китайцы были изумлены не меньше моего. И если бы не разные номера паспортов и не твое гарантийное письмо, я даже и не знаю, чем бы все закончилось. А так — отпустили, даже извинились: недоразумение. Может, в Петербурге живут два разных Чижикова, похожих как две капли воды. Идите с миром, не задерживаем. А еще, прикинь, фотография в паспорте второго Чижикова была другая, как если бы я фотографировался совсем недавно, но рожа-то на ней была определенно моя! И когда я успел?..

— Простите, — сказали вдруг совсем рядом по-русски. — Позвольте прикурить.

— Да пожалуйста!

Чижиков взял зажигалку, поднес склонившемуся к столу человеку. И в неверном свете огонька увидел, что на него смотрит Алексей Борн. И чуть заметно, краем рта, улыбается.

Эпизод 6
Поднебесная в огне

Поднебесная, уездный город Пэй, III век до н. э.

— Смотритель Лю, смотритель Лю! — запыхавшийся Лян Большой выбежал навстречу Лю Бану. Тот натянул поводья, останавливая лошадь. — Докладываю. Предательство! Начальник уезда внезапно изменил намерения и сызнова принял сторону Цинь! он приказал закрыть ворота, выставил на стены лучников, а наших братьев Сяо Хэ и Цай Шэня, что были в городе, умыслил предать казни!..

Поднебесная полыхала в огне мятежей.

Стихийные очаги бунтов возникали то здесь, то там — и не было больше первого циньского владыки, стальною рукою удерживавшего свои владения в порядке и искоренявшего малейшую мысль о неподчинении и уж тем паче смуте. Младший сын усопшего объединителя Поднебесной, интригами и предательством возведенный на трон, принял титул Эрши-хуан, то есть Второй император, но это отнюдь не помогло ему стать достойным отца. Имперские войска, многочисленные и хорошо вооруженные, жестоко подавляли вспыхивавшие мятежи, но на смену утопленных в крови восставших тут же вставали новые — нестроение распространилось на все земли громадного государства.

Первым возвысился простой солдат по имени Чэнь Шэн — этот безвестный и безродный человек кинул клич, и, как позднее написал поэт, «на его призыв Поднебесная откликнулась, словно эхо». Чэнь восстал в тех землях, которые некогда принадлежали древнему царству Чу, что пало от руки Цинь Ши-хуана и, как и другие шесть, было присоединено будущим императором к своим владениям. Чэнь стремился возродить свободу царства Чу, и бывший уездный смотритель Лю Бан, чье служение происходило как раз здесь, счел правильным и возможным присоединиться с немногочисленными верными сторонниками к Чэнь Шэну. И вот Лю Бан со своими людьми, хорошо зная, что взбунтовавшиеся жители без разбору убивают циньских чиновников, двинулся на уездный город. Бывший смотритель полагал закончить дело миром, дабы избегнуть кровавой стычки. он хотел занять город и подарить уезду надежду освободиться от власти Цинь

окончательно. он даже получил поддержку от важных лиц в уездном аппарате управления: распорядителя чиновников Сяо Хэ и тюремного смотрителя Цай Шэня, людей далеко не последних, выше которых стоял лишь сам начальник уезда. Сяо Хэ и Цай Шэнь уговорили начальника открыть перед восставшими ворота, но в последний момент, видимо, что-то пошло не так.

— Сколь печально слышать это, брат Лян! — Лю Бан спешился. Посмотрел на возвышавшуюся вдалеке городскую стену. — Как досадна эта задержка, особенно сейчас, когда народ всем сердцем взывает к освобождению.

— Нужно отомстить за предательство! — взмахнул мечом Лян Большой. Теперь это был уже не прежний лихой молодец-разбойник, щеголявший по лесу в грубой безрукавке на голое тело, — ныне Лян стал сотником в отряде Лю Бана, что насчитывал уже больше ста человек. — Нужно покарать предателей смертью! Подожжем ворота, ворвемся в город и уничтожим продажных прислужников тирана!

— Не спеши, брат Лян… — Лю Бан задумчиво пощипывал бороду. — Тебе ли не знать, что и в городе, и на стене стоят такие же простые люди из народа. Их обманули, их принудили, и достойно ли будет молодцам, что превыше всего на свете почитают справедливость, пойти на них с обнаженными мечами? Погибнут люди — и мы и они, а к тому ли стремились наши сердца, в том ли состояло наше упование?

— Что же нам тогда делать? — Лян Большой убрал меч в ножны. — Начальник уезда тверд в своей измене и не распахнет перед нами ворота.

— Нам нужно обдумать создавшееся положение, — отвечал бывший смотритель. — Мы не должны уподобляться верным Цинь воинам, что ныне бездумно проливают кровь, слепо подчиняясь вероломным приказам. Дни Цинь сочтены, и тиран рано или поздно падет, хотя, может статься, беспорядки еще несколько лет будут потрясать Поднебесную. И что мы потом скажем седым старикам, что впустую дожидались возвращения своих сыновей домой? Нет, брат Лян, мы пойдем иным путем.

— Смотритель Лю! К Лю Бану бегом приблизился гонец от передового дозора.

— хорошая весть: распорядитель Сяо и смотритель Цай сумели бежать! Тайно перебрались они через стену и счастливо избежали пущенных вослед стрел!

— Весть действительно прекрасная! Где они сейчас? — живо обернулся к гонцу Лю Бан.

— Следуют сюда.

— хорошо, очень хорошо, — закивал Лю Бан и обратил взор

на Ляна Большого: — Брат, сыщи мне кусок шелка и принадлежности для письма.

— Но к чему, смотритель Лю? — изумленно вытаращил глаза новоиспеченный сотник. — Пристало ли сейчас предаваться изящному слову?

— Верь мне, брат, — мягко улыбнулся Лю Бан. — Это самое необходимое, что нынче надлежит сделать. Пожав недоуменно плечами, Лян убежал на поиски просимого, а Лю Бан, зорко оглядевшись, нет ли кого лишнего поблизости, сунул руку за пазуху, нашарил фигурку Дракона, сжал ее и зажмурился. Взору его предстал начальник уезда — он нервными шагами мерил присутственный зал, и тяжкая дума отягощала его чело. Начальник нервно отмахивался от секретаря, мелкими шажками семенившего за ним и неотступно в чем-то увещевавшего. Даже за меч схватился начальник, но секретарь пал на колени и продолжал говорить — умоляющие, жарко. Начальник уезда выпучил глаза и, брызгая слюною, разорался в гневе и неистовстве.

«Вот оно как…» — подумал Лю Бан, открывая глаза и отирая выступивший на лбу мелкий пот.

— Смотритель! — В сопровождении нескольких ополченцев к Лю Бану приближались Сяо Хэ и Цай Шэнь, оба в простом платье, все в грязи. — Смотритель, наш план провалился! Начальник уезда убоялся восстания и того, что народ казнит его, а оттого решил вернуться под руку Цинь и подговорил к тому городских старейшин. Начальник уезда лелеет мысли лишь о личной выгоде и власти, ненависть затмила его разум! Теперь нам остается только драться!..

— Высокочтимые господа, — поклонился пришедшим Лю Бан и продолжал с кроткой улыбкой: — открылось мне, что начальник уезда вовсе не упорствует в охватившем его заблуждении. Я верю, что мы сумеем одержать победу без сражения и драки. Сейчас… — Бывший смотритель повернулся к верному Ляну и принял от него шелк, тушь, тушечницу и кисть. — Сейчас я составлю письмо к старейшинам, где простыми словами изложу наилучший для всех выход, а там посмотрим. Прошу вас немного обождать. Сяо Хэ и Цай Шэнь переглянулись.

— Мудрость ваша, смотритель Лю, широко известна в уезде, — сказал Сяо Хэ. — И мы готовы подождать осуществления вашего плана. Но если он не принесет должных плодов, тогда уж мы пустим в ход собственный план. Лю Бан согласно наклонил голову и развернул кусок шелка.

— Распорядитель Сяо, не сочтете ли вы за труд взяться за кисть? — обратился он к Сяо Хэ. Тот с готовностью выступил

вперед.

— Позвольте мне растирать тушь, — вызвался Цай Шэнь, беря в руки тушечницу.

— А мне позвольте послужить столиком для письма, — вызвался Лян Большой, подставляя широкую спину.

— Спасибо, спасибо, друзья мои!

Сяо Хэ увлажнил кисть в свежей туши. Лю Бан, заложив руки за спину и устремив взгляд на город, начал диктовать:

«…Давно уже Поднебесная стонет под гнетом Цинь. Ныне же вы, отцы-старейшины города, выступили на защиту его стен по призыву начальника уезда, но того не ведаете, что все владетельные князья, чьи уделы были попраны, а гордость и слава унижены, давно уже как один поднялись против тирана. Собрав под свои знамена всех тех, кто недавно был для Цинь точно раб, владетельные князья движутся по Поднебесной — уже совсем скоро они приступят к стенам города и, увидев, сколь рьяно вы, старейшины, и покорные вам жители упорствуете в верности тому, чьи дни сочтены, не станут удерживать воинов от кровавой расправы. Изопьют их мечи крови досыта! Что же делать вам, пекущиеся о народе? Я, скромный Лю, желал бы избегнуть печальной участи и, будь я хоть немного прозорлив, как вы, о старейшины, не мешкая, объединил бы народ и покончил с начальником уезда, чьи помыслы ничтожны и не выходят за пределы беспокойства о своем собственном процветании и благополучии. А потом бы выбрал самого умудренного и достойного из жителей города — и уж его поставил бы начальником, дабы тот всем сердцем откликнулся на призыв владетельных князей. лишь тогда и народ, и имущество его останутся в неприкосновенности. А в ином случае, предвижу я, будут преданы мечу и отцы, и дети, и матери, и дочери, и скарб, и имущество, и строения, и скотина — и уж тогда ничего не поделаешь…»

Сяо Хэ отложил кисть.

— Сотник Лян! — окликнул Лю Бан Ляна Большого. — есть ли среди твоих людей лучник столь искусный, что сумел бы, не подвергая себя опасности, послать стрелу с прикрепленным к ней письмом за городские стены?

— Да, смотритель, такой человек есть!

— Повелеваю тебе отправить этот свиток в город указанным путем, да так, чтобы не подверглось послание случайному уничтожению, но оказалось как можно ближе от места, где заседают старейшины. Лян поклонился и ушел.

— Теперь, господа, мы подождем, — сказал Лю Бан. — И я не думаю, что наше ожидание продлится долго. Бывший смотритель

как в воду глядел: не успели Сяо Хэ с Цай Шэнем отмыть грязь с лиц и съесть по просяной лепешке, запив еду молодым вином, как у городских ворот началось движение: ворота распахнулись настежь, и навстречу немногочисленному войску Лю Бана потянулась процессия — впереди паланкин, а следом пешие ходоки. Лю Бан верхом на коне тронулся к городу. Сяо Хэ и Цай Шэнь, которым тоже подвели коней, держались поодаль. Когда паланкин был уже совсем близко, Лян Большой с десятком отборных воинов хотел было встать впереди, отгородив Лю Бана от процессии, но бывший смотритель жестом велел ему не делать этого. Носильщики опустили паланкин на землю, и из него вышел важный старик в дорогом халате и с золотой шпилькой, скреплявшей на затылке узел седых волос. Блестящие глазки его, затерявшиеся в паутине глубоких морщин, цепко смотрели на Лю Бана. Тот торопливо спрыгнул с коня и первым низко поклонился. Скупая улыбка тронула сухие тонкие губы старейшины.

— Приветствую тебя, благородный Лю Бан! — поклонился старейшина в ответ. — Приветствую от лица совета старейшин и от лица всех жителей нашего города. Моя ничтожная фамилия Цзи, и я глава совета. Весть о прозорливой твоей мудрости давно достигла наших ушей, а когда мы прочитали твое яшмовое послание, то поняли, сколь опасный и неправедный путь выбрали, позволив начальнику уезда заморочить нам головы. Теперь же мы вняли твоим драгоценным советам… — Старик Цзи коротко повел рукой, и один из сопровождавших паланкин воинов, по виду простой ополченец, бросил к его ногам окровавленный мешок. — Вот голова человека, который чуть не вверг нас в пучину несчастий, — указал Цзи на мешок. — Просим вас, благородный Лю Бан, войти в город и принять в свои руки бразды правления, ибо мы не видим никого другого, кто мог бы возглавить нас в трудную годину и защитить наших жен и детей! И старик снова поклонился Лю Бану. На сей раз очень низко.

— Почтенный Цзи! — с достоинством отвечал Лю Бан. — В Поднебесной ныне царит смута, владетельные князья восстали, там и сям кипят сражения, все перепуталось в страшном беспорядке. Силы наши незначительны: случись что, едва ли мы сможем дать достойный отпор обученным войскам. Мы будем повергнуты в прах, и как тогда нам защититься? Умоляю, подумайте лучше: я не пекусь о благополучии и выгоде, но лишь прошу вас поставить главой уезда самого достойного, способности которого в управлении и политике не столь малы и незначительны, как мои. Только такой человек сможет обеспечить жизнь и молодым и старым. Прошу вас, подумайте еще раз! Вот господа Сяо Хэ и Цай Шэнь — они искушены в делах управления

куда боле моего, обратите свои взоры на них…

— Смотритель Лю, — заговорил Сяо Хэ. — Нам ли, ничтожным, равняться с вами в мудрости и прозорливости? Возглавьте уезд, а мы будем служить вам верой и правдой!

— Не смеем, не смеем! — поддержал его Цай Шэнь.

— Благородный Лю Бан! — степенно произнес старый Цзи. — Нам ведомо обо всех чудесных знамениях, что явились в связи с вами: и о драконе, что спустился в озеро, и о благовещем звере мао, общения с коим вы были удостоены. Мы гадали по стеблям тысячелистника, и нам открылось, что нет, кроме вас, человека, которого сопровождали бы такие счастливые предзнаменования. Просим вас не отказываться и осенить нас благостью вашего управления!

И старик опустился перед Лю Баном на колени прямо в дорожную пыль. — Встаньте, почтенный Цзи! — поспешил поднять старейшину Лю Бан. — Как могу я отказать вам, если весь народ как один человек просит меня… Но и я вас прошу: будьте мне надежною опорой и не отказывайте в советах, если в скудости знаний я стану склоняться к неправильным решениям… Старик еще раз низко поклонился бывшему смотрителю. — Знайте же, благородный Лю Бан, что совет старейшин нижайше просит вас принять титул Пэй-гуна, господина владения Пэй! Многая лета господину Пэй-гуну! — воздев над головой чуть дрожащую от волнения руку, надтреснутым голосом воскликнул Цзи, и клич его подхватили все воины Лю Бана, а также и высыпавшие из городских ворот жители. — Многая лета! Многая лета!.. — если случится, что дом Цинь вернет себе силу, — шепнул Сяо Хэ Цай Шэню, — то скажем, будто нас под страхом смерти принудили служить самозваному Пэй-гуну. А если его дело выгорит, так ведь мы с самого начала были рядом… Цай Шэнь согласно кивнул.

Эпизод 7
Кого только не встретишь в Пекине

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

— Я не курю, ты знаешь. Можно?

Борн, не дожидаясь ответа, легко опустился на свободный стул рядом с Чижиковым. Бросил на стол черные очки, тряхнул полузастегнутую рубаху, испещренную красочными изображениями морских волн, яхтенных судов и чаек над ними; на загорелой груди блеснуло что-то вроде четок. — Больно душно сегодня.

— Кто это? — спросил Громов, оценивающе разглядывая Борна. — Ты с ним знаком?

— Алексей, — через стол протянул ему руку Борн и обезоруживающе улыбнулся. — Мы с Константином познакомились в Петербурге, в одной подворотне.

— Андрей. — Дюша пожал Борну руку, причем, по своему обыкновению, вложил в пожатие некоторую силу. Так Громов, по его признанию, проверял новых знакомых на вшивость: выдержит или скривится. если скривится, значит, дрянь человек. А Борн даже не поморщился. — очень приятно.

— Да, Дюша, это как раз Алексей помог мне тогда в подворотне. Я тебе сегодня рассказывал, — после некоторого замешательства сказал Чижиков. он пока не понимал, как себя вести. С одной стороны, Борн его спас. С другой — Ника все же посеяла в сердце Чижикова сомнения: что Борн делал в самолете? Почему не сказал, что он летит в Пекин тоже?

— Да ты, я вижу, рассказал другу о наших похождениях! — снова улыбнулся Борн и заказал подошедшему официанту кружку пива и орешков. — Надеюсь, ты не слишком приукрасил мой скромный вклад? — спросил он, глядя на Котю со значением.

— Рассказал как было… — Чижиков погасил окурок. — Не больше и не меньше. Громов переводил любопытный взгляд с Чижикова на Борна и обратно.

— Ну что… Я другу Кости всегда рад, — прогудел он и принялся сворачивать сигаретку. — Вы, Алексей, тут по делам или гуляете?

«И правда, какого черта ты тут делаешь?» — подумал Котя, но вслух ничего не сказал. он заглянул Борну в глаза: они были

одинакового цвета. «Контактные линзы», — решил Котя. Борн лишь мимолетно усмехнулся.

— И то и другое. — Перед Борном появилось пиво. — Я довольно часто летаю в Китай. Мне нравится эта страна и ее жители. они такие забавные. — он захрустел орешками. — очень люблю местные горы, кажется, поднялся уже практически на все, кроме, как ни странно, Тайшани.

— Почему странно? — поинтересовался Чижиков, пытаясь преодолеть воцарившуюся за столом легкую неловкость и одновременно нащупывая верный тон беседы.

— Видишь ли, Костя, Тайшань — это главная из всех китайских гор, — стал объяснять Борн. — Каждый император, начиная с Цинь Ши-хуана, полагал первейшим долгом съездить на Тайшань, забраться наверх и оттуда пообщаться с Небом. Император, чтоб ты знал, считался Сыном Неба. Так что Тайшань у нас гора номер один. Казалось бы, с нее и начинать надо! А у меня вот что-то не сложилось… Все дела разные. отвлекают.

— Работы много, поди, — предположил Дюша.

— И работы тоже, — кивнул Борн. — Я служу в конторе, у которой имеются представительства по всему миру. Ну а мне доверили китайское направление. Бывает, прилетишь, с делами сразу управишься и думаешь себе, что, пожалуй, уже можно и билет идти покупать, да в последнюю минуту — раз, и все наперекосяк, кто-нибудь да напортачит, хотя я ведь говорил, я ведь предупреждал… И опять Тайшань в пролете. А вы, Андрей, я подозреваю, из пекинских будете?

— Ага, — подтвердил Громов. — Живу здесь поживаю, горя не знаю, чайком торгую помаленьку… Кстати, Котя, сейчас сюда Гу Пинь подойдет. он мне эсэмэску только что сбросил. Это мой партнер-китаец, — пояснил он Борну. — хочу вот его к нашему делу пристроить, — хлопнул Дюша Чижикова по плечу. — А то Коте в России ловить нечего, здесь же и при деле будет, и жизнь местная куда легче и проще.

— Да я еще не решил… — Чижиков отхлебнул пива, соображая, о чем это Борн: «Я ведь говорил, я ведь предупреждал». — И потом, вдруг я твоему Гу Пиню не понравлюсь…

— Понравишься-понравишься, — заверил Дюша. — Гу Пинь — мировой мужик, сам увидишь.

— Так у вас, Андрей, и магазинчик имеется? — поинтересовался Борн.

— А как же! — Громов порылся в карманах и протянул ему визитную карточку. — Вот адресок. обращайтесь, если что. Буду рад помочь.

— Отлично, спасибо! — бурно зарадовался Борн, не отрывая от визитки взгляд. — Как же, как же! Маляньдао! Самое, так сказать, чайное сердце Пекина! Здорово. Я там был пару раз, но толком сориентироваться не мог: слишком много всего.

— Так я помогу, — прогудел Дюша. — Приходите в любое время. Номер мобильника указан. Проезжаете через всю улицу и в конце упираетесь в красные ворота. Это и будет «Чайный дворец». А там уж я встречу… У нас пуэры разные-всякие, улуны тайваньские высокогорные… Разговор ни о чем мог длиться часами. Чижиков поглядывал на Дюшу и Борна, оживленно обсуждавших какой-то «красный халат»[6], потягивал пиво, курил и чувствовал себя чем дальше, тем спокойнее. ласковый, теплый, еле заметный ветерок невесомо ерошил волосы, внизу тихо шелестела невидимая вода, певица из бара напротив выпевала трогательную мелодию, и вторившие ей гитарные переборы удивительным образом вписывались в приступающую ночь… Котя подумал о Сумкине и еще раз пожалел, что не записал номер его китайского мобильника — куда подевался этот неугомонный очкарик? Почему до сих пор не позвонил, как уговаривались, Дюше?.. Из кустов явился Шпунтик, приблизился к хозяину и ткнулся ему в ногу. Вид у кота был гордый.

— Привет, мой хвостатый друг, — слегка захмелевший Котя посадил кота на колени. — Как ты, не приставал к тебе кто? Шпунтик возмущенно прикрыл глаза: ха! приставать! да я сам к кому хочешь пристану, двумя руками не оторвать!..

— Здравствуй… — приветствовал Шпунтика Борн, протягивая ему палец. Кот церемонно палец обнюхал. — Вижу, тебя тоже взяли в Китай. Шпунтик внимательно на Борна посмотрел. «А что, разве могло быть иначе?» — явственно читалось в его взоре. Борн усмехнулся.

— Так, может, того — за встречу? — предложил Дюша и сам обрадовался такой своевременной мысли.

— Это можно, — согласился Борн. — Правда, я пью крайне мало и очень редко, можно сказать, почти совсем не пью, но ради такого случая готов, да и пиво греется…

— Ты как, брат? — спросил Дюша Чижикова. — Как насчет пропустить по граммульке пекинской народной под бараний шашлычок?

— А давай! — согласился Котя. Внезапно ему сделалось совсем хорошо. Словно домой вернулся. — Давай! Так, я слышал, акклиматизация проходит легче. Заснешь как убитый, встанешь как живой… Что, прямо здесь?

— Не-е-ет, — покрутил головой Громов. — Тут же бар. Тут нам в лучшем случае нальют виски и за очень повышенную цену.

оно нам надо? Короче, если выдвинуться вон туда, — ткнул он пальцем куда-то в темноту, — то примерно в ста метрах будет едальня с верандой. Так что? Выдвигаемся? Сейчас дадим китайским людям денег, а Гу Пинь нас найдет…

— Слушай… — Коте вдруг захотелось празднества. Не банального выпивания и шашлыков на веранде, но как следует накрытого стола и приличной и даже праздничной обстановки вокруг. — Дюша, я ведь только сегодня прилетел. Давай, может, это как-то более серьезно отметим, более основательно? Ну, в смысле, не шашлыками, а чем-то торжественным.

— Намек понял… — Громов задумчиво пощипал бороду. — А! Тогда рекомендую отправиться в ресторацию на канале. она приспособлена под европейский вкус, да и кухня там отменная. опять же, меню с картинками. Сейчас возьмем такси…

— На канале? — переспросил Борн. — Это недалеко от нашего посольства?

— Ага, — кивнул Дюша. — Вы как, Алексей, с нами или?..

— Конечно, с вами! Я ведь тоже только сегодня прилетел.

— А что особенного в меню с картинками? — заинтересовался Котя.

— Да, в сущности, ничего… — смутился Громов. — Просто я иероглифы читать-то не умею. А когда с картинками — тогда понятно. Ну, то есть мне понятно.

— Как же ты раньше, когда такого не было?

— Ну как… Заходил, садился, смотрел, что другие едят, и заказывал: порцию того, что за этим столиком, порцию того, что за тем… Потом-то я уже названия любимых блюд выучил, пообвыкся, — ухмыльнулся Дюша. — А поначалу трудно было. Я ж не знал ничего.

— Тогда пошли! — Чижиков сгрузил кота на землю, поднялся, подхватил рюкзак. — Мой измученный событиями организм требует этой ночью забыться. официант!

— Сейчас, только Гу Пиня предупрежу, что мы уезжаем. И Громов вытащил мобильный телефон.

— А что за события? — спросил Борн, когда они расплатились и, предводительствуемые Громовым и сопровождаемые Шпунтиком, двинулись по темной набережной, обходя стоявшие прямо на дороге столики и лавируя в толпе праздношатающихся. — Уже успело что-то случиться?

— Да ерунда какая-то… — отмахнулся Котя. — В аэропорту. Пограничники не хотели пускать меня в Китай, потому что я будто бы уже приехал неделю назад.

— Что ты такое говоришь? — обеспокоился Борн. — Ты хочешь сказать, что у них в компьютере была запись о твоем

пересечении границы?

— Именно! — развел руками Чижиков. — Причем заметь: у них там, в компьютере, скан паспорта на мое имя и с моей фотографией! Только серии и номера разные. Да и фотографии такой я у себя не упомню.

— Это плохо, — задумчиво произнес Борн. — Это чрезвычайно плохо. Неделю назад, говоришь?

— Ага, — кивнул Котя.

— Да так не бывает, — сказал Дюша. — Я думаю, у погранцов что-то в их компьютере сломалось, случился типа страшный компьютерный сбой. А погранцы — они люди простые: встретилось им такое же имя, значит, человечек уже в Китае. А тут он, глядишь, снова пришел. опа! Не стыкуется. Ну и начался у них заворот мозгов… Тебя же отпустили, брат?

— Отпустить-то отпустили, — снова кивнул Чижиков. — А осадочек остался…

— А ты серию и номер паспорта, конечно, не запомнил? — спросил Борн, который был сама серьезность.

— Какого?

— Скан которого тебе показали.

— Да мне вообще было не до того! Я весь был как на иголках: только прилетел — и на тебе, уже проблемы! Мне и в голову не пришло запоминать. Я толком и не разглядел, что там за цифры.

— Это ты зря, — сказал Борн. — Были бы известны серия и номер, я бы пробил по своим каналам…

— О, Константин Петрович! — от проходившей мимо компании отделился человек в черных брюках и белой рубашке навыпуск. Был он плотен, основателен, круглолиц, на лице — очки в тонкой металлической оправе. Выпуклый, покрытый капельками пота лоб плавно переходил в раннюю, но обширную лысину. от человека несло виски и официозом. — Простите, что отвлекаю. Извините, извините, господа, добрый вечер! — благодушно закивал он Борну и Дюше. — Сейчас иду, секунду! — махнул рукою спутникам, что остановились его подождать. И с ходу к Чижикову: — хорошо, что я вас, понимаете ли, встретил, Константин Петрович!

— Э-э-э… Наверное, — на всякий случай согласился тот. лысого Котя видел впервые в жизни.

— Ну конечно же! — обрадовался незнакомец. Было видно: человек хватил лишку и ощущает теперь к окружающему миру полное благорасположение. — Теперь вам не придется, понимаете ли, снова ехать к нам… Константин Петрович, к сожалению, обрадовать вас я ничем не могу, не мо-гу! Нет у нас никаких, понимаете ли, сведений о Вилене Ивановиче Чижикове.

Я проверил. Никаких записей о том, что он посещал КНР после восстановления отношений. Вот и все, что я могу вам сообщить по существу вопроса.

— Спасибо, — обалдело кивнул Котя. — А вы… — начал он было, но рядом грянула музыка, и лысый не услышал его обращения.

— Ну все, все, Константин Петрович! Мне, понимаете ли, пора, меня люди ждут. Но если что, вы смело обращайтесь, да! И лысый поспешил к своей компании.

— Еще бы кто мне объяснил, что это было… — в полном недоумении пробормотал Чижиков.

— Ты что — Константин Петрович, да? — поинтересовался Дюша. — Я не знал. Все Костя да Костя… А этого типа я в посольстве видел.

— В посольстве? — напряженно спросил Борн.

— Ну да, — подтвердил Громов. — Слышь, брат, а Вилен Иванович Чижиков — что, родственник твой? Ты же вроде как сирота.

— Так моего деда звали, — объяснил Котя. — Покойного.

* * *

Такси они поймали быстро. Чижиков готовился к долгому ожиданию, напрасному размахиванию руками, торгу и тому подобным штукам, привычным для обитателей России, однако китайская действительность его приятно удивила: такси на улице оказалось полно, машина попалась новая — японская и с кондиционером, водитель ни словом не обмолвился о стоимости поездки, но сразу дисциплинированно включил счетчик. «Это еще что, брат, — веселясь Котиному недоумению, заметил Громов. — Сейчас пекинские таксисты подыспортились и могут запросто проехать мимо, а пару лет назад стоило только руку поднять — и машины разворачивались с другой стороны улицы, наплевав на правила движения». — «А тут есть правила движения? — ехидно поинтересовался Борн. — лично я ничего подобного не заметил». — «Ну как же: вон, светофор висит!» — ткнул пальцем Дюша. однако, предприняв поездку на такси от Хоухая до загадочного «ресторана на канале», Котя был склонен согласиться с Борном: возможно, правила движения в Китае и были, но в глаза не бросались. То есть машины ездили, как и положено, в отведенных для этого местах, по дорогам, а вот велосипеды и разные мотороллеры со скутерами шныряли, где им нравилось, постоянно друг друга подрезая и создавая неизбежные, казалось

бы, аварийные ситуации. Пешеходы тоже шлялись где попало и то и дело норовили броситься под колеса. Тем не менее в последний момент все успевали затормозить, вильнуть в сторону, остановиться — и при этом сохраняли олимпийское спокойствие: никто не ругался и не возмущался. Машины ехали медленно, велосипедисты крутили педали меланхолично, пешеходы вышагивали не спеша — создавалось безусловно обманчивое впечатление, что никто ни на кого не обращает внимания. А ведь поди ж ты: там, где в Питере было бы уже десятка три аварий, здесь все расходились миром и безо всякого ущерба для людей и средств передвижения!

Из последних Чижикову особенно глянулись железные коробки с моторной тягой и на трех колесах: тамошние водилы среди местных явно слыли безбашенными лихачами, и вполне заслуженно, поскольку про правила дорожного движения и слыхом не слыхивали, да и сдались им эти правила! Железнокоробочники могли неожиданно для всех свернуть и устремиться поперек дороги или даже вообще помчаться навстречу транспортному потоку. Громов подтвердил Котину догадку: «Эти совершенно отмороженные! После автобусов их нужно опасаться первыми». — «А что не так с автобусами?» — спросил Чижиков. «Да большие они, — ответил Дюша. — И тормозить не любят. лучше их пропускать». Котя хотел было поинтересоваться, кого ж тогда можно не пропускать, но, поглядев в окошко, вмиг просек, что это все остальные, кроме упомянутых автобусов и редких для Пекина троллейбусов.

«Главное — двигаться равномерно, с постоянной скоростью, в очевидном для окружающих направлении, — поделился Громов выстраданной мудростью. — Тогда тебя никто не задавит. Кроме автобуса, конечно. ему не до мелочей, он как слон. А если начнешь метаться, кренделя выписывать, резко менять направление — пиши пропало, первый же велосипедист в тебя впилится».

Еще Чижиков приметил нескольких рикш-велосипедистов явной туристической направленности — столь богато были отделаны бархатом их коляски. Шпунтик забрался к хозяину на колени и тоже с любопытством смотрел в окно.

Борн, вместе с Чижиковым сидевший сзади, придвинулся к Коте ближе.

— Ты понимаешь, друг мой ситный, что вся эта ерунда может значить? — спросил он чуть слышно.

— Вот ты про что сейчас? — столь же тихо уточнил Чижиков. — Про пограничников или же про этого лысого хмыря из посольства?

— Какой же ты наивный… — вздохнул Борн.

— И в чем же моя наивность? — делано изумился Котя.

— Да в том, что ты разделяешь пограничников и хмыря, воспринимая эти два случая отдельно друг от друг, — объяснил Борн. — Ты неопытен, и я тебя понимаю. Ведь на первый взгляд между ними нет никакой связи. Но я тебе прямо сейчас, пока мы еще не выпили местного пахучего самогона, могу уверенно сказать: связь тут есть!

— Ну какая?! — Чижиков на самом деле был удивлен. — Какая может быть связь между компьютерной ошибкой и неким лысым фруктом, которого я увидел в первый раз в жизни?..

— Сколько раз тебе повторить, чтобы ты наконец уразумел: случайностей не бывает? А бывают неправильно истолкованные обстоятельства и невнимательные люди, что в упор не видят самых очевидных связей… Скажи мне для начала, как много ты своему приятелю успел поведать? Дракона уже показывал?

— Да ты что… — Котя оторопел. — Сам же наставлял: никому не верь!.. Но откуда ты узнал про Дракона? — Чижиков вдруг сообразил, что в тот памятный вечер так и не сказал Борну, каким предметом обладает, и жуткое неприятное предчувствие погладило его по позвоночнику ледяной рукой. — откуда, а?..

— Не так сложно было вычислить, — подмигнул Борн. — Потом расскажу.

— Вот и приехали! — объявил тем временем Дюша.

Чижиков, озабоченный вновь появившимися в адрес Борна подозрениями, не очень-то и запомнил, как выглядел ресторан снаружи, — в памяти отложились только яркие гирлянды фонариков на деревьях и стеклянные стены павильона, сквозь которые хорошо просматривались столики внутри. На входе, лучезарно улыбаясь, стояла китайская девушка в облегающем красном шелковом платье до пола, но с разрезом сбоку почти до пояса; девушка повела было их внутрь, но тут углядела кота — изящно присела и попыталась со Шпунтиком тезисно посюсюкать. Кот шарахнулся от нее в ноги Чижикову, и тут девушка сообщила, что с котами в ресторан нельзя. «Да ладно, — отмахнулся Котя. — Сестричка, это ж фактически брат мой! Ну да, у него хвост, но мы всюду ходим вместе, а манеры у него такие, что иной человек позавидует!» Девушка опешила — видимо, и китайский язык Чижикова, и его объяснения насчет «хвостатого брата» произвели на нее сильное впечатление; так они и вошли. В ресторане оказалось многолюдно; компании отвели небольшой, на четверых, столик у стены.

— Здорово ты по-китайски говоришь, — заметил Чижикову на ухо Борн. — Попугай?

— лучше, — брякнул Котя. Ну да, Борн знает о предметах много, гораздо больше, чем он. Что тут удивительного, что тут пугающего? В конце концов, если в любом и каждом подозревать скрытый умысел — можно и с ума сойти. Но… ведь и Борн и Сергей, не сговариваясь, втолковывали: не верь никому! И как тут быть?..

— Ну? — Громов обвел заведение гордым взглядом и подмигнул Чижикову. — Как? Свет и воздух!.. А вот и меню, — улыбнулся он, приняв из рук официантки толстый том в искусственной коже. — Делайте свой выбор, господа, делайте свой выбор!.. Только имей в виду, брат, — сказал он Коте, — заказывают обычно не в индивидуальном порядке, но на всех. То есть когда еду принесут и посреди стола установят, ты можешь брать себе с любой тарелки, понял? Кусочек того, шматочек этого. Просто крутишь вот эту штуку… — Громов легко тронул стеклянный круг, занимавший центр стола, — и к тебе подъезжает нужное. Тут и хватаешь. Палками-то есть не разучился или для тебя затребовать нож с вилкой? Здесь и такое водится.

— Нет, Дюша, не надо, — улыбнулся в ответ Чижиков. — Палками я вполне управлюсь. официантка протянула ему и Борну по еще одному увесистому меню, и Котя погрузился в изучение прелестей китайской кухни. Шпунтик чинно сидел на свободном стуле и с любопытством озирался вокруг. Пахло непривычно. За соседними столами смеялись и звенели стаканами. Тихо играла музыка. Желания удрать пока не возникало. Подошла официантка с чайником, налила чаю в стоявшие на стеклянном круге чашки.

— Это что, угорь? — спросил у нее Чижиков, ткнув пальцем в соответствующую картинку в меню.

— Угорь, — подтвердила девушка, застыв за его плечом в полной готовности принять заказ. — Пятьдесят восемь юаней за цзинь[7]. Берете? Котя полистал меню еще — яркие цветные фотографии демонстрировали бесконечное и крайне соблазнительное разнообразие местной кухни — и сдался.

— Дюш, а Дюш… — позвал он через стол. — Давай заказывай ты. Я в этом совсем ничего не понимаю, но выглядит все крайне вкусно. У меня начался уже процесс слюноотделения. — Чижиков посмотрел на принюхивающегося к запахам Шпунтика. — И у него тоже. Только угря закажи обязательно. Интересно же!

— Ладно, — с готовностью согласился Громов. — Надеюсь, вегетарианцев среди нас нет? отлично, тогда ударим по мясу. он подозвал официантку к себе. Борн аккуратно покрутил стеклянный круг, и к ним с Котей подплыли чашки с чаем.

Под жизнерадостное гудение Дюши, излагавшего суть заказа

официантке: «Вот это, это и это, битых огурцов, угорька на пару цзиней, а еще лягушек, только покажи, что свежие, баранину… это баранина? ага, баранину… которая тут свинина? ага, эту и эту… и вот такую бутылочку… Да, и пива три кружки. Циндаоского…» — Котя, потягивая горячий зеленый чай, повернулся к Борну.

— Знаешь, — сказал он раздумчиво, — я верю, что ты крутой и все такое, но про пограничников и посольского дядьку ты мне все равно объясни. Вот так, просто и доходчиво, как дурачку деревенскому. Без загадок. Притомился я что-то от загадок.

— Объясняю, — тут же согласился Борн. — Смотри, что мы имеем. С одной стороны, тебя утром пытаются не пропустить через китайскую границу, потому что ты ее якобы уже пересек. хотя ты не пересекал. С другой — вечером к тебе подходит человек из посольства, который демонстрирует с тобой знакомство и которого ты якобы просил навести, как я понял, справки о покойном деде. Но ты человека этого не знаешь и ни о чем таком его не просил. Верно?

— Верно, — согласился Чижиков с очевидным. — И из этого следует, что я идиот?

— Ничего подобного я не говорил, — мягко улыбнулся Борн. — Я сказал, что ты невнимательный. Ну сам подумай: что первым приходит на ум? Что ты, ничего про то не зная и ведать не ведая, прилетел в Пекин неделю назад и озадачил посольство поисками.

— Все, что я могу предположить, это — полный бред, — прогудел покончивший с заказом и свернувший очередную сигаретку Громов. — Потому что наше посольство вряд ли будет кого-то там искать по чьей-то там просьбе. Наши посольские и пальцем не пошевелят ради простого российского человека с улицы.

— Неужели? — покосился на него Борн. — Предположим. Я не в курсе. Пусть так, но тогда еще интереснее получается: ты, — он повернулся к Чижикову, — мало что прилетел сюда неделю назад, так еще и обладаешь достаточным весом, чтобы заставить посольских суетиться. Такие дела.

— Слушай… — Котя допил чай и звякнул чашкой о стеклянный круг. Вздохнул. — У меня в голове полный бардак, я не спал, устал, а ты своими загадочными рассуждениями только увеличиваешь в моем организме мировую энтропию. Пропускай детали и переходи к выводам. официантка принесла пиво.

— А я вот понял, к чему Алексей клонит! — прогудел Дюша, раскурил самокрутку и взялся за кружку. — он ведет к тому, что у тебя, брат, есть двойник, и двойник этот уже неделю как в Пекине

орудует. Я прав?

— Ну… да, — кивнул Борн. — В общем и целом правы.

— Да ладно! — Громов поднял кружку. — Давай уже на «ты». Мне так проще. За знакомство!

— хорошо, — легко согласился Борн. — За знакомство!

— Слу-у-ушай, брат, — оживился Громов, отхлебнув пива и уставившись на Котю. — А у тебя случайно братика-близнеца нету?

— Да откуда! — Чижиков, пораженный словами Дюши, тоже потянулся к кружке. — У меня из родственников — один кот остался…

«И дед», — подумал он про себя, а потом его мысли пошли вразнос. Двойник?! Как это?.. Как это возможно?! Да ну, ерунда… Но… как иначе объяснить происшествие на границе и поведение лысого незнакомца? А может, это очередные выкрутасы Ники, какие-нибудь новые эксперименты со временем или, как она говорит, очередное вмешательство в хронопоток?

— Кстати, о посольстве… — прервал Котины размышления Громов. — если вы посмотрите направо, то вон за тем столом увидите некоторых тамошних сотрудников, например советника Высокова.

Чижиков машинально повернулся в указанном Дюшей направлении и среди десятка людей, сидевших за большим круглым столом и оживленно меж собой переговаривавшихся, вдруг углядел одного хорошо знакомого человека… Нет, не может быть! Котя всмотрелся. ошибки не было: за столом сидел… советник Гао, облаченный в серый европейский костюм, при белейшей сорочке, по которой узкой змеей вился темно-синий галстук. Соседка советника, женщина лет пятидесяти, в цветастом платье и с кучей немыслимых бус, о чем-то спросила его, тыча палочками в замысловато изогнувшуюся на блюде рыбину. Гао ответил, поднял взгляд — и Котя встретился с ним глазами. Наверное, с секунду Гао спокойно смотрел на Чижикова, а потом кивнул ему с короткой улыбкой и вернулся к разговору с соседкой.

— Дюша… — позвал Котя хриплым голосом. — А вот тот, в сером костюме, что прямо напротив нас сидит, это кто?

— Так это и есть советник Высоков Владимир Федорович.

Эпизод 8
На канале

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Шпунтик примирился с переменами.

Этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, его выпустили из клетки, что было самым важным. Шпунтик опять очутился на свободе, то есть в естественном своем состоянии. Переноску хозяин почему-то выбрасывать не спешил, и это кота сразу насторожило, но он оставил вопрос на потом: «Разберемся во благовремении, когда придет пора». Главное — перед носом не маячили больше ненавистные прутья, и Шпунтик в порыве благодушия решил, что не станет, пожалуй, писать хозяину в тапки. По крайней мере пока.

Здешняя свобода, конечно, пахла иначе, и кот понял, что он снова в городе — со всеми присущими городу недостатками: тут нет высокой сочной травы, и тут вряд ли встретишь лягушку. Шпунтик внезапно взгрустнул по лягушке, какой бы идиоткой она ни была.

Весь день Шпунтик трусил по улице следом за хозяином, и со всех сторон его обступали городские запахи — многие незнакомые, но ни одного тревожащего. очень интересно оказалось в том месте, которое хозяин и его огромный друг меж собою называли «площадью», хотя она была совершенно необъятна: посреди нее росли деревья, стояло какое-то внушительное здание, и при нем присутствовали скульптурные композиции!

При входе на площадь Шпунтика обыскали, то есть заставили проехать через темный тоннель в чреве здоровой металлической коробки, и там что-то подозрительно, но не опасно щелкало. Рядом ехал рюкзак хозяина, так что было вовсе не страшно. В итоге площади Шпунтик решительно не понял, тем более что ему запретили по ней бегать. Потом были кусты и близкая вода, от которой Шпунтик на всякий случай сразу отошел подальше. Потом Шпунтик сидел с хозяином в машине и видел огни за окном — целую реку огней! Потом в месте, называемом «ресторан», ел с тарелки вкуснющую рыбу, слегка подпорченную странным и непривычным маслом. Словом, Шпунтик со всеми

делами справился и хозяина не посрамил.

Жизнь однозначно начала налаживаться. Во-вторых, теперь у Шпунтика было Тепло. Именно так, с большой буквы! оно творило сущие чудеса. Каким обескураженным выглядел огромный приятель хозяина, когда Шпунтик совершил несколько несложных прыжков по комнате! Кот увидел, что тот просто не поспевает за ним взглядом, и это было хорошо, это было приятно. А все благодаря Теплу. одновременно Шпунтик понял, что Тепло нельзя расходовать понапрасну и всуе: пользоваться им следует лишь в действительно необходимых случаях. Поэтому кот быстро свернул показательное выступление и принялся, как ни в чем не бывало, вылизывать заднюю лапу, исподтишка наблюдая за хозяйским другом. Тот, надо признать, повел себя благоразумно, то есть не стал орать: «Коть, а ну иди посмотри на своего кота, чего он вытворяет!» — а всего лишь покрутил башкой, потом медленно подошел к Шпунтику, поглядел на него внимательно сверху вниз, погрозил ему пальцем и пророкотал нестрашно: «Ты это, парень, брось…» А хозяину ничего не сказал.

Молодец! Зачем хозяина попусту волновать!

Вечером того же дня Шпунтик получил еще одну возможность оценить дары Тепла — в кустах, поблизости от невидимой воды. Надо признать, там было не особо интересно, в городе не кусты, а одно расстройство — редкие, чахлые, безжизненные: даже занюханного кузнечика не встретишь, не говоря уже о глупых лягухах. И если бы не спустившаяся ночная темнота, Шпунтик этими кустами-вырожденцами ни за что бы не прельстился, наплевав на них слюною. А так, в сумраке и от скуки, — пошел. Все равно больше ничего интересного не было: хозяин и огромный его друг пили пиво, а это куда как скучно. Шпунтик однажды попробовал пива — сущая гадость! хуже молока. Тьфу.

Пробираясь сквозь скудные заросли, Шпунтик услышал звуки. Непонятные такие: вроде голоса, но что говорят — не разобрать, и тон такой сладко-приторный, как у хозяйки рыжего Тишки, когда та зовет его домой на пожрать. Вроде как: «Тишка, Тишечка, иди сюда, мой сладкий». Будто она лизала того Тишку и лично убедилась, что он приятен на вкус. Ну да. Сладкий. Когда он из помоек не вылезает. Чего уж тут слаще?

Шпунтик — исключительно из любопытства — пошел на голоса. И что же ему открылось? В небольшом закутке, на ступеньках, что вели к распахнутой двери, разместились двое, по виду совсем еще пацанье. Именно они наперебой гладили лежащего между ними пестрого кота и вовсю производили те самые приторные звуки!

Шпунтик замер.

Кот лежал неподвижно, с закрытыми глазами, даже хвостом не шевелил. И дышал еле-еле — словно на последнем издыхании. Шпунтику стало очевидно, что эти двое до того кота достали, что он уже не знает, куда деваться. Шпунтик понял, что кот уже много раз пробовал сбежать от своих малолетних почитателей, да все неудачно, и вот теперь лежит и терпит из последних сил. А человеческий молодняк знай наглаживает несчастного кота, совершенно наплевав на его чаяния.

отчего кот не отдерет мучителей когтями? Не преподаст им вразумляющий урок?

Шпунтик присел, вытянул шею, вгляделся.

Это же форменное насилие! Коты и особенно кошки заслуживают любви и поклонения просто по факту своего рождения, даже дура-мышь понимает, но чтобы поймать вот так и любить принудительно, пока ужинать не позовут… Шпунтик решил, что пестрый кот или чем-то очень сильно болен, раз не может дать достойный отпор, или бесконечно ослаб в бесплодных попытках вырваться. А то его и вовсе избили до полусмерти, чтобы не сопротивлялся, и теперь гладят в свое удовольствие, а коту уже все равно. В любом случае выходило, что пестрый собрат — жертва чудовищной тирании и ему непременно следует помочь!

Вот Шпунтик и помог.

Он взял и прыгнул.

Тепло мгновенно перенесло его на крыльцо, как раз между двумя молодыми истязателями и ступенькой выше кота-мученика. Шпунтик единым прыжком преодолел расстояние, для которого в прошлой жизни ему пришлось бы расстараться. И — явился пред очи супостатов!

Мучители вздрогнули, одновременно воскликнули «ай-я-я!!!» и отшатнулись в сторону. один от неожиданности чуть не свалился вниз. Шпунтик плотоядно заурчал и из положения сидя прыгнул на ближайшую стену, оттолкнулся от нее, перелетел на соседнюю, снова оттолкнулся и приземлился ровно на то же самое место. Продолжая урчать, но чуть громче. ответом ему было очередное «ай-я-я!!!», а потом пацаны кубарем скатились со ступенек и со всех ног бросились прочь, ломая кусты и что-то неразборчиво восклицая.

Стало тихо. Кот-страдалец — а был он вполовину меньше Шпунтика — осторожно поднял голову, огляделся и увидел спасителя. Некоторое время тупо на него смотрел, не выказывая ни малейшего желания подняться и сбежать, воспользовавшись негаданно нагрянувшей свободой. Потом вздохнул и отворотил морду прочь.

Шпунтик был в полном недоумении: ну как же, ведь тебя спасли! Так беги, прячься, если за себя постоять не умеешь и не знаешь, как правильно поставить людей на их законное место в мировой пищевой цепочке. Скрывайся, таись! Ничего подобного: пестрый кот продолжал равнодушно лежать на ступеньке.

Шпунтик вытянул шею и осторожно его понюхал: вроде нормально пахнет. Котом. Так в чем же дело?

Шпунтик тронул пестрого лапой, но тот даже хвостом не повел. Кажется, он лежал и дожидался возвращения мучителей. Шпунтик тронул его лапой еще разок. Кот поднял голову и посмотрел на спасителя с такою укоризной, что Шпунтику стало не по себе. Во взоре мученика явственно читалось: ну что ты приперся? зачем вмешался? чего тебе вообще надо?..

Тут только Шпунтик заметил, какой местный котейко упитанный. Морда вся жиром заплыла, глаза в щелочки превратились. Да может ли такой кот вообще передвигаться самостоятельно — не то что отстаивать свои права?! Шпунтик знавал пару кошек сходной конституции: они вообще никогда и ничего не делали, целыми днями лелея свой жир, развалясь, точно королевишны, на мягких перинках.

Однажды Шпунтик наблюдал, как подобную кошку хозяйка кормила сметаной: принесла блюдечко, поставила под самую морду, чтобы животинка не перестаралась двигаться, а сама вокруг так и прыгает, так и скачет от восторга. Увидела Шпунтика, застывшего на карнизе в полном изумлении, и руками замахала, как твой ветряк, так что кот предпочел убраться восвояси, не дожидаясь более решительных мер по изгнанию свидетелей.

И что же это получается: ты, толстый китайский котяра, добровольно даешь себя мучить? лишь бы кормили?! Презренный раб желудка! Ты продал свободу за еду!!! Возмущенный Шпунтик готов был как следует вздуть приспособленца, и лишь богатый жизненный опыт удержал его карающую лапу. Тот, кто добровольно отказался от свободы, не заслуживает даже трепки. Это конченый кот. И не кот даже, а волосатый пыхтящий пуфик на хозяйском диване.

Шпунтик презрительно фыркнул и исчез в кустах.

Из этого происшествия кот вынес две истины: местные коты — идиоты, предавшие свой вид, а Тепло — неизбывно и прекрасно. Потому что будь на месте пестрого прохвоста попавшая в беду Мурка, спасательная операция завершилась бы ошеломительным успехом, и Шпунтик был бы вознагражден более чем щедро. он бы и без Тепла справился — конечно! — но с Теплом получалось лучше и быстрее. В конце концов, глупо не

пользоваться преимуществами по той причине, что противник ничем подобным не владеет. Это же азы, азы тактики и стратегии!..

И наконец, хозяин подарил Шпунтику ошейник.

Раньше Шпунтик видел ошейники лишь на собаках и лишь издалека, потому что разумно избегал сближения с этими пустоголовыми и слюнявыми человеческими рабами. ошейники были красивые, и Шпунтик недоумевал: отчего котам ошейники не положены? он даже пытался намекнуть хозяину, что вовсе не прочь заиметь такую штуковину — просто чтобы была, но хозяин в ответ явил свою обычную несообразительность. А тут — надо же: или звезды на небе встали правильно, или хозяин развился умом, да только всего вернее, что ему кто-то подсказал, что Шпунтику ошейник придется по душе. Да-да, точно, подсказали. Скорее всего, тот огромный бугай с бородой…

Так или иначе, а теперь у Шпунтика был свой личный ошейник. И безо всякого поводка. Шпунтик видел, как на поводках водят собак — ну что с них взять, у собак и язык вечно в пасть не помещается, наружу торчит! И все они через одну — истерички, чуть что пускаются в лай и контролировать себя не умеют. Дрянная порода, за ними нужен глаз да глаз!..

Размышляя об ошейнике, Шпунтик никакого поводка в виду не имел, ему и в голову не могло прийти такое вопиющее покушение на кошачью свободу, чтобы по улице кота водили, словно собаку! И гляди ж ты: вышло ровно по его чаяниям и надеждам — расчудесный ошейник и безо всякого поводка в придачу. Правда, поначалу хозяин тряс перед Шпунтиком разными сверкающими ошейниками то с колокольчиками и бубенцами, то с ленточками и люрексом, то с бантиками и висюльками, но потом все же пришел в себя и подарил коту благородный ошейник — узкий и тонкий кожаный, и никаких тебе финтифлюшек и сантиментов. Из лишнего в ошейнике был специальный кармашек, где лежала карточка с именем Шпунтика, номером его кошачьего паспорта и пекинским телефоном друга хозяина, а это было вполне терпимо. Кроме того, уединившись в кустах, Шпунтик попробовал ошейник на прочность и убедился, что при нужде сможет от него избавиться в любой момент. Пару раз задней лапой — и готово. Делов-то.

* * *

Обычной пекинской народной в ресторане не нашлось, и потому принесли ее более высокосортную разновидность — в

глиняных маленьких бутылочках, горлышки которых были залиты воском. Неискушенный Чижиков очень порадовался экзотике, а Громов некоторое время ворчал, что вот, мол, заставляют платить втридорога за то, что в соседней лавке стоит сущие гроши.

— Да брось ты, Дюша, — махнул рукой Котя. — Не бери в голову. Мы же празднуем! он все еще пытался устроить себе праздник, все еще надеялся забыться — после череды невероятных дней разгрузить голову, прогнать неизбежные мысли хоть на время, и самогон из глиняных бутылочек должен был этому поспособствовать. Как и стол — когда официанты принесли все заказанное, Котя пришел в совершенное восхищение. Громов действительно «ударил по мясу»: в наличии было всякое, приготовленное и так и эдак, исходящее паром на жаровне и холодное, нарезанное тонкими ломтиками; а еще было мясо замаскированное — например, крупные такие оранжевые шарики в патоке. Чижиков сперва принял это блюдо за десерт, но выяснилось, что в шариках — тоже мясо. Свинина в кисло-сладком соусе.

— Ну, еще раз за встречу! — провозгласил Громов, воздев к потолку рюмку, в которой плескалась жидкость, прозрачная как слеза. — С благополучным прилетом, мужики. Чтобы все у вас получилось и было! Сказавши такой многомудрый тост, Дюша отсалютовал рюмкой Коте и Борну и отдельно — Шпунтику, которому по просьбе Чижикова принесли простой отварной рыбы, умудрившись все равно подпортить ее кунжутным маслом, типа для запаха, — после чего опрокинул рюмку в рот и блаженно прикрыл глаза.

— Действительно, — усмехнулся Борн. — Желаю, чтобы все! — и вполне непринужденно маханул свою. Жмуриться от удовольствия не стал. Ухватил палочками кусок угря и запихнул в рот.

«В конце концов, советник Гао может быть просто похож на этого Высокова, — подумал Чижиков и выпил последним. Самогон приятно обжег пищевод и огненной лавой устремился в желудок. — хотя… есть в этом нечто настораживающее, тут советник и там советник…»

— Между первой и второй — перерывчик небольшой, — сообщил Дюша, разливая пекинскую народную.

— Тем более когда рюмки размером с наперсток, — неожиданно поддержал его Борн. — Может, стаканы попросим? Котя оглядел Борна с изумлением: тот же вообще не пьет! Как, однако, меняет людей первая же стопка!

— Нет, не надо, — попросил он. — Пусть будут наперстки. Мы же не напиваться в хлам сюда пришли, верно?

— Не могу не поддержать, — согласился Дюша. — Напиться в хлам каждый умеет, и это всегда успеется. Так выпьем за успех! Выпили. Котя мельком взглянул на Высокова, но тот не обращал на него никакого внимания. Борн перехватил его взгляд.

— Что тебя так заинтересовал этот посольский? — спросил Борн.

— Мнэ-э-э… — неопределенно отвечал Чижиков, накладывая себе баранины. — Такое впечатление, будто мы с ним где-то уже встречались. Да вот не припомню где, — убедительно соврал он.

— Дежавю? — улыбнулся Борн. — Только этого нам и не хватало.

— Может, ты его по телевизору видел, — предположил Громов.

— Да не смотрю я телевизор.

— Ну, тогда не парься, потом вспомнишь. Попробуй лучше свининки с бамбуком! — И Дюша подогнал поближе к Чижикову соответствующую тарелку. — Совершенно диетическая, но вкусная, зараза, — слов нет.

— Да, правда, не бери в голову! — Борн отхлебнул пива. — Сейчас гораздо важнее, откуда у тебя в Пекине взялся двойник. если это правда, конечно.

— А как узнать? — уставился на него Котя. — Пойти к тому лысому и спросить: когда, мол, это я к вам приходил по поводу деда, что-то не припоминаю? Скажите, лысый друг, внесите ясность, а то я плохой на всю голову. Может, у вас был с визитом кто-то другой, похожий на меня, как две капли воды? Так, что ли?

— Не вариант, — прогудел Дюша. — Надо что-нибудь позаковыристее придумать. Тебе проще будет, кстати, если ты в чести у посольства.

— Давайте так, — предложил Борн. — Я по своим каналам попробую до завтра что-нибудь выяснить, а там уже решим, как быть. хорошо?

— По своим каналам? — Громов изучающе уставился на Борна. — Алексей, а что это у тебя за каналы? если не секрет, конечно.

— Я предпочел бы воздержаться от ответа, — скромно улыбнулся тот. — Пусть это останется моей маленькой тайной. И Борн незаметно покосился на Котю.

— Ладно, давайте так, — поддержал его на всякий случай Чижиков. — До завтра я, наверное, потерплю, хотя, если честно, вся эта история меня сильно напрягает.

— Для снятия напряжения! — Громов наполнил рюмки. — Кстати, Алексей, мы тебя не слишком обременяем? У тебя тут свои дела.

— Да ничего. Мне самому интересно… У Громова зазвонил мобильник.

— Это твой Сумкин звонит, — послушал Дюша и протянул Чижикову телефон. — очень хочет тебя услышать.

— Федор Михайлович, наконец-то! Где ты целый день болтаешься? Почему не звонишь? Я уж волноваться начал.

— Что это у тебя там шумит? — вместо ответа спросил Сумкин.

— Да я тут в ресторане сижу, отмечаю прилет… Но ты так и не сказал, как твои дела.

— Ты вообще с кем? — задал глупый вопрос великий китаевед, и голос у него был напряженный. — Кроме твоего приятеля есть и другие люди?

— Полный зал, — подтвердил Чижиков. — Слушай, давай-ка бери такси и гони сюда. Поешь вкусного, опять же, водки выпьем от души. И заодно поговорим. Мы на канале сидим, неподалеку от посольства.

— Не-не-не… — Котя видел, как наяву: Сумкин отрицательно мотает головой. — Никуда я не поеду, пока не поговорю с тобой наедине. С глазу на глаз, старик. Понял меня?

— Понял… Погоди! — Чижиков встал. — Я на секунду, — извинился он и отошел от стола подальше. Свернул в коридорчик, что вел к туалету. — Ну вот, я остался один, как перст. Сортир предо мною. Позади пустой коридор. Что случилось? Говори уже.

— По телефону тоже не буду, — отказался Сумкин. — Ты симку китайскую уже купил?

— Ну да, Громов помог.

— Диктуй номер.

— Сейчас… — Котя, прижав телефон плечом к уху, полез в карман. — Вот… — Продиктовал Сумкину номер. — Теперь ты объяснишь наконец, в чем дело?!

— Старик, ты что, русских слов не понимаешь? Ну включи уже соображалку на пару секунд! — Сумкин, похоже, всерьез рассердился. — Завтра утром я к тебе подскочу. Сначала позвоню, а потом приеду. Так что ты вставь китайскую симку в свой аппарат и неутомимо жди моего звонка.

— Стоп! — выставил перед собой ладонь Котя. — Федор Михайлович, я понимаю, что тебе приспичило поиграть в шпионов, но со мной тут тоже кое-что произошло, и первое, что я хочу узнать: с тобой лично все в порядке? Руки-ноги целы? Тебя встретили? Ты в гостинице?

— Отвечаю по порядку: да, да, да и еще раз да. Запиши на манжетах для памяти, — скороговоркой выпалил Сумкин. — Не

спрашиваю сейчас, что случилось у тебя, но завтра, когда я тебе расскажу, ты… обещаю, ты просто полные штаны наложишь от восторга, старик! Готовь памперсы.

— Нам жопа? — обмирая, брякнул Котя. Такого голоса у Сумкина ему слышать еще не приходилось.

— Пока не знаю, старик. еще надо кое-что проверить, но все может быть. Но не по телефону! Не по телефону!!! — вдруг воскликнул Сумкин. — Короче, жди с утра моего звонка и никуда не уходи. Понял меня, старик?

— Понял… — Котя удивленно уставился на разразившийся короткими гудками мобильник: Федор отключился.

«Да что опять?! Мало мне двойника, который по Пекину шляется и от моего имени деда Вилена ищет, так еще и Сумкин во что-то судьбоносное вляпался!.. Пойду напьюсь. Но сначала…»

Чижиков воровато огляделся и зашел в туалет. Запершись в просторной кабинке, он бережно достал из кармана Дракона, некоторое время любовался им, а потом настроился на Сумкина и решительно сжал предмет в кулаке.

…Федор пребывал в комнате, очень напоминающей гостиничный номер: громадная кровать, зашторенное окно во всю стену, узкий столик с телевизором на нем и небольшим свободным пятачком пространства, за которым и примостился великий китаевед. он листал какую-то книгу. отложил, взялся за другую из стопки на полу. Вид у Сумкина был крайне сосредоточенный, деловой, взъерошенные уши торчали, точно локаторы на боевом дежурстве. Никаких следов насилия на его лице — синяков или царапин — Котя не приметил: вполне цветущий Сумкин, в зубах дымится окурок, глаза так и летают по строчкам…

Чижиков «отпустил» Сумкина, перевел дыхание и отер со лба выступивший от напряжения пот. «И отчего это я пользуюсь Драконом исключительно в сортирах?» — промелькнула некстати мысль.

Значит, с Федором все в порядке. По крайней мере внешне и сейчас. Уже неплохо. Ах, если бы Дракон еще позволял узнать, что у человека на уме!..

Повинуясь секундному порыву, Котя снова сжал Дракона в руке, сосредоточился и попытался «пробить» Нику, но, как обычно, ничего не увидел. Темнота. Или Ника погибла, или в этом времени ее не было. еще. Или уже. Впрочем, подумал Чижиков, возможно и другое объяснение. Ведь прозрачный сказал: Ника — не человек. если Дракон позволяет видеть только людей, а Ника не человек, то ее никак и не увидишь, будь она даже в двух шагах отсюда. Эх, приложили бы к Дракону

инструкцию какую, что ли!..

И кстати, если Ника не человек, то кто же она? Потому что внешне она очень, ну очень на человека похожа. Просто вылитая.

Осталось сделать еще две попытки. обе из разряда невероятных: «пробить» советника Гао и… самого себя.

Котя не знал и сам, на что рассчитывал, принимаясь за эти эксперименты; просто вера в волшебную силу Дракона была столь сильна, что Чижиков уповал всею душой, а вдруг (вдруг!) удивительный предмет даст ему подсказку, где искать ответы на занимавшие его вопросы: про двойника, про Гао, про Нику… Котя понимал ничтожность своих упований. Ну а вдруг?..

Советник Гао не откликнулся. Как и Ника. опять же: или Гао тут нет, или он — тоже не человек.

Чижиков попробовал по-другому: представил себе Высокова — в сером костюме, с идеальным пробором в седеющих волосах, чинного и официального. Высоков отыскался там, где ему и положено, — за столом. он как раз поднимал тост за благополучное возвращение на родину некоей делегации, представители которой, похоже, и сидели вокруг, радостно разделяя с Владимиром Федоровичем роскошную трапезу.

Ну что же, хотя бы понятно, что этот Высоков — не Гао, переброшенный злыми людьми вслед за Котей из Древнего Китая. Просто очень, ну очень похож. Как Ника — на человека.

Одной проблемой меньше.

Теперь — Чижиков. Второй Чижиков. еще один Константин Петрович.

Котя чувствовал, что сил у него осталось немного — хотя спиртное явно их прибавляло или, вернее, стимулировало. Нужно бы отдохнуть, но Чижиков уже не мог остановиться.

И он увидел — словно свое отражение в зеркале. Секунду Котя созерцал себя самого: потного, зажмурившегося, с перекошенным от усилий лицом, прижавшего к груди стиснутый кулак, — а потом изображение исчезло, словно выключилось, и Чижиков открыл глаза.

Значит, если представить себя самого, то видишь то, что перед твоими собственными глазами… Вот и все. И никакого двойника.

«Это ничего не доказывает, — размышлял Котя, умываясь. — Нужно будет попробовать еще. отоспаться, набраться сил и попробовать…» Так он сам себя уговаривал, интуитивно понимая, что все последующие попытки окажутся безуспешными.

Вдруг Котя подумал, что он — безмозглый дурак. Это же надо: истратить все силы, а про главное и не вспомнить — про деда-то!..

«Определенно напьюсь!»

Уняв легкую дрожь в ногах, Чижиков вышел из туалета и направился обратно в обеденный зал. За время его отсутствия к их компании присоединился еще один человек — невысокий и плотный пожилой китаец, коротко стриженный и уже с заметной сединой в волосах, в больших очках с сильно затемненными стеклами, не солнцезащитных, а с диоптриями, и все же цвет глаз за ними никак не разобрать. лицо китаец имел круглое, невозмутимое. он сидел по правую руку от Громова и с интересом смотрел на Шпунтика, не позволяя себе, однако, никаких вольностей. Стул рядом со Шпунтиком пустовал: Борна не было на месте.

— А вот и он! — поднял кружку с пивом Дюша. — Брат, мы тебя заждались… Позволь представить: мой партнер Гу Пинь. он хорошо говорит по-русски. Названный Гу Пинем китаец тут же вскочил и, широко улыбаясь, раскланялся с Чижиковым.

— Андэли преувеличивает. Я плохо говорю. он много рассказывал про вас. очень приятно, очень приятно, — на вполне сносном русском сказал Гу Пинь. Голос у него был глубокий, с притягательной хрипотцой.

Чижиков с чувством пожал протянутую ему руку.

— Рад вас видеть, господин Гу!

— О, вы прекрасно говорите по-китайски! — удивился Гу Пинь. — Про это мне Андрей не рассказывал. У вас замечательное произношение, вы говорите словно настоящий пекинец.

— Нам предстоит еще многое узнать друг о друге, — дипломатично улыбнулся Котя, поскольку мысли его были заняты совсем другим. — Андрей предложил мне присоединиться к вашему совместному бизнесу, а партнеры должны быть хорошо знакомы. Конечно, если вы не против, господин Гу.

— Предлагаю за это выпить! — Громов откупорил очередную бутылочку. — Гу любит выпить, брат. Гу Пинь мелко засмеялся.

— Я его однажды спросил, — продолжал Дюша, наполняя рюмки, — «Гу, сколько дней в году ты пьешь?» А он мне в ответ: «Проще сказать, сказать, сколько дней в году я не пью. Ровно два!»

— Однако! — удивился Котя.

— Это все китайский чай, — объяснил Гу. — очень, очень полезный. Я пью… как это?.. водку и чай одновременно.

— Понятно, — сказал Котя. — Кстати, Дюша, а где наш приятель Алексей?

— Ему позвонили, и он тотчас же ушел. Велел кланяться, просил извиниться. Сказал, очень срочное дело, — хмыкнул Громов. — Вот за минуту до прихода Гу и ушел. Странный он

какой-то… А что твой Сумкин? Приедет?

— Нет, не приедет, — мотнул головой Чижиков. — ему к докладу надо готовиться. Завтра обещал перезвонить.

— Добрый вечер, господа! Извините, что прерываю… Котя поднял глаза: рядом стоял Высоков. Компания, с которой он сидел, тянулась к выходу, оживленно и громко беседуя, а официанты уже прибирали со стола грязную посуду.

— Константин Петрович, так мы вас ждем завтра в посольстве, — скупо улыбнулся Чижикову советник. Глаза его были пустые и холодные, ровно две льдинки. — Я пришлю за вами машину, как и договаривались, в шесть… еще раз извините, господа. Приятного аппетита!

Эпизод 9
Не тот Китай

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Утро у Шпунтика выдалось хлопотное: раз уж они с хозяином зачем-то переехали на новое место, следовало и здесь наладить привычный порядок вещей, напомнить о существовании правил и необходимости их соблюдать. Конечно, вчера в ресторане было неплохо — рыба попалась вполне съедобная, хотя и замасленная, а потом Шпунтик и вовсе отправился на кухню, где в корне пресек попытки тамошних людей с ним посюсюкать или, не дай бог, полюбить неудержимой китайской любовью, и раздобыл себе рыбы еще, и на сей раз свежей. Пораженные талантами и статью Шпунтика, повара такую рыбу коту предоставили добровольно и всей кухней столпились смотреть, как кот вкушает местные яства. Так что вчера с питанием все сложилось удачно.

Но это же не дело — каждый день надрываться в поисках еды! ходить, уговаривать! Ведь существует давно заведенный порядок: настало утро — покорми кота. И где, спрашивается? Для очистки совести Шпунтик прогулялся к резиновому коврику у входной двери, где, как было сказано, теперь располагается «жральня», и обнаружил в миске пару вчерашних подсохших кусочков. Свежее питание не поступило!

Кроме отсутствия регулярной и правильной кормежки наличествовала на новом месте еще одна вопиющая несообразность: нельзя было выйти в окно. Нет форточек — ладно, форточки, в сущности, не так обязательны. Даже и хорошо, что не нужно напрягаться и прыгать. окно гораздо удобнее. однако все — все! — здешние окна, хоть и были открыты настежь, снаружи оказались забраны мелкой сеткой. Через нее не то что кот, пусть даже мелкий и не такой красивый, как Шпунтик, — через эту сетку даже комар не мог просочиться, не говоря о толстом и бестолковом шмеле. То, что шмель не мог нагло впереться в квартиру, было хорошо, а вот то, что кот не мог из квартиры выйти, — совершенно отвратительно. Шпунтик попытался сетку высадить: налетел на нее с разбега, вцепился когтями, потряс… Ничего не вышло, сетка держалась прочно. Это что же получается, прощай, ночные клубы и прогулки по девочкам?!

Направляясь в хозяйскую спальню, Шпунтик был полон решимости добиться восстановления нормального положения вещей. Между прочим, по вызволении из узилища коту было обещано мясо. Мяса Шпунтик тоже не наблюдал и при случае был готов вернуться к плану «написать в тапки». Ведь всякому терпению есть предел!

Шпунтик боднул головой приоткрытую дверь и вступил в спальню. Картина, которая открылась коту, умилила бы любого, но не Шпунтика в нынешнем его настроении. хозяин — в одних трусах в цветочек — лежал на спине поперек широкой кровати, разбросав руки и раскинув ноги. хозяин сладко спал, и из его приоткрытого рта неслись тихие рулады храпа. хозяину очевидным образом было хорошо. И это в то самое время, когда кот поражен в естественных правах: не кормлен и не имеет доступа к свободе!..

Шпунтик вспрыгнул на кровать, осторожно ступил на хозяйскую грудь. хозяин даже не пошевелился — вот до какой степени дошло небрежение котом! Тогда Шпунтик улегся на хозяйской груди, прямо перед сопящим хозяйским носом, и примерился лапой…

Третий сон Константина Чижикова

Чижикову снилось странное. Будто стоит он на пороге огромного зала, и свет падает через прозрачный купол. Купола не видно, но Котя точно знает: купол — очень высоко. Яркое солнце зависло над зданием — зал хорошо освещен, и даже дальние уголки Котя различает в малейших подробностях, но стоит ему отвести взгляд — детали уходят, ускользают, улетучиваются, и Котя не в силах описать, что он только что наблюдал. Зал полон странных, непривычных машин неясной формы и назначения; машины издают тихий равномерный гул; меж них ходят люди — Чижиков отчетливо видит их фигуры, затянутые в блестящие комбинезоны, облегающие тело, точно вторая кожа. Мужчины, женщины — все они работают, и работа эта напряженная, сложная и очень срочная. Котя чувствует исходящую от людей тревогу: они боятся опоздать, они уже опаздывают, они практически опоздали, но все равно борются, не сдаются, из последних сил надеясь завершить работу в нужный срок, потому что это важно, очень важно, архиважно. И если они не успеют, то все великолепное технологическое совершенство, собранное под

куполом огромного зала, будет безвозвратно утрачено, и любые усилия тогда будут напрасными, тщетными… Этого нельзя допустить.

Прямо перед Чижиковым возникает какое-то движение — Котя вглядывается. Несколько мужчин и женщин стоят перед механизмом, напоминающим огромную ванну, правда, поставленную вертикально. К ней со всех сторон идут кабели, светящиеся трубопроводы. А в темной глубине ванны застыла невысокая фигурка.

Котя хочет подойти поближе, но не может. Напрягая зрение, он вглядывается и видит: это человек. Девушка. Глаза ее закрыты, и один из кабелей уходит в затылок. Бледное лицо кажется Чижикову странно знакомым, Котя силится вспомнить — и не может. И вдруг девушка распахивает глаза.

Ника!

Котя смотрит на Нику в упор — ее взгляд полон безмолвной мольбы, но Чижиков ничего не понимает. Он хочет спросить, но лишь беззвучно шевелит губами, он пытается кричать, но крик не слышен. Котя хочет привлечь внимание людей — мужчин и женщин, что столпились вокруг Ники. Он машет руками, пытается войти в зал, но дверной проем неодолим: что-то властно удерживает Чижикова на месте, а люди — те, что в зале, — не обращают на Котины усилия никакого внимания. Лишь одна Ника видит Чижикова, но и она ничего не в состоянии сделать. Сердце Коти переполняется тоской и жалостью — сейчас он готов на все, только бы шагнуть вперед, только бы оказаться рядом с Никой! Обнять ее, прижать к себе, утешить в этой неизъяснимой печали, заслонить от неизбежного… Услышать ее голос и накрепко запомнить то, что девушка хочет, должна сказать ему — ведь это невероятно важно! Котя напрягается изо всех сил, бьется, как муха в паутине, — и вдруг Ника весело ему подмигивает, мольба исчезает из ее глаз, она приближается, вырвавшись из заточения, а люди продолжают суетиться, не заметив, что Ники уже нет… Ника наплывает на Котю, будто облако, миг — и она уже совсем рядом. Ника улыбается — хорошо, светло, радостно — и вдруг начинает щелкать Котю по носу, мягко, игриво, настойчиво: раз, раз, еще раз!..

Чижиков разлепил веки. Прямо перед носом живою укоризной возлежал на его груди Шпунтик. — А… Это ты,

хвостатый проглот… — пробормотал Котя облегченно. — Что, опять жрать хочешь?.. он огляделся: ни следа прозрачного гостя.

* * *

Да, Котя напился. Как, собственно, и планировал.

Конец вчерашнего вечера помнился смутно. Настоящее застолье развернулось после того, как Чижиков познакомился с Гу Пинем, а Борн удалился, не простившись. Чижиков и Гу Пинь удивительно быстро сдружились, чему, вне сомнений, весьма способствовала пекинская народная. Выяснилось, что Гу — действительно мировой дядька, веселый, пить умеет и знает «Катюшу» по-русски. «Катюшу» и пели: тихо, долго, активно помогая себе взмахами рук и отвлекаясь на то, чтобы опрокинуть еще рюмочку и закусить. На середине песни Гу забыл слова и продолжал уже по-китайски, Котя легко подхватил, и лишь Дюша продолжал басить по-русски.

Радостные китайские официанты то и дело подносили еще какие-то чрезвычайно вкусные блюда, пока наконец Гу не заметил, что настало время для супа, и не потребовал его немедленно. обняв Котю за шею, пьяный Гу пояснил, что китайцы едят суп в конце трапезы, а не в начале, как европейцы, и что это не просто себе суп, а очень даже «трезвовательный», то есть прочищает мозги после обильной выпивки.

Котя, помнится, возражал, говорил, что они вовсе еще не напились, и Громов уверенно вторил ему: какое напились! только во вкус вошли! Гу Пинь размашисто кивал, соглашаясь, и наливал еще — пекинская народная пилась легко и с большим удовольствием. Когда принесли суп, было решено по второму разу затянуть «Катюшу»… Котя смутно помнил, что суп был горячий, острый и действительно прояснил голову — на какое-то время. По крайней мере, Чижиков не забыл, как он буквально с ножом к горлу пристал к Гу Пиню, настойчиво требуя от китайца снять очки и заговорщицки при этом подмигивая. Гу в итоге очки снял, и Котя, убедившись, что глаза у того разноцветные, погрозил ему пальцем, захихикав: «А я знаю, знаа-а-аю…»

Дальше воспоминания становились отрывочными: Котя помнил, как искал и нашел Шпунтика, как потом они ехали в такси и Гу Пинь громко пел по-китайски, а Котя прижимал к себе Шпунтика, и, кажется, кот был недоволен. Затем Гу Пинь куда-то делся, а Чижиков осознал и обрел себя в квартире Громова. еще он помнил экран открытого ноутбука — и все. Видимо, после этого Котя провалился в глубокий хмельной сон. хорошо хоть

контактные линзы догадался снять.

— Вот черт… — пробормотал он, приподнимаясь на локтях. Шпунтик неторопливо сошел с хозяйской груди и уселся рядом, на разоренной кровати. — Нормально погуляли…

Голова не болела совершенно, лишь во всем теле ощущалась легкая истома. Котя огляделся. За окном было светло. — А который, например, час? — спросил сам себя Чижиков. И посмотрел на Шпунтика. — Мой хвостатый друг, ты не сообщишь мне сигналы точного времени?

А такой час, что жрать пора, читалось на кошачьей морде.

Котя с кряхтением сел. В правой руке почему-то оказались испачканные в соусе одноразовые деревянные палочки. Чижиков разжал пальцы, и палочки неслышно упали на пол. — Чудовищно… — прошептал Котя, вставая. — Мне надо в душ, в душ!

Стоя под струями горячей воды и старательно отфыркиваясь (Громов предупредил, что водопроводную воду пить не следует!), Чижиков поэтапно восстанавливал в уме вчерашние события. он очень не любил, когда куски жизни, пусть и незначительные, выпадали из памяти. Собственно, подобное случалось с Котей дважды или, может, трижды и всякий раз было связано с ошеломительным выпиванием. Не помнить, что ты делал и говорил, — что может быть гаже? Вдруг обидел кого невзначай? Или сплясал голым на балконе, тряся достоинствами перед изумленной публикой? Ах, как некрасиво, как нехорошо…

Чижиков пустил холодную воду, потом вернул горячую, потом снова холодную. он стойко терпел контрастный душ, ощущая, как в голове окончательно проясняется.

Итак, Гу Пинь. Вчера они явно побратались. Полюбили друг друга на веки вечные, и хорошо, если бы и у китайца сохранились аналогичные воспоминания. А еще Котя, глядя в разноцветные глаза Гу Пиня, грозился, что они поговорят об этом позднее, и когда Гу спросил: «о чем?» — сделал хитрое лицо и заблеял: «А я знаю, зна-а-а-аю…» Гу, кстати, отреагировал вовсе не так, как можно было ожидать. Не забился в тревожной истерике, не побежал прочь с криками «никогда! никогда!», но внимательно на Котю посмотрел, кивнул и согласился: конечно, поговорим.

Чижиков сразу исполнился к китайцу симпатии, едва увидел. Коте даже показалось на секунду, что он Гу Пиня уже где-то встречал. А уж после того, как китаец столь понимающе отнесся к его пьяным излияниям, Гу Пинь и подавно сделался для Чижикова своим в доску. Ну, почти. Дальше — ноутбук. Это было позднее, когда они с Дюшей вернулись домой. Чижиков что-то делал с ноутбуком. Что?.. А! Кажется, он вставил в порт ту самую

странную флэшку, что обнаружил в самолете. И запустил единственный имевшийся на флэшке файл. И — все. Дальше Котя не помнил ни-че-го…

Черт, да ведь скоро Сумкин должен прийти! Наспех вытеревшись и мигом натянув трусы, Котя с полотенцем в руках выскочил из душа и врезался в Громова. Дюша, позевывая во всю громадную пасть, стоял на пути гранитным монолитом — ни объехать, ни обойти. В такого влетишь со всей дури — мало не покажется.

— Ты, часом, не ушибся, брат? — заботливо спросил Дюша.

— А… Это… Извини, пожалуйста… — Чижиков подобрал оброненное полотенце. — Задумался, понимаешь. Который, кстати, час?

— Половина девятого, — хмыкнул Громов. И на всякий случай уточнил: — Утра. — После чего легко приподнял Чижикова за плечи, переставил к стенке и скрылся в душе. — Чайник поставь! — раздалось оттуда. — Будем чаем отпиваться.

* * *

— Это кто? — с ходу ткнул пальцем в Громова Сумкин, врываясь в квартиру.

— Это Андрей Громов, мой пекинский друг, — отвечал Котя. они с Дюшей сидели за столом в гостиной и пили целебный китайский чай — чистые, причесанные и бодрые, когда внезапно позвонил Сумкин и сдавленным голосом затребовал адрес. Не прошло и двадцати минут, как он явился лично.

— Местный? отлично! Превосходно! очень даже кстати! — Сумкин плюхнул на стол пластиковый пакет. — Может остаться.

— Друг, — прогудел Громов, оценивающе разглядывая Сумкина. — Ты явно взволнован. Расслабься. если, конечно, сам хочешь тут остаться. Великий китаевед высоко оценил комплекцию Громова и примирительно кашлянул.

— Гм… Виноват, погорячился. Забылся. Не учел размеры. Не осознал масштабы. Не врубился в габариты. Гм… Позвольте представиться: Федор Михайлович Сумкин, синолог, кандидат исторических наук, — сделал он шаг вперед и подал Дюше руку. — Нахожусь в Пекине по любезному приглашению китайской стороны с целью сделать высокоученый доклад на конференции.

— Громов. Андрей. — Дюша подумал и не стал сжимать ладошку Сумкина, а лишь слегка обозначил пожатие. — Проживаю в Пекине с целью насладиться жизнью и сколотить

изрядный капитал на торговле чаем с этой… с исторической родиной. Нагло вперся сюда, пользуясь доверчивостью китайского народа.

Чижиков хрюкнул. Громов усмехнулся. Сумкин захихикал. Шпунтик вспрыгнул на подоконник и непрощающе уставился на сетку.

— Что это вы тут пьете? Чай? — спросил расслабившийся Сумкин, без спросу садясь за стол. И безо всякого перерыва потребовал: — Дайте что-нибудь пожрать научному работнику. И сахару четыре ложки. Мне для ума надо. Умный я очень, — пояснил он Громову. — Вот вы, Андрей… Что? Можно Дюша? Ага, спасибо. Вот вы, Дюша… Что? лучше на «ты»? Ага. Вот ты, Дюша, я вижу, тоже очень умный, это сразу заметно, у тебя башка здоровая, и вообще — ты должен меня понять. Все здесь уже пожрали, даже он! — обвиняющее указал Сумкин на Шпунтика. — А я ноги в руки и сюда к вам поскакал — как был, голодный и холодный. Короче, обогрейте меня и накормите, чем бог послал. А то ведь кончусь раньше времени и не расскажу вам самого важного. Сумкин сгорбился на стуле, уткнув подбородок в скрещенные руки. Глаза его за стеклами очков таинственно блестели.

— Что, покормить страдальца? — покосился Дюша на Чижикова. — Ты ведь про него рассказывал, да? Как он героически по скалам прыгал, так что все козлы в округе обзавидовались.

— Про него, про него, — кивнул Котя. — Дай ему поесть чего-нибудь, а то у него мозг сдохнет. Я потом в магазин схожу, прикуплю еды.

— Между прочим, я здесь, с вами! — возмутился Сумкин. — Что это у вас за манера, старики, говорить о присутствующих в третьем лице, а? Где это вас так основательно недовоспитали? И что это ты, старик, рассказал, интересно?

— А все, — легко признался Котя. — И про самолет, и про Цинь Ши-хуана…

— Ты с ума сошел!..

— Федор Михайлович…

— Ну ладно, ладно! После разберемся… Вниманием Сумкина всецело завладела китайская консервированная ветчина.

— Здорово ест, упорно, — хмыкнул Громов. — Котя, он банку заодно не схарчит? Может, уже пора отнять?

— Нет, — покрутил головой Чижиков, что откровенно наслаждался видами. — Сейчас он тонкий прокат прожевать не сможет. У него зубик болит.

— Ах, зубик… Ну, тогда я спокоен.

— Ффыньи! — сквозь ветчину сообщил им Сумкин, судорожно работая челюстями. — Ффыньи фы навсегда!

— Кажется, он обзывается? — предположил Громов. — Или вовсе даже грязно ругается? За это мы ему чаю не дадим.

— Не-не-не! — мощно сглотнул Сумкин и вернул себе навыки членораздельной речи. — Старики, не лишайте целебной жидкости! Я вам буквально через минуту дико пригожусь! Набулькайте мне здоровую кружку какого-нибудь «липтона» и засыпьте туда сахара от души!

— Дюша! — Чижиков окинул взором маленький глиняный чайничек и крохотные чашки, из которых они до прихода Сумкина пили пятилетний пуэр. — Дай ему сахар! В воде.

— Вы не подумайте чего плохого, — заявил Сумкин. — Я понимаю про пуэр столько, сколько вы вместить просто не в состоянии, по скудости головного мозга. Я просто не желаю оскорблять высокородный чай банальной жаждой. Громов принес из кухни литровую дымящуюся кружищу, на борту которой красовалась надпись «Рожден побеждать». Из кружки свисали целых три хвостика от чайных пакетиков.

— А сахар?! — округлил глаза великий китаевед. — Сахар! Сахар! Сахар!

— Нету сахара, — отрезал Громов. — Не держу. Сахар — белая смерть.

— Сахар! Сахар! Сахар! — продолжал надрываться Сумкин.

— Ты вот что, — насупился Громов. — Заканчивай уже тут бушевать. Я и пакетики-то эти, — он скривился, — сам не знаю, почему не выбросил до сих пор. Уймись. А то с лестницы спущу. Без лифта.

— Вот! — простер в его сторону руку Сумкин. — Вот! Торжество грубой силы над разумом! Так грязнозадые варвары растоптали утонченный Рим, так пала под ударами нечесаных монгольских орд Великая Китайская империя! Так… Ну ладно, ладно. Понял. — Сумкин вовремя перехватил Дюшин взгляд. — хоть конфетку дайте… Конфетки у Дюши тоже не было, но нашлись засахаренные фрукты.

— Короче, — продолжал как ни в чем не бывало великий китаевед, напившись чаю и сделав серьезное лицо. Вдруг, подобно фокуснику, он молниеносно выхватил из кармана бумажку в сто юаней и припечатал ее ладонью к столу. — Что это такое, по-вашему, старики, а?

— Деньги, — уверенно ответил Чижиков. — Бабло. Казначейский билет. Самая крупная китайская купюра.

— Двадцать пять маленьких пекинских народных, — быстро пересчитал Громов. И уточнил: — если брать в магазине

неподалеку.

— Ничего подобного! — победно провозгласил Сумкин и вскочил в ажитации.

— Да ну? — не согласился с ним Громов. — Уж я-то знаю! Наверное, можно и дешевле найти, но…

— Да я не про покупательную способность!

— Про что же тогда?

— Это, — Сумкин обвиняюще ткнул в купюру указательным пальцем, — вопиющий нонсенс. Не понимаете? Вижу, для вас снова слишком сложно. хорошо. объясню. Но для начала попрошу вас обоих внимательно посмотреть на денежку и сказать: что вы на ней видите? Только уже без шуток. Серьезно. Напрягите зрение.

— Ну… — Чижиков решил быть внимательным. — Герб КНР я вижу, потом иероглифы, но я их не понимаю…

— «Китайский народный банк», — нетерпеливо перевел Сумкин. — Дальше!

— Что — дальше? Дальше цифра «сто» три раза, экзотическое растение и на его фоне опять иероглифы…

— Это «сто» прописью, — пояснил великий китаевед. — И?..

— И изображение приятно улыбающегося китайского дедушки… подозреваю, что это Дэн Сяо-пин[8], — закончил Чижиков.

— А ты раньше китайские деньги видел, старик? — спросил Сумкин.

— Ну… Я же тут бывал. Правда, давно и недолго. Деньги в руках держать приходилось, но под лупой я их не разглядывал. Хотя… если честно, мне еще в банке показалось, будто купюры в чем-то изменились, но я не придал значения. Сотни, помню, как были, так и есть розовые, а детали…

— Дюша, — звенящим от волнения голосом обратился к Громову Сумкин, — вы тоже тут видите товарища Дэн Сяо-пина? Или нам с Костей тотально изменяет зрение?

— Ну… да, — подтвердил Громов. — Такой типический старина Дэн. И что с того?

— Дэн Сяо-пин… Сумкин глубоко вздохнул и рухнул на стул.

— Дэн Сяо-пин, — безнадежно повторил Федор и вытащил из кармана сигареты. — Дюша, друг мой, у тебя курить можно?

— Само собой! — Громов откровенно не понимал, что происходит. — Кури, без вопросов. — он поставил перед Сумкиным пепельницу и спросил: — А в чем дело-то? В чем подвох?

— Да в том, что на китайских банкнотах отродясь не было Дэн Сяо-пина! — Сумкин нервно прикурил. — Сначала на

купюрах изображали разнообразных представителей национальных меньшинств в красивых национальных одеждах, а после реформы на каждой бумажной денежке воцарился Председатель Мао. Таким образом, китайский народ остался с Мао Цзэдуном один на один, лицом к лицу. И где, где теперь Великий Кормчий, я вас спрашиваю?!

— Точно! — хлопнул себя по лбу Чижиков. — Там был Мао Цзэ-дун! Теперь я вспомнил!

— Не понял… — Дюша в замешательстве вцепился в бороду. — Какой Мао Цзэ-дун? Почему не знаю?

— Нормально, да? — Сумкин нервно дернул башкой, на которой, казалось, все имеющиеся в наличии волосы встали дыбом, в сторону Громова. — Старик, ну ты-то помнишь, кто такой Мао Цзэ-дун?

— Спрашиваешь! — кивнул Чижиков. — Да у меня дома по шкафам столько его бюстиков стоит… Погоди-ка… — Котя замер, пораженный внезапной догадкой, и ухватил Громова за обширное плечо. — Дюша, помнишь, вечером, когда ты последний раз ко мне приезжал, Шпунтик взбесился и так треснулся о шкаф, что с него свалился и разбился… Дюша, что со шкафа свалилось?

— Да не запомнил я, — пожал плечами Громов. — Вроде фигня какая-то гипсовая.

— Правильно мыслишь, старик, — ткнул сигаретой в сторону Коти Сумкин. — хотя я и не ожидал от тебя такой умственной прыти.

— О чем вы толкуете? — начал сердиться Дюша. — К чему ведете? объясните наконец.

— Позднее, — остановил его великий китаевед. — Сначала скажи, был ли на твоей памяти на китайских деньгах — не важно, какого достоинства, — такой персонаж, как Мао Цзэ-дун?

— Я уже сказал, что понятия не имею про вашего Мао Цзэдуна! Может, я и не знаток истории, но на деньгах всю дорогу был старина Дэн, а никаких этих… нацменьшинств я вообще никогда не видел! Что происходит-то?

— Вот и я своевременно задался тем же самым вопросом. Я спросил себя: что происходит-то? — Сумкин загасил окурок и выхватил новую сигарету. Яростно оторвал фильтр. — Сразу после приземления я почувствовал неладное, ребята, сразу же! Иду это я, сжимая в кармане трудовой полтинник долларов на предмет обменять его на юани, ну там такси, гостиница и прочие траты. Меня ж никто не ждет, конференция — она через неделю только, так что нужно найти жилье… подешевле, словом. Иду — и вдруг на выходе вижу среди встречающих: торчит плакатик, а на плакатике латиницей выведено «Sumkin». опа! И это меня

мгновенно насторожило. С чего бы вдруг? Я же по приглашению прилетел, за китайский счет, поездка в последний момент выгорела, я уж и не надеялся… И по всему выходит, что билет мне покупали китайцы, которые точно знают, что я прилетаю только через неделю, вот-те на — «Sumkin» на палочке! И держит палочку китайская девчушка в белом пиджачке, с большими выразительными глазками, вся из себя такая няшечка-няшечка… — Сумкин мечтательно зажмурился. — Я к няшечке подхожу и по форме докладываю: я, мол, тот самый Сумкин, следую на высоконаучную конференцию по истории китайских малых народов, дабы поразить местную общественность докладом. она обрадовалась, заулыбалась, защебетала: а я, говорит, линь, из оргкомитета, встречаю вас, что же мы тут топчемся, пойдемте уже в машину, дайте я понесу ваш очень тяжелый чемодан. Как интересно, думаю, из оргкомитета она! И чемодан, понятное дело, из рук не выпускаю. Семени, говорю, впереди, а я двинусь в твоем симпатичном кильватере. И молчьмя молчу про то, что конференция-то еще только через неделю открывается! Решил: это какая-то ошибка, но грех ею не воспользоваться! Присущие мне разум и рачительность указали, что проехаться в город на халяву будет для малоимущего российского ученого очень даже кстати, а когда недоразумение разъяснится — опа! — и мы уже приехали… И вот сидим мы с няшечкой в машине, и вроде бы все привычное вокруг, а только какие-то меленькие детальки в общую картину не вписываются. Так, на уровне ощущений, — сделал неопределенный жест великий китаевед. — Приехали в гостиницу, а там на меня номер забронирован, и с сегодняшнего числа! Я, если честно, не ожидал, уже готовился объясняться. И получается, никакой ошибочки нет! Тут уж я слегка обалдел, но все равно виду не подаю, а лишь улыбаюсь девушке линь, мол, как все здорово и отлично, дай бог каждому! После всего того дерьма, в которое мы с этим вот стариком недавно вляпались, прикидываться груздем было нетрудно, — пояснил Сумкин Громову, который слушал Федора самым внимательным образом. — Ты ведь ему не только про гору рассказал, старик? — проницательно уточнил Сумкин у Коти. Чижиков кивнул. — Так вот. Все, что он рассказал, — святая правда, Дюша! Я понимаю, понимаю, сам бы на твоем месте первый побежал вызывать санитаров из ближайшей дурки, и тем не менее!..

— Понятно, что вы оба малость психи, понятно, — хмыкнул Громов. — Но я скорее склонен верить, чем нет. А вот с Мао Цзэдуном…

— Это потому, что ты не дослушал мою исключительно

правдивую и совершенно душераздирающую, историю, — заверил его Сумкин. — Значится, так. В завершение девушка линь достает из своей няшечной сумочки плотный такой конвертик, протягивает мне и говорит: тут, господин Сумкин, ваши командировочные за неделю, извольте красиво расписаться в получении. Ну я что, я только рад! Я вообще люблю, когда мне дают деньги. Расписываюсь, и тут девушка линь сообщает, что сегодня и завтра у меня свободные дни, а послезавтра в девять от гостиницы на конференцию стартует автобус. Так что, говорит, вы отдыхайте, осматривайтесь и все прочее. И вот вам еще портфельчик со всякой литературой и информацией про конференцию, почитайте на досуге, выберите, какие мероприятия и экскурсии вам интересны. Я, конечно, сделал ей глаза на предмет вместе поужинать, но чисто на автопилоте, не включая своего неодолимого обаяния, так что няшечка моя сделала ручкой и была такова. А я конвертик-то открываю — и вижу там это! — постучал пальцем Сумкин по сотенной купюре. — И понимаю, что или я свихнулся, или…

— Или это не тот Китай, — закончил за него Котя и сам испугался.

— В каком смысле?! — вытаращил глаза Громов.

— В прямом, — от души затянулся сигаретою Сумкин. — Я в Китае не первый раз и вообще, да будет тебе, мой новый друг Дюша, известно, профессионально специализируюсь на данной стране, мне за ее изучение платят деньги. Смешные такие деньги, но это в данном случае не важно, а важно то, что я Китай немного знаю. Самую малость. — Для наглядности Сумкин свел почти вплотную большой и указательный пальцы. — Короче, иные столько не живут, сколько я знаю. И с высоты своей учености могу ответственно заявить, что после 1999 года на всех купюрах КНР изображали Мао Цзэ-дуна, а Дэн Сяо-пина на китайских деньгах никогда не было. Это раз, — загнул Сумкин палец. — Дальше. Поднявшись в свой уютный гостиничный номер, я, как истинный исследователь, матерый естествоиспытатель и знатный этнограф, прибег для изучения вопроса и подтверждения своих предположений к имеющемуся в моем распоряжении крайне узкому кругу источников. Ведь, в отличие от некоторых, я не располагаю удобным ноутбуком, который мог бы возить с собой и смело с его помощью входить в Интернет. Пришлось обратить взоры к содержимому портфельчика, выданного мне няшечкой линь, а также приникнуть к средствам массовой информации в лице гостиничного телевизора. Не буду утомлять ваш неподготовленный мозг подробным описанием проделанного мною исследования и примененных передовых научных методов,

а перейду непосредственно к выводам, к самому, так сказать, экстракту. Итак, мною категорически установлено, что в нынешнем — я подчеркиваю: в нынешнем! — Китае никогда не было никакой культурной революции[9], и это два, — загнул еще один палец Сумкин. — И наконец, здесь отношения между КНР и СССР никогда не портились[10], и это три. Все вместе взятое позволяет с большой долей достоверности утверждать, что мы с вами, старики, находимся в альтернативном Китае!

Эпизод 10
Путь наверх

Поднебесная, близ ручья Гуанъу, III век до н. э.

Лю Бан старался оценивать себя по достоинству. он знал, что не обладает нужными знаниями и талантами в полной мере и потому не может называться истинным стратегом, который одерживает на поле брани победу за победой. Человек из простой семьи, не очень уверенно владевший грамотой, Лю Бан обладал одним, но очень важным качеством: он хорошо разбирался в людях. он чувствовал потаенные движения людских сердец и знал, когда и кого следует привлечь на свою сторону. Это самая простая и очевидная причина, почему именно он прошел длинный и успешный путь наверх — от уездного смотрителя на службе империи Цинь до Хань-вана, владетельного князя удела Хань.

Иногда по ночам Лю Бан лежал на изголовье без сна, глядя пустыми глазами в потолок походного шатра, а перед его внутренним взором в это время вставал долгий и беспокойный, исполненный многих тягот и мытарств путь. Лю Бан вовсе не стремился уподобиться другим владетельным князьям, что едва вырвались из-под ига ненавистной Цинь, как тут же затеяли грызню за власть и величие. Их не смущали реки пролитой крови, вырезанные и обезлюдевшие села и сожженные города.

Лю Бан был не таков: начав с родного уезда, он и дальше старался действовать не столько мечом, сколько гуманностью и справедливым словом. Поступки Хань-вана располагали к нему население Поднебесной: окружив крупный город Юаньчэн тремя кольцами осады, Лю Бан не стал штурмовать его, тратя бесполезно силы, время и людей, но уговорил засевшего за стенами начальника города сдаться — пожаловал ему титул и земли, а помощников одарил владениями. Казавшееся неизбежным кровопролитие было предотвращено, а Хань-ван — тогда еще просто Пэй-гун — приобрел новых союзников.

Добрая слава неслась впереди Лю Бана — города и крепости открывали перед ним ворота без боя, присягали на верность; армия множилась, союзники прибывали. Лю Бан, не встречая сопротивления, дошел до столицы Циньской империи — города Сянъяна и взял его без штурма. Против ожиданий, не отдал

столицу на разграбление, жителей никак не утеснил, но напротив — повелел опечатать все склады и сокровищницы, дабы богатства, накопленные империей, не понесли урона. Тогда его и провозгласили Хань-ваном.

Хань-ван был окружен умудренными опытом полководцами и советниками, и спесивые владетельные князья в итоге оказались или разбиты, или же вынуждены перейти под владычество сильной руки. Лю Бан всегда знал, какой момент наиболее благоприятен для увещевания, а какой — для битвы, в которой войска возглавят талантливейшие военачальники, склонившиеся перед его прозорливостью, что среди соратников Хань-вана вошла в легенду.

И никто, кроме самого Лю Бана, не знал, что источник его прозорливости — маленький блестящий Дракон, неотступно дремавший за пазухой вознесшегося к вершинам власти бывшего уездного смотрителя.

Теперь у Лю Бана оставался в Поднебесной лишь один серьезный недруг — Сян Юй. Стоявший некогда над Лю Баном, он из сюзерена и союзника превратился в соперника и противника. Потомственный аристократ, представитель древнего чуского рода, безукоризненно воспитанный поэт, человек атлетического сложения и исключительной физической силы, блистательный воин, не знавший страха, и талантливый военачальник, Сян Юй властвовал над восточной частью Поднебесной и не раз наносил поражение войскам Лю Бана.

Сян Юй принял титул ба-вана, гегемона-правителя. Стал не обычный князь-ван, но князь набольший. Надменный и необузданный, он держал подвластные ему земли кровавой хваткой, а в пылу сражений не раз прибегал к наводившим свирепый ужас на врагов крайностям. Именно по приказу Сян Юя был казнен малолетний Эрши-хуанди — последний владыка Цинь, находившийся на троне всего сорок шесть дней. Сян Юй был жесток, он жил прошлым и не видел будущего. Но он был крайне силен и не проиграл еще ни одного сражения.

И вот армии ба-вана и Хань-вана сошлись в решающей схватке. Было это неподалеку от Инъяна. Не день и не два стояли войска друг напротив друга, не решаясь напасть первыми. Время шло, провиант заканчивался. Нужно было что-то предпринять. И тогда Сян Юй послал вызов Лю Бану.

Вверившись волшебному Дракону, Лю Бан узрел Сян Юя воочию, как и многих иных до него. Сян Юй — в блестящих латах, спокойный и высокомерный — садился на коня. Слуга с поклоном подал ему небольшой снаряженный арбалет. Полководец сокрыл оружие сзади, за доспехом, вытянул коня плетью и рванулся

вперед, а следом поспешил десяток воинов. До ручья Гуанъу, где договорились сойтись предводители соперничающих армий, было рукой подать.

Лю Бан, он же ныне Хань-ван, открыл глаза, убрал Дракона, встал. Пора. он знал, что в поединке с Сян Юем ему не выстоять. Лю Бан и не собирался воевать с Сян Юем путем оружия, но и уклониться от вызова без позора для себя тоже не мог. оставалось одно: путь слова. Слово — и сила Дракона. Ибо кто предупрежден, тот вооружен. — Коня! — крикнул Лю Бан, откинув полог шатра. — Время настало.

Ему подвели коня. Лю Бан прыгнул в седло. Поправил меч.

— Десять всадников, не больше, — велел он Ляну Большому.

— Но, Хань-ван… — начал было тот.

— Десять, — с нажимом повторил Лю Бан. — Вперед! он успел вовремя: Сян Юй как раз спешился и медленно спускался по склону ручья, осторожно пробуя дорогу. Заметив появившегося на противоположном берегу Лю Бана, Сян Юй остановился на месте.

— Сойдемся в честной схватке один на один! — зычно крикнул он. — И пусть само Небо решит судьбу Поднебесной! В ответ Лю Бан лишь улыбнулся.

— Небо уже решило вашу судьбу, самозваный ба-ван! Ваши преступления громоздятся горами, а неприкаянные души, стенающие подле брошенных вами без погребения костей, переполнили Поднебесную. Дни ваши сочтены. Не множьте злодеяний!

— О чем ты толкуешь?! — вскричал Сян Юй в гневе.

— Извольте, — кивнул спокойно Лю Бан. — Изначально была договоренность: кто первым войдет в пределы застав и усмирит срединные земли, тому ими и править. Но вы нарушили договор, и, хотя первым был я, вы воспользовались своим более высоким положением, отослав меня управлять захолустьем. Вот ваше первое преступление. Затем под ложным предлогом вы казнили первого военачальника Поднебесной. Помните? его имя было Сун И, он умер оклеветанным! Вы злонамеренно уничтожили его ради собственного возвышения. Вот ваше второе преступление. А что вы сделали, когда спасли от разорения владение князя Чжао? Разве вернулись и доложили о том? Нет, вы самовластно подчинили себе тамошние войска и с их помощью вторглись в иные земли, мечтая и их назвать своими тоже. Вот ваше третье преступление. А когда мы вошли в исконные земли Цинь, разве не было уговора, чтобы не наносить урона населению, не учинять жестокостей и грабежей? Но вы, Сян Юй, возомнивший себя ба-ваном, сожгли циньские дворцы, а богатства присвоили — и это

после того, как я, заботясь о народе, захватил Сянъян, опечатал склады и сокровища, а потом, полагаясь на ваше слово, оставил город! Вот ваше четвертое преступление. Потом вы самочинно, в тайне ото всех, послали людей предать смерти сдавшегося на мою милость последнего циньского владыку — вот ваше пятое преступление! А кто вероломно казнил двести тысяч молодых циньцев? Это ваше шестое преступление. Вы, Сян Юй, щедро пожаловали своих военачальников, одарив их лучшими землями, а прежних владетелей прогнали или переселили на дальние окраины, так что даже их подданные возмутились несправедливостью обиды и взялись за оружие, подняв мятеж против нашей власти. А из-за кого, как не из-за вас, Сян Юй? В том ваше седьмое преступление. Восьмое ваше преступление состоит в том, что вы думаете только о себе и мечтаете о единоличной власти надо всею Поднебесной, проливая ради того реки крови. Бесчеловечность, подлый обман, жестокий оговор, предательские умыслы — не вы ли самочинно и лживо объявили, будто само Небо вложило власть над срединными землями вам в руки? И это ваше девятое преступление! Лю Бан перевел дух. Во рту от столь длинной речи иссякла слюна. Сян Юй молча смотрел на Хань-вана, и в глазах его плясало бешенство.

— Вы, Сян Юй, предали и убили своего господина, вы предали лютой казни сдавшихся на вашу милость воинов, вы вероломно нарушали договоры, и это ваше последнее преступление, — продолжил Лю Бан. — Я во главе примкнувшего ко мне народа и вместе с моими воинами последовал за владетельными князьями, дабы искоренить зло в Поднебесной и восстановить справедливость. Вы же, чьи преступления неисчислимы, ныне предлагаете мне сойтись в честной схватке. Зачем, скажите, мне марать руки, когда самый последний воин из моего войска вскоре сможет плюнуть на вашу могилу? окончательно выведенный из себя, Сян Юй возопил что-то невнятное, потрясая в злобе кулаками. Потом выхватил припрятанный арбалет и выстрелил в Лю Бана, почти не целясь. хвала Дракону, Хань-ван был осведомлен о такой возможности заранее и, чутко приглядывая за противником в течение долгой обвинительной речи, сумел вовремя уклониться: стрела, пущенная опытной рукой, попала не в сердце, но в плечо.

— Вот вы в очередной раз и показали истинный свой облик, самозваный ба-ван Сян Юй! — воскликнул пошатнувшийся было Лю Бан. Сопровождающие его воины во главе с Ляном Большим спешно окружили повелителя, прикрыли щитами. — Это ваше одиннадцатое преступление!.. Лю Бан с трудом доскакал до шатра.

— Лекаря Хань-вану! — велел было Лян Большой, но Лю Бан остановил его.

— Стрела короткая, ее почти не видно. Нужно пройтись по лагерю, ободрить воинов. Пусть видят, что Хань-ван жив, здоров и бодр. Пусть то же самое увидят лазутчики подлого Сян Юя, — сказал Лю Бан, морщась от боли. — Набрось мне на плечи еще один халат, дабы никто не углядел крови… То, что содеял ныне Сян Юй, станет началом его конца. Вот увидишь, пройдет короткое время, и Сян Юй запросит меня о мире.

— Не может быть между нами мира! — топнул ногой Лян Большой, и глаза его гневно сверкнули. Тут же бывший разбойник опомнился и склонился в поклоне. — Нижайше прошу Хань-вана простить мне мою горячность.

— Отчего же не может, — превозмогая боль, слабо улыбнулся Лю Бан. — Между нами непременно будет мир. Мы поделим Поднебесную на две части, но после недолгой передышки война вспыхнет сызнова. Ибо нет в Поднебесной места столь коварному и кровавому злодею! Небо не допустит… Теперь пойдем к войскам, мой боевой друг…

Эпизод 11
Мы знаем, что ничего не знаем

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Иногда Шпунтику надоедало повторять в который раз одно и то же. Например, терпеливо объяснять хозяину, что форточки должны быть постоянно открыты (кроме зимы, конечно), а окна, если форточки недоступны, — приоткрыты. Казалось бы, что тут сложного? Простые же вещи! если на новом месте форточки отсутствуют как класс, иди и приоткрой коту окно! В конце концов, Шпунтик вовсе не просил привозить его сюда, в этот город…

Вот уже целых полчаса кот выразительно сидит у окна, а никто так и не почесался отодвинуть металлическую сетку, закрывающую ему путь к свободе.

И сколько прикажете ждать еще?

Шпунтик поднял лапу, выпустил когти и вцепился в сетку. А потом основательно ее потряс. Вышло здорово: раздался противный металлический лязг. И трое, что размахивали у стола руками и то и дело перебивали друг друга, враз замолчали, огляделись, а потом наконец снизошли до кота и его простых потребностей.

Хозяин встал со стула.

— Надо открыть.

— А не упадет? — спросил огромный. — Девятый этаж как никак.

— У кошки девять жизней, — прокомментировал очкастый. — По одной на этаж. Я еще угощусь, можно? — спросил он, сцапав пакет с Дюшиным табаком. — Где такой берешь? — В соседней лавке покупаю…

Почувствовав, что люди, по своему дурацкому обычаю, начали отвлекаться от главного, Шпунтик потряс сетку еще разок. — Сейчас… — хозяин аккуратно отцепил лапу Шпунтика и, чуть повозившись с запором, отодвинул сетку. — Иди, кот. Только не свались. Договорились?

Показательно проигнорировав глупое напутствие, Шпунтик с любопытством ступил на карниз. Глянул вниз: высоко живем! Но какой же дурак туда прыгать-то будет? Разве что Тишка, да и тот вряд ли… Даже Тишка пойдет по карнизу, а уж Шпунтик тем

более. Для начала направо. Надо изучить местность, произвести рекогносцировку, составить стратегический план…

Кот, обдуваемый теплым ветерком, медленно шествовал по карнизу — широкому, удобному, ровному, не то что кривые и косые, окованные скользкой жестью карнизы дома на Моховой. Там лишь бы пройти и не навернуться, а здесь — где устал, там и ложись. Можно даже поспать.

Шпунтик прошел мимо окна, открывавшегося в спальню хозяина. Там ничего интересного не просматривалось. Дальше окна шли чередой — до самого угла, одно за другим, и все были закрыты сетками.

Интересно, а как же здесь на крышу-то выходят? И есть ли здесь вообще такие, которые могут на крышу?.. Потому что пока ни одной метки территориальной принадлежности Шпунтик не унюхал. Может, тут вообще нет котов?..

Шпунтик мог бы вскарабкаться на крышу и по водосточной трубе — плевое дело! — да только ни одной трубы поблизости не наблюдалось. Возможно, надо просто свернуть за угол, и все будет, решил кот. И, наслаждаясь ветерком, неспешно пошел дальше.

Стоп. А это еще что?!

Из-за угла вывернула и решительно прямо на Шпунтика поперла… дура-мышь! Была она широкая, рыжая, волосатая, очень мордатая и без хвоста. Перла мышь, словно маленький танк. Переваливаясь с боку на бок, растопырив бледные уши и взволнованно шевеля носом, украшенным развесистыми усами, она неуклонно надвигалась на кота, совершенно его не замечая.

Шпунтик замер в восхищении: какие все-таки мыши красивые и разнообразные! Прыгнуть, что ли?..

Тут дура-мышь Шпунтика наконец углядела. Глаза ее сделались очень большие, круглые от ужаса. Дура-мышь коротко пискнула.

Шпунтик, будь он на ее месте, попробовал бы поскорее ретироваться назад, за угол, подальше от вероятного противника. Дура-мышь навыками движения задом, очевидным образом, не владела, а оттого засуетилась, заскребла, затрясла щекастой башкой, неуклюже разворачиваясь и бессмысленно дергая пухлой задницей, на которой обнаружился куцый хвостик. Поворот ей почти удался, но… в последний момент башка перевесила, и дура-мышь, отчаянно заверещав, начала медленно съезжать в пропасть, тщетно пытаясь затормозить задними лапками.

Шпунтик прыгнул.

И успел ухватить дуру-мышь за откормленную задницу. Мягко придержал, не выпуская когтей. Притиснутая к стене дура-

мышь заверещала еще пуще, силясь вырваться на свободу из-под гнетущей Шпунтиковой длани.

Какое неразумное существо! А не лучше ли его отпустить? Пусть летит вниз, раз не знает благодарности…

Шпунтик некоторое время смотрел, как дура-мышь пытается покончить жизнь самоубийством, а потом нагнулся и аккуратно прихватил ее зубами. Дура-мышь испустила пронзительный вопль и обмякла, враз отяжелев. Видимо, упала в обморок.

Шпунтик есть не хотел. Может, хозяин хочет и на этот раз не побрезгует добычей, что подвернулась коту на жизненном пути? Вон какая мышь сочная, толстомясая!..

И кот с дурой-мышью в зубах потрусил по карнизу обратно.

* * *

— И впрямь… — задумчиво протянул Котя. — Я тоже заметил, Федор Михайлович… Нет, на Мао Цзэ-дуна я внимания не обратил, каюсь, но было и другое. Вот Дюша, к примеру, — указал он на Громова.

— А что Дюша? — насупился тот. — Дюшу на деньгах не рисуют. Пока, по крайней мере.

— Я не про деньги, — успокоил его Чижиков. — Тот Дюша, которого я помню, курил мало и редко. А этот Дюша смолит одну за другой, да не абы что, а самокрутки!

— Да я давно уже… — начал было Громов. — А ну, отдай! С последними словами он отнял табак у Сумкина, который успел накрутить с десяток сигарет и хозяйственно прибрал их в карман, не собираясь, впрочем, останавливаться на достигнутом.

— Правильно, — кивнул Котя. — С твоей точки зрения, ты как курил, так и куришь. Потому что ты существовал и существуешь в этом мире, а мы с Федором до определенного этапа существовали в другом, и там ты куришь мало. Потом что-то произошло, и в результате мы прилетели в немного другой Китай, где живет немного другой Громов. Такой же, но одновременно чуть-чуть не такой.

— Логично мыслишь, старик, — согласился Сумкин. — Вообще я заметил, что в результате наших совместных приключений и благостного воздействия моего изощренного ума ты стал гораздо более башковитым, хотя сбои мышления и логики еще случаются, да, но…

— Но куда важнее то, что у меня в этом Китае есть двойник, — не обращая внимания на привычные подколки друга, брякнул Котя.

— Это… — Сумкин поперхнулся дымом и надсадно закашлял. — Тьфу, черт!.. В каком смысле двойник?

— В том смысле, что, по сведениям местных пограничников, я уже пересек границу неделю назад, успел связаться с российским посольством и попросить посольских выяснить некоторые детали пребывания моего деда в Китае. И даже напросился на какой-то прием сегодня вечером, — добил друга Котя. — Пограничники показывали мне паспорт, Федор, — видя, как тот ошалело вертит башкой, милостиво добавил Чижиков. — И там была запечатлена моя героическая физиономия. А еще вчера мы с Дюшей два раза встречались с посольскими, и один мне доложился, что никаких подробностей про деда пока что не нашел, а второй напомнил про прием и сказал, что в шесть часов вечера пришлет за мной машину. Дюша свидетель.

— Опа… — Сумкин как следует затянулся. — опа-а-а…

— Интересно, кстати, куда он пришлет машину, — заметил Громов. — Потому что я своего адреса ему не давал.

— Тоже вопрос! И Чижиков налил себе чая.

— Ну вы, старики, даете… — растерянно подергал себя за ухо Сумкин. — Вас на минуту нельзя оставить одних.

— И не говори! — Котя отхлебнул из чашки. — Но одна деталь должна тебя позабавить как следует.

— Ты думаешь, после того что ты мне только что сообщил, меня еще можно чем-то позабавить? — рассеянно спросил Сумкин. он думал. — Да ты просто светоч оптимизма, старик…

— Советника Гао помнишь?

— Ну… в общих чертах. Неприятный господин. Нервный.

— Так вот. Представь себе дивный лик советника Гао, но подстриги его на европейский манер, пробор слева, одень в пиджачную пару, белую рубашку с галстуком, спрысни хорошим одеколоном… Представил?

— Ну типа того, — закивал Сумкин. — Ты же знаешь, у меня богатое воображение! А дальше-то что?

— А то, что получится советник российского посольства по фамилии Высоков.

— Владимир Федорович, — добавил Дюша. — А кто такой советник Гао?

— Погоди, — не очень вежливо, но решительно отмахнулся от него Сумкин. Громов подумал и решил пока не обижаться. — То есть ты хочешь сказать, что древнекитайский советник Гао последовал за нами из третьего века до нашей эры в современный альтернативный Китай и служит теперь в посольстве на аналогичной должности?

— Вот уж не знаю, — помотал головой Котя. — Я тебе

излагаю факты, а про то, последовал Гао за нами или нет, я ничего сказать не могу. Но, учитывая наличие моего двойника, смею предположить, что Высоков — тоже двойник. Например, советника Гао.

— Знаешь, в чем ирония, старик? — ухмыльнулся Сумкин. — Да в том, что «гао» по-китайски — «высокий». Чуешь? Высокий = Высоков… Ты, — повернулся он к Дюше, — а что ты можешь про этого Высокова рассказать? Ну не сердись, не сердись! Потом дашь мне в лоб, а пока помоги чем можешь. Сами мы не местные. Видишь, в какой мы с этим стариком заднице оказались…

— Я бы хотел сначала понять… — Дюша кашлянул, испытующе переводя взгляд с Чижикова на Сумкина. — хотел бы уяснить… Черт, так это все правда — что мне Костя рассказывал?! Про третий век до нашей эры и прочие дела?!

— Правда, правда, — утомленно подтвердил Сумкин. — Свидетельствую как непосредственный участник событий. Даже раненный злодейской стрелой в ногу и окропивший своей горячей молодою кровью историческую китайскую землю. Не надо на меня так смотреть! Я не свихнулся. Я — нормальный. он, — великий китаевед указал пальцем на Чижикова, — тоже не свихнулся. он — тоже нормальный. Конечно, если бы он читал побольше книжек и почаще прислушивался к авторитетному мнению старших…

— Замолчи, — веско попросил Дюша, и Сумкин сразу заткнулся. — Дай переварить информацию.

— Переваривай, — пожал плечами Сумкин. — Старик, ну-ка глянь: там твой кот кого-то поймал, кажется. Не схарчил бы чью-то домашнюю скотинку! А то привлекут за ущерб, а оно нам надо?..

— Шпунтик, фу-фу-фу! — кинулся Чижиков к восседающему в оконном проеме коту. — Что это у тебя?.. хомяк какой-то… Ну и морда у него, поперек себя шире!

— Э-э-э! — вскричал Громов, тоже устремляясь к окну. — Э! Да это Кьюха! Слышь, котейко, отдай Кьюху, — и Дюша требовательно протянул Шпунтику лопатообразную ладонь. — Кьюху есть нельзя.

— Кьюху? — заинтересованно вклинился в разговор Сумкин. Все трое, казалось, были рады нежданной паузе в разговоре.

— И точно: хомяк! Ай, молодец, ай, охотник! Шпунтик с недоумением смотрел на собравшихся перед ним людей. Так «фу-фу-фу» или «ай, молодец, ай, охотник»? отпустить? А если сбежит? Это ж дура-мышь, у нее мозгов лягуха наквакала.

— Котя, скажи своему коту, чтобы отпустил Кьюху, немедленно! — попросил Дюша, все так же требовательно

удерживая ладонь под хомяком. хомяк свисал из Шпунтиковой пасти совершенно неподвижно, изображая совсем мертвого и совсем холодного, аж трогать противно, лишь усы едва заметно подрагивали.

— Шпунь, послушай… — обратился к Шпунтику Чижиков. — Немедленно плюнь бяку. Не бойся, Дюша ее поймает. Кот внимательно посмотрел на хозяина: ты уверен? Потом разжал зубы. хомяк плюхнулся на Дюшину ладонь, мгновенно ожил и принялся старательно обнюхивать новое пространство.

— Кьюха, — нежно улыбнулся хомяку Громов. — опять сбежал, скотина? Куда! — придержал он враз пошустревшего хомяка.

— А почему Кьюха? — поинтересовался Сумкин, разглядывая животинку.

— Кьюха — хомяк моей соседки. ее зовут Чэнь Вэй, а этого парня, — Дюша слегка подбросил хомяка на ладони, — она назвала Сяо-кью. «Сяо» понятно, это «маленький», «малыш», а «кью» — английская буква «Q». Потому что хомяк такой же круглый и с таким же маленьким хвостиком. Ну а я зову его Кьюхой.

— Глобализация в действии… — усмехнулся Сумкин. — И что нам с этим парнем теперь делать?

— Да ничего. — Громов зажал хомяка в кулаке. Снаружи остался лишь любопытный нос. — Сейчас посажу в какую-нибудь банку, а Чэнь вернется с работы и заберет.

— А как она узнает, что Кьюха здесь?

— Чэнь не узнает, что он здесь. Но зато мы сразу услышим, что Чэнь узнала, что он сбежал, — доступно объяснил Дюша. — Чэнь очень громко заорет. Кьюха ведь постоянно от Чэнь намыливается в побег. То ли характер у Кьюхи такой, что его на путешествия тянет, то ли Чэнь любит его не в меру, и он от ее любви спасается… Вишь, какой жирный! Кьюха регулярно от Чэнь подрывается. Затырит под завязку семок в защечные мешки — и в путь. Я его уже четвертый раз отлавливаю. По поводу того, кто отловил хомяка на этот раз, Шпунтик мог бы возразить, но глубокомысленно промолчал и вышел через окно на карниз.

— Так о чем мы? — спросил Сумкин, когда все вернулись за стол. Посреди стояла стеклянная банка, в которой сидел толстый Кьюха. хомяк мгновенно обжился: присел на дно, куда Громов бросил пару кусков мятой газеты, добыл семечек из защечного мешка и теперь удовлетворенно грыз одну за другой, не забывая принюхиваться к окружающей обстановке. — Дюша, так ты можешь нам о Высокове что интересное поведать?

— Интересное? Вряд ли… — Громов скрутил сигаретку. — Я

и не знаю его почти. Так, видел пару раз, имя-фамилию запомнил… Я ведь кто? Скромный торговец чаем, в посольство не вхож.

— Итак, мы знаем, что ничего не знаем, — подытожил Сумкин. — По крайней мере, про Высокова-Гао, или как там его на самом деле… Или их. Но главная печаль в другом: мы с ним, — кивнул Сумкин на Чижикова, — попали немного не по адресу. если верить всему тому, что нам сказала Ника, то получается, что злые ребята из будущего не успокоились и все-таки подправили ход истории. Только зашли не от корней, то есть не со стороны Цинь Ши-хуана, но пропололи исторические грядочки попозже. Это все ненаучные фантазии, но другого объяснения я пока не вижу. Предупреждая возможные вопросы с мест, уточняю: то, что вмешательство в ход истории случилось много позже, проистекает из обстановки вокруг нас — Пекин расположен на своем месте и населен китайцами, которые говорят на языке, привычном и понятном мне безо всяких девайсов из будущего… — Сумкин вынул из кармана и положил на стол перед собою универсальный амулет-переводчик. — Странности начинаются на уровне новейшей истории, место Мао Цзэ-дуна в которой, а также на деньгах занял Дэн Сяо-пин. Далее: тут бродит как минимум один двойник, а именно твой, — укоризненно ткнул сигаретой в сторону Чижикова великий китаевед, — и не абы с чем, но с целью разузнать что-то о твоем покойном дедушке. Я понятия не имею, зачем злым понадобился твой дедушка, тем более что дедушки нет среди живых, но что своих целей злые не достигли, или достигли не до конца, или достигли не так, как им мнилось, — могу дать голову на отсечение!

Громов крякнул, вцепился в бороду.

— Мужики, это ж дурдом какой-то…

— А то! — развеселился Сумкин. — И мне еще завтра на конференцию надо, доклад делать. Стою вторым в расписании секции, аккурат после обеда. Конференция-то, между прочим, должна была лишь через неделю начаться. Нормально, да? А, Дюша?

Чижиков вдруг ясно увидел, что теперь ему своим умом не обойтись. Придется положиться на коллективный разум. Потому что в историю эту оказалось вовлечено уже слишком много людей. И двое из них — хороших и надежных — сейчас сидят с ним за одним столом, и каждый по-своему переживает происходящее: Сумкин — с присущим ему насмешливым скептицизмом, Громов — гудит от напряжения, не зная еще, как уложить в голове все то, что ему рассказали. Коте оставалось

одно: не посвящать их по возможности в тайну предметов и зеркала. Чижиков по-прежнему чувствовал, что этого делать нельзя. А остальное… отчего бы не показать?

— Кстати, о вмешательстве в историю… — Решившись, он встал и шагнул в сторону спальни. — Секунду! Вернулся с ноутбуком, отодвинул в сторонку Кьюхину банку (хомяк взволнованно обронил семечку и грозно обнажил могучие верхние резцы: а вот не замай еду!) и поставил компьютер в центр стола.

— Федор Михайлович, ты помнишь, я в самолете флэшку нашел?

— Ну помню, — подтвердил Сумкин.

— Ты еще посоветовал мне ее потом в комп вставить и посмотреть…

— Было. Помню.

— Так я и вставил. И посмотрел. И вы посмотрите, — с этими словами Чижиков запустил единственный бывший на флэшке файл. Котя уже знал, что они увидят. Сам он видел это три раза: вчера, вернувшись пьяным, и сегодня утром, на трезвую голову. А также — во сне.

Только если во сне — хмельном и неверном — картинка была смазанной, ускользающей, то теперь на экране возникло четкое цветное изображение. Съемка, видимо, велась с помощью некоего компактного устройства, свободно перемещающегося в воздухе — на манер маленькой летающей видеокамеры, частого гостя фантастических фильмов и сериалов.

Звука не было.

Камера влетела в громадный зал, наполненный непонятными устройствами, соединенными между собой мягко светящимися оптическими кабелями или чем-то вроде того. У немногочисленных пультов управления стоят люди — в непривычных светлых комбинезонах, плотно облегающих их стройные тела, облитые лучами заходящего солнца, что свободно проникают через высокий стеклянный купол. Взяв короткую панораму зала, камера устремилась в центр помещения, к вертикально поставленному саркофагу — именно здесь сходились многочисленные кабели.

Пошел крупный план: в саркофаге застыла Ника, в таком же, как и все прочие, блескучем комбинезоне. Глаза Ники закрыты, лицо — спокойное, ровное, бледное. Два светящихся кабеля подведены к затылку, из виска торчит устройство, по виду напоминающее антенну.

Внезапно над саркофагом загорается красная панель, камера резко сдает назад — и становятся видны люди, что отовсюду

спешат к Нике… и медленно истаивают в воздухе.

Камера застыла, словно ею перестали управлять. Две или три секунды была видна только Ника, но вот и ее фигурка тоже пропала из виду.

Когда Ника исчезла, стал меняться и саркофаг: его закругленные формы сменились угловатыми выступами, а на тех вспучились мигающие светоидами блоки — словно наросты на стволе дерева. Небрежно спутанные провода обвисли, и в кадр шагнул человек в черной хламиде, которая, казалось, пожирает солнечный свет. лицо его, надменное и жестокое, приблизилось к камере вплотную, секунду смотрело прямо в глаза зрителям, а потом изображение исчезло.

— Это что за Стивен Спилберг пополам с Ромеро?! — оторопело пробормотал Сумкин. — Дюша, дай закурить!

— Ничего не понял… — выдавил Громов и протянул Сумкину пачку с табаком. — Брат, что это сейчас было?

— Откуда мне знать, — пожал плечами Чижиков. — Я ведь это при тебе в самолете нашел, Федор Михайлович! Но я думаю… это своеобразное послание от Ники. Из ее будущего.

— А! В этом смысле! — оживился великий китаевед, прикуривая. — она же говорила, что в будущем никого не осталось. Одни злые, да? Такие, как этот, с лицом не допившего крови Дракулы? Котя еще раз пожал плечами.

— Постой, старик, постой! — спохватился Сумкин, обсыпавшись пеплом. — Но ведь Ника-то осталась! Пусть одна, и больше никого, но осталась! И потом, мы же изменили будущее, спасли мир. Так ведь, старик?

— Наверное, — без особой уверенности согласился Котя.

— И почему же тогда она исчезает?!

— Да не знаю я! — не выдержал Чижиков. Коллективный разум явно топтался на месте, и Котя не видел выхода, не знал, куда двигаться дальше. — Понятия не имею! Федор, я уже вообще ничего не понимаю: сначала прошлое, этот безумный квест, советник Гао с маниакальной идеей всех нас перерезать, потом не тот Пекин, двойники какие-то, Высоков, как две капли похожий на Гао… А теперь еще это кино… — Котя щелкнул ногтем по ноутбуку. — Я совершенно запутался. хомяк Кьюха, зажав в лапках недогрызенную семечку, замер столбиком, глядя на Чижикова, одни усы подрагивают.

— Мужики… — Дюша почесал в затылке. — Я, конечно, от всего этого далек, но у меня вопрос: если ваша Ника исчезла и никого не осталось, то тогда кто тебе, брат, флэшку-то подкинул? ответ, на самом деле, очень простой: значит, погибли не все. Кто-то остался. И он заинтересован в помощи. логично?

— Логично, — с энтузиазмом подхватил Сумкин. — Пошли дальше. Что у нас еще не вяжется?

— Да все у нас не вяжется! — отмахнулся Котя.

— Нет, погоди, старик! — Сумкин погрозил ему пальцем. — Мой пытливый мозг нащупал еще одну золотую жилу для размышлений, и за это ты меня сегодня накормишь вкусным питательным ужином. Тема такая: твой двойник и чего он хочет. А хочет он… Великий китаевед сделал многозначительную паузу, всем видом предлагая Чижикову продолжить за него.

— Ему нужны сведения о моем деде, — неохотно продолжил Котя.

— Пра-а-авильно! И вот это не вяжется больше остального. Потому что мы знаем, что, во-первых, твой дедушка после возвращения из Китая больше в Поднебесной не бывал, а во-вторых, что твой многоуважаемый дедушка, извини, но — умер.

— Ы-то, — согласился с Сумкиным Громов. — Чего же тогда надо этому… Чижикову номер два?

— А может, в этой реальности твой дедушка очень даже жив, старик! — вдруг предположил великий китаевед. — В этом и заключается интересный парадокс, который мешает неким силам и который они намерены устранить! — Сумкин нахмурился. — Только я-то тут при чем? Я-то во всем этом с какого бока?!

— Дело в том… — Чижиков решился. Ничего другого ему, кажется, не оставалось. В конце концов, он с детства и, кстати, при самом активном участии деда усвоил простую истину: правда всегда лучше лжи. Правду говорить легко и приятно. — Дело в том, Федор, что у меня еще в Петербурге были достаточные основания считать, что мой дед не умер.

— Опа!.. — У Сумкина отвалилась челюсть. И тут в дверь позвонили: «Ку-ку, ку-ку». хомяк запрыгал в банке. В окно заглянул Шпунтик.

— Ты ждешь кого? — почему-то шепотом спросил Котя Громова.

— Нет, — так же тихо ответил Дюша.

— Может, это за хомяком?

— Вряд ли. Сначала мы бы услышали трагический крик. Сумкин сграбастал со стола банку с мгновенно оживившимся Кьюхой и, угрожающе подняв ее над головой, на цыпочках пошел к двери. хомяк заметался по банке, засучил лапками, затряс башкой.

— Да ну!.. — Громов быстро догнал Сумкина, отобрал банку, поставил на подоконник, а вместо банки вложил в руки великому китаеведу синюю пластмассовую лыжную палку, добытую из груды вещей в углу. — Будешь прикрывать с тыла. Только нас не

убей… — шепнул он великому китаеведу. Сумкин кивнул и перехватил палку на манер копья. Занял агрессивную позицию у шкафа.

— Кто там? — спросил Громов.

— Алексей Борн, — послышался из-за двери знакомый голос.

— Ты что, дал ему адрес? — прошептал Чижиков.

— Не-а, — упрямо выпятил нижнюю губу Громов. — он и не спрашивал.

— Ну, что ли, открывай?.. — сказал Котя и махнул рукой Сумкину: опусти, мол, копье. Дюша открыл дверь.

— Добрый день, — вежливо протянул Борну руку Громову и обезоруживающе улыбнулся. — Добрый день, — пожал руку Чижикову. огляделся. — хорошо устроились, просторно. Два балкона, наверное? Добрый день, Федор Михайлович! — с распростертыми объятиями устремился он к Сумкину, как раз прислонившему лыжную палку к стене.

— А… откуда вы меня знаете? — вытаращился на него великий китаевед, машинально отвечая на пожатие. — Вы кто вообще будете?

— Да не знаю я вас вовсе, что вы! Первый раз вижу! — рассмеялся Борн и свободной рукой изо всех сил врезал Сумкину в челюсть.

Эпизод 12
Лишняя деталь

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Первым среагировал Громов. Вторым — Шпунтик.

Несмотря на размеры и вес, Дюша при необходимости умел двигаться очень быстро — все же сказывалось многолетнее спортивное прошлое. Громов скользнул к Борну, одной ручищей перехватывая его у пояса, а второй фиксируя занесенный кулак, слегка крутанул, провел красивую подножку — и Борн со всего маха полетел в груду барахла, а Громов, слегка расставив руки на уровне груди и чуть пригнувшись, уже шел на него. Борн, однако же, в барахле отнюдь не запутался — отскочил как мячик, пропустил над собой внушительный Дюшин кулак, легко блокировал второй, в воздухе мелькнула нога… Не ожидавший столь стремительной реакции Дюша не успевал поставить блок, но тут от окна метнулась еле видимая глазу серая молния и с душераздирающим воплем впилась в ногу Борна. Борн охнул, потерял равновесие и почти упал — невероятным образом выровнялся у самого пола, застыл на корточках. Дюша кровожадно гукнул, сделал шаг вперед, но застыл — перед ним напротив Борна материализовался Шпунтик. Кот был страшен: он испускал низкий утробный вой, шерсть стояла дыбом, клыки оскалены, уши прижаты, толстый как полено хвост бил Шпунтика по заду, лапы сведены в пружину для прыжка. На мгновение кот заткнулся — но лишь для того, чтобы устрашающе зашипеть. И завыл опять.

Так они пару секунд и стояли: Борн на корточках, в диковинной оборонительной стойке, напрягшийся Шпунтик, следящий за каждым его движением, и за спиной Шпунтика — Громов, второй эшелон осады.

Опомнившийся Чижиков бросился к валяющемуся у стены бессознательному Сумкину.

— Спокойно… — напряженно улыбнулся Борн и выставил вперед открытые ладони. — Мир… Мир… — он медленно, осторожно выпрямился, глядя только на Шпунтика. Похоже, Дюшу всерьез Борн не воспринимал.

— Что с Федором? — не сводя глаз с загнанного в угол Борна, бросил через плечо Громов, сжимая пудовые кулаки.

— Нокаут, — констатировал стоявший на коленях рядом с недвижным великим китаистом Котя. — Эта сволочь его вырубила. Эй, Федор Михайлович! Как ты в целом? — Чижиков осторожно похлопал Сумкина по щеке. Подобрал его очки: не разбились. — Что делать-то? — спросил Котя Громова.

— Посмотри, у него нигде из головы кровь не течет? Мог о стенку приложиться… Нет? Уже хлеб. Пульс есть? Значит, жить будет. На кухню сбегай, полотенце принеси, воды, — все так же через плечо посоветовал Дюша. — Надо сначала с этим вот фруктом разобраться… Да замолчи ты, котейко! Не шуми. Мы будем мочить его молча.

— Я могу еще пригодиться. Не надо меня мочить, — попросил Борн, не двигаясь и внимательно следя за Шпунтиком. Штанина на правой его ноге была разодрана и в крови.

— А что ж тебе за это, талоны на усиленное питание?! Я человек, как правило, мирный, — сообщил ему Громов. — Но тут ты конкретно накосячил. Придется ответить по полной.

— С удовольствием, — согласился Борн. — Можешь даже меня ударить. Только… что вы сделали с котом?

— Витаминами подкололи, — бросил Чижиков, вернувшийся из кухни с полотенцем. — Шпунтик, фас!

Шпунтик в ответ яростно оскалился и сделал в сторону Борна небольшой шажок. Кот явно не собирался останавливаться на достигнутом.

— А-а-а… — тихо, жалобно простонал Сумкин.

— Не хочу я тебя бить, — с отвращением бросил Громов Борну, опуская руки. — Тебя кот и один уделает. Нелепый ты какой-то, леша. С виду очень умный, рассуждаешь красиво, ногами здорово машешь, а — дурак. Тебя учить бесполезно. — Дюша презрительно скривился. — Видал я таких: вы же всегда самые умные! А ну, пошел вон из моего дома!!! — вдруг рявкнул Громов. — Выметайся, я сказал! Котейко, пропусти товарища на выход.

— И вам совсем не интересно, почему я так поступил? — спросил Борн, медленно отступая вдоль стенки и не делая ни одного лишнего движения. Шпунтик, ярясь и шипя, так же медленно следовал за ним, стлался по полу, готовый в любой момент взвиться в прыжке. — Я бы мог объяснить… — предложил он, спиной вперед шагнув к входной двери.

— Кость, а Кость, нам ведь не интересно? — спросил Чижикова Дюша.

— Совершенно, — подтвердил Котя, помогая Сумкину сесть и опереться спиной о стену. Вид у великого китаеведа был жалкий. Чижиков весь кипел. — Вот гад! Предназначение у него! Каждый

делает свой выбор! А если выбор неправильный, то приходят нужным образом обученные люди и помогают сделать правильный! Дают в морду, бросают на голову кирпич, давят автомобилем… Что там у тебя еще в запасе из средств воздействия, хранитель?! — крикнул Чижиков Борну. — Набор хирургических инструментов для извлечения истины? Вопрос риторический, — добавил он, видя, что Борн хочет ответить. — однажды я тебя выслушал. Больше не хочу.

— Проваливай, — велел Громов.

— Константин, ты все понял неправильно… — начал было Борн, нашаривая за спиной замок. Раздался щелчок. — Я мог бы попробовать объяснить…

Тут Шпунтик метнулся к нему — Борн в мгновение ока вылетел на лестницу, захлопнул дверь, и кот, выпустив когти, затормозил от нее в паре сантиметров.

— Чтобы я тебя больше не видел! — крикнул через дверь Громов. — С лестницы спущу! он проверил замок и вернулся в гостиную.

— Может, мы зря его отпустили? — взглянул на Дюшу Чижиков. — Может, надо было привязать его к стулу и допросить с пристрастием? Вот Сумкин у нас крутой специалист по пыткам…

— Ха-ха… — простонал великий китаевед и открыл правый глаз.

— Не… — мотнул головой Громов и присел рядом на корточки. — Ты извини, брат… — смущенно прогудел он. — Но я это… гм… словом, не справился бы я с этим твоим Борном.

— Да ты что! — изумился Котя. Мысль о том, что могучий Дюша может с кем-то не справиться, просто не приходила ему в голову. Сумкин открыл левый глаз и уставился на Громова с не меньшим удивлением.

— Точно… — повесил голову Дюша. — Я же вижу… опыт есть. Привык оценивать противника адекватно, — Громов смущенно потер предплечье. — Бьет он здорово. Дойди до серьезной драки — он бы меня уделал.

— Вот черт… Вот черт… — только и смог вымолвить Чижиков.

— Котейко молодец, — сказал Громов. — Котейко твой крепко напугал этого парня.

— Да они уже встречались в Петербурге, — покосился Чижиков на Шпунтика: кот занял позицию рядом с банкой с Кьюхой и нервно вылизывался. хомяк как ни в чем не бывало грыз семечку. — И даже подружились. «Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц ночью набредши и гибель замысля,

бросается быстрый, — так на фракийских мужей Диомед бросался могучий», — погладив Шпунтика, процитировал «Илиаду» Котя. — лев ты мой могучий…

— Ну и друзья у вас… — простонал Сумкин.

— Не у нас, а у Кости и Шпунтика, — тут же открестился от Борна Громов. — Мне этот тип сразу не понравился. Скользкий какой-то, фальшивый. Не понимаю, что ты в нем нашел, брат.

Чижиков подумал, что хотя он толком и не знает Борна, а обстоятельства их встречи были, мягко говоря, волнующие, Алексей тем не менее не произвел на него того же впечатления, что на Дюшу: Котя не считал Борна ни скользким, ни фальшивым. Напротив, в трагический вечер после драки в подворотне Чижиков чувствовал себя в присутствии Борна более уверенно, защищенно, и разговаривали они вполне откровенно. Чижиков тогда многое узнал. Теперь Котя уже не был столь уверен в правильности первого своего впечатления. Но — фальшивый, скользкий? Гм. Чижикову внезапно пришло в голову, что, быть может, в распоряжении Борна находится еще какая-нибудь таинственная серебристая фигурка, позволяющая ему влиять на окружающих в своих интересах — например, нравиться им, внушать доверие… Ведь Борн признался, что обладает несколькими предметами!

— Как самочувствие? — спросил Котя Сумкина.

— Как-как… Голова кружится. Все плывет… ой, больно! — вскрикнул великий китаевед, когда Чижиков мокрым полотенцем дотронулся до его челюсти. — Погоди-ка… Сумкин, морщась, полез в рот пальцами. Некоторое время ковырялся там, потом вытаращил глаза. Что-то ощутимо хрустнуло, и Федор сдавленно пискнул.

— Он, старик, мне, кажется, зуб выбил… — прошамкал Сумкин, доставая изо рта окровавленный обломок и кладя его на дрожащую от переживаний ладонь. — Тот самый, который болел!

— Постой… — Коте показалось, что выбитый зуб как-то странно блеснул. — Можно? — он аккуратно, кончиками пальцев взял зуб и кинул его в стакан с водой. Поболтал, разгоняя кровавые сгустки. — Интересно…

— Что там? — Сумкин насадил на нос протянутые Дюшей очки. — Старик, что с моим многострадальным зубиком? его можно будет приладить на место? Имей в виду, старик, что я дорожу каждым своим зубом. Я ими жую и вовсе не собираюсь просто так расставаться ни с одним — даже из-за твоих придурочных знакомых!

Чижиков вглядывался в стакан.

— Дюша, — позвал он, — у тебя есть увеличительное стекло?

— Э-э-э… — Громов задумался. — Где-то было, кажется. А зачем тебе?

— Найди, будь другом. Тут интересное.

— Еще бы! Каждая деталь моего организма крайне интересна! — Сумкин на глазах приходил в себя. — Будущие поколения будут стоять в очередь, чтобы поковыряться в моих ценных останках на предмет выяснить, как на свет рождаются столь талантливые и уникальные люди!.. Уй, голова…

— Давай встанем, Федор Михайлович, — подставил плечо другу Чижиков. — Встанем, сядем на стул, приложим к твоему организму лед, попьем чайку…

— Во-первых, мы покурим, — заявил Сумкин, с кряхтением поднимаясь на ноги. — Во-вторых, мы должны прополоскать рот водкой, потому что водка окажет на нас целительное и ранозаживляющее действие. — он уселся на стул и принялся осторожно ощупывать челюсть. — опухнет, да?

— Опухнет, — согласился Котя. — Теперь тебя девушки любить перестанут.

— Иди ты! — всполошился Сумкин. — Где тут зеркало?!

— Вот, — вернулся Громов и положил перед Котей здоровую лупу.

— Отлично! — Чижиков выловил из стакана зуб, обтер его полотенцем и навел лупу. — Все чудесатее и чудесатее… — Котя поднял голову и уставился на Сумкина. — Кто, говоришь, тебе этот зуб ремонтировал?

— Да я ж тебе рассказывал, старик! У стоматологов была акция немотивированной щедрости… Не понял, а к чему ты спросил?

— Сам посмотри.

Сумкин вооружился лупой, сдвинул очки на лоб и припал к зубу. Морщась от боли в челюсти, хмыкнул. Вернул очки на место и уставился на Чижикова.

— Я вижу то, о чем подумал?

— Да что вы там видите-то?! — заволновался Громов. — Дайте взглянуть! Сумкин передал ему зуб и лупу, откинулся на спинку стула и жадно закурил.

— Что за хрень? — изумленно спросил Громов. — Устройство какое-то?

— Очень похоже, — подтвердил Котя. — По крайней мере, мне кажется, что обычно в зубах ничего подобного не встречается.

— Врачи-вредители, — буркнул Сумкин, осторожно ощупывая челюсть. — ох, чуяло мое нежное сердце: не к добру этот приступ щедрости! Говорила мне мама: не бери в рот бяку! Старик, расколи-ка мой зубик. Мы должны быть уверены в

чистоте эксперимента и незамутненности наблюдений.

— Дюша… — Котя кивнул Громову на зуб, казавшийся горошиной в его толстых пальцах.

— Шпионский роман просто… — покрутил головой Дюша, но положил зуб на стол и сильно надавил. Зуб охотно треснул и распался на части. — С вами не соскучишься.

— Точно, злодейское устройство! — констатировал Сумкин, отобравший у Громова увеличительное стекло. — Это какой-то хитрый прибор.

— Передатчик, — высказал предположение Котя.

— Вполне возможно, — согласился Сумкин, осторожно отодвинув обломки и пристально вглядываясь в то, что скрывалось в сердцевине зуба. — Но, старик, я должен тебе сказать, что работа тут крайне тонкая. Я не специалист в таких вопросах, — оторвался он от созерцания устройства, — но если бы спросили меня, то склонен утверждать: перед нами очень хитрый агрегат без намека на маркировку. И как он работает и где берет энергию — ведомо одному его создателю.

Тут блестящее устройство, больше похожее на каплю ртути, легко завибрировало.

— Ух ты… — Великий китаевед отдернул руку. — Шевелится! Капля повибрировала буквально несколько секунд, а потом успокоилась.

— Я понял! — вдруг радостно воскликнул Сумкин и тут же перекосился от боли. — Вот гадство… Помнишь, старик, у меня в зуб периодически вступало, а потом проходило? Я еще заметил, что так со мной случается как минимум раз в день, примерно в одно и то же время. Так вот: это были сеансы связи, — торжествующе оглядел Федор склонившихся над столом Чижикова и Громова. — Агрегат накапливает информацию, а потом передает ее в центр. от Алекса Юстасу. В процессе работы вибрирует, что и вызывало у меня естественные приступы боли. С минуту все молчали, переваривая сказанное.

— Я правильно понял, что зуб у тебя и в этом… в Древнем Китае болел? — наконец спросил Громов.

— Ну да, — кивнул Сумкин. — Эта мерзкая штука постоянно высылала информацию своим хозяевам.

— А… скажи, пожалуйста, кто в Древнем Китае мог принимать такие сигналы? — нахмурил лоб Громов. — Как я понимаю, там с электричеством немного напряженно, нет? А тут мало что сигнал, так еще и целый пакет информации… если прибор отсылает информацию раз в день, то это должен быть довольно объемный пакет, собранный за целые сутки, хорошо к тому же упакованный пакет, чтобы быстрее передать. Значит,

нужны соответствующие технологии для приема и раскодирования. Думаю, неслабые технологии. У кого в Древнем Китае они были? Скажи, ты же специалист.

— Шутишь? — половиной рта усмехнулся Сумкин. — Вижу: шутишь. Разумеется, ни у кого.

— Тогда и правда: куда же шла информация? — задумался Котя. — Вот ведь вопрос…

— Есть хорошо аргументированное мнение для начала положить конец передаче информации прямо сейчас, — решительно сказал Сумкин. — Ведь эта штука только что тряслась как припадочная — значит, новую порцию информации выслала. Дюша, окажи нам любезность, раздави гада. Я бы и сам раздавил, но что-то ослаб.

— С удовольствием, — расплылся в улыбке Громов, принес с кухни молоток и в два удара превратил блестящую каплю в ровный блин. Капля испустила слабый разряд, дала легкий дымок и — перестала функционировать.

— Дюша, у тебя дома водка есть китайская? — спросил Сумкин. Громов кивнул. — Будь другом, принеси, а? Надо ротик мой очаровательный продезинфицировать, а то вдруг эта гадость в меня шпионские споры отложила.

— Получается, все это время кто-то отслеживал все наши действия, и здесь, и в Древнем Китае… — задумчиво произнес Чижиков, пока Сумкин заливисто и громко полоскал рот пекинской народной. — Кто-то в курсе всего того, что с нами происходило. По крайней мере того, чему свидетелем был наш Федор Михайлович.

«И как же правильно я сделал, что не рассказал ни про зеркало, ни про Дракона!..» — мелькнуло в голове.

— Похоже на то, — согласился Громов. — Не знаю, что у вас там с Древним Китаем вышло… Но вот это, — ткнул он пальцем в расплющенный передатчик, — выглядит очень убедительно.

— И еще получается, — продолжал Чижиков, — что мы Борна вроде как зря прогнали. Выходит, он узнал про зуб Федора и помочь нам захотел.

— Пусть другим так помогает! — выплюнув в стакан окровавленную водку, сварливо бросил Сумкин. По комнате поплыл характерный сивушный аромат. — Пусть еще кому-нибудь по лицу стучит. Нет, ну где это видано: вошел, ничего толком не объяснил и — раз в зубы! Я что, слов не понимаю? Да будет вам известно: я весьма чуток к фундированным объяснениям!

— И ты бы поверил?

— А я знаю? — окрысился Сумкин. — Мне разве дали шанс,

старик? Нет! Мне дали в челюсть!

— Что сделано, то сделано, — подвел черту Громов. — Как теперь нам быть-то?

— Давайте думать, — предложил Чижиков. — Давайте рассуждать. Мы теперь остались без свидетелей, — покосился он на расплющенное устройство подслушивания.

— Силы мои слабые, — взял слово Сумкин. С той стороны, куда врезал Борн, челюсть у великого китаеведа немного опухла. — Мы остановились на том, что у тебя есть двойник, что Ника на наших глазах испарилась — и после увиденного я склонен согласиться с прозрачным приятелем в том, что она не человек, а черт знает кто, андроид какой-то, иначе почему у нее из головы всякие посторонние штуки торчали? еще мы узнали, что тебя, старик, сегодня вечером ждут в посольстве, у меня в зубе сидел жучок, а твой дед — жив. Последнее особенно любопытно, потому что дед интересует не только тебя.

— Я предпочел бы не вдаваться в подробности, — осторожно заметил Котя. — Давайте закроем этот вопрос: у меня действительно есть веские основания считать, что мой якобы покойный дед на самом деле жив.

— Понимаю, — легко согласился Сумкин. — Твое право. Мы и так уже наболтали лишнего. Но в случае чего ты можешь на нас положиться без лишних объяснений. Я прав? — обернулся великий китаевед к Громову. Тот решительно кивнул: а то! — Тогда давайте решать проблемы в хронологическом порядке. Первым у нас на повестке дня посольство. Там ведь в шесть прием? В шесть. Машину за тобой, старик, сюда не пришлют. ее пришлют в другое место. За другим Чижиковым.

— Я бы хотел взглянуть… — сказал Котя, жалея, что они выгнали Борна до того, как он рассказал, что пробил о деде и двойнике «по своим каналам». — хотел бы взглянуть на второго Чижикова.

— Аттракцион невиданной храбрости! — всплеснул руками Сумкин. — Чижиков против Чижикова! Кто кого заборет? Принимаются ставки! Сто юаней на Чижикова-младшего! Нет, сто пятьдесят!

— Будь я на твоем месте, брат, я бы тоже захотел поглядеть в глаза самому себе, — поддержал Котю Громов. — Заодно и выяснил бы что.

— Вы серьезно? — широко раскрыл глаза Сумкин. — Вы оба вот сейчас серьезно?!

— Совершенно, — кивнул Котя. — Смотри: паспорта у нас на одно имя. Я прихожу в посольство чуть раньше, и меня пропускают: я же Чижиков, я есть в списках приглашенных. Я

пробираюсь на территорию и прячусь…

— Там есть где спрятаться, — заверил его Дюша. — Там цельный парк с фонтанами и водопадом. Там есть даже гуси и кролики.

— Тем более, — продолжал Чижиков. — Я прячусь среди кроликов и наблюдаю за двойником, когда он появится… А дальше по обстоятельствам.

— Я тебя могу подстраховать, — предложил Громов. — Подожду тебя снаружи. если что — звякнешь.

— Вы психи, — показал на Чижикова и Громова пальцем Сумкин. — Вы знаете, что вы оба — психи? Надо, наоборот, затаиться и ждать!

— И кто это говорит? Тот, кто чуть не убил Борна банкой с хомяком? — усмехнулся Чижиков. — Короче. осталось не так много времени. Предлагаю для начала что-нибудь съесть.

— Хорошая мысль, пойдем! — Громов встал. — Тут внизу есть неплохая едальня. Заодно заскочим в аптеку. Мне, как правило, не выбивают зубы прямо на дому, — пояснил Дюша. — А местные эскулапы с ходу подберут нужное лекарство. Тем более… — он замялся, — вы все так хорошо говорите по-китайски, что враз им объясните. Китайская медицина суровая, но действенная: такую дозу вкатят, что на глазах все пройдет.

— Вы окончательные психи… — осуждающе качая головой, Сумкин поднялся со стула. — лично я есть пока не способен.

— Тебе и не предлагали, — вставил Котя. — Куда тебе есть-то. Тебе пока нечем есть.

— Смейся! Издевайся над раненым другом! — укоризненно покачал головой Сумкин. — Я только на одно теперь надеюсь: обычно здоровая горячая пища оказывает самое успокаивающее действие на разгоряченный мозг, а потому надеюсь, что, нажравшись, вы придете в себя и начнете рассуждать здраво или как минимум прислушаетесь к голосу разума в моем опухшем от страданий лице…

* * *

Шпунтик решительно отказывался понимать всех этих людей, включая хозяина. он давно привык к тому, что люди не обращают внимания на очевидные вещи, но когда именно кот входит в окно с дурой-мышью в зубах, смешно присваивать себе чужие заслуги и заявлять, будто дуру-мышь отловили — «они». ладно, предположим, Шпунтик ошибся и странное существо с толстой задницей — вовсе не дура-мышь, а кто-то еще по имени Кьюха,

ибо велика природа в ее нежданном разнообразии, но кто это — «они», интересно узнать? Что-то Шпунтик не помнил, чтобы кто-нибудь еще шел вместе с ним по карнизу и в последний момент подхватил толстозадого Кьюху, когда тот уже был готов спикировать в пропасть. И когда Шпунтик возвращался с добычей в пасти, он не видел рядом никого, кто с таким же отвращением вдыхал бы запах, который в неблагодарности своей испускал спасенный Кьюха, — нет! Потому что, кроме Шпунтика, там, на карнизе, никого не было. А что в результате? В результате — полная неблагодарность! Кот добросовестно поймал жирного и явно питательного Кьюху, принес его людям буквально на тарелочке с голубой каймой: берите, ешьте! — а они мало что есть и не подумали, так еще заявили, будто это они изловили «хомя-ка»! И хозяин, хозяин! хозяин ведь даже не возразил. Не отстоял справедливость. Что тут скажешь? Кот слегка обиделся.

Он ушел обратно на карниз и некоторое время сидел там, вдыхая теплый воздух и лениво следя за редкими пролетающими птицами. Нужно было продолжить исследование окрестностей и наконец найти дорогу на крышу. И Шпунтик почти уже собрался в путь, как в новой квартире опять что-то начало происходить. Не понаслышке зная, как хозяин не приспособлен к жизни, кот на всякий случай заглянул в окно. Мало ли что.

Оказывается, правильно сделал: в квартире дрались. Бестолково, как это и принято у людей. любому ясно, что в первую очередь врага надо ошеломить, то есть мощным прыжком сбить с ног и как следует пройтись по врагу когтями, а еще лучше сразу разодрать морду — тут враг или сбежит, позорно поджав хвост, и тогда для острастки его можно некоторое время попреследовать, или же примет позу покорности, после чего его можно отпустить, показательно укусив пару раз в назидание. А эти что? Руками машут, ногами, хватают друг дружку… Сейчас увидят, как надо.

Тут Шпунтик замешкался, потому что разглядел бритого налысо гостя. Странный был он, этот бритый. Заходил однажды к ним с хозяином на Моховую и повел себя со Шпунтиком крайне вежливо, то есть исполнил ритуал обнюхивания, чего раньше никому из знакомых коту людей в голову не приходило. Уже за одно это Бритый заслуживал быть выделенным из прочего — суетливого и недогадливого — человеческого стада. Кроме того, Шпунтик еще тогда почувствовал исходящие от Бритого приятные и теплые волны. Теперь-то кот знал: такие же волны испускало Тепло, — а тогда Шпунтику было просто хорошо лежать рядом с Бритым на подоконнике и впитывать исходящую от него невидимую благость. Так что по всему выходило: Бритый —

человек невредный.

Однако же сейчас Шпунтик видел: Бритый дрался с огромным. огромный, хотя и не испускал волн, был человек приятный, к тому же его привечал хозяин, а это чего-то да стоило. еще кот увидел, что Сумкин лежит на полу с закрытыми глазами, а рядом валяются очки. Да, Сумкин неприятно пах, да, у него были раздражающие привычки, но Сумкин определенно принадлежал к хозяйской стае, хотя и занимал на иерархической лестнице самое нижнее место — далеко позади Шпунтика. Кот, вне сомнений, стоял на одной ступеньке с хозяином, но если бы его о том спросили, стал бы всячески отрицать принадлежность к стае: зачем брать на себя лишние обязательства без особых причин?

Тем не менее нужно было принимать решение. остаться в стороне кот не мог. Бритый при всех его достоинствах сейчас выступал и против Сумкина, и против огромного, и против самого хозяина, который, как всегда, растерялся и до сих пор бритому морду не расцарапал.

И Шпунтик решение принял. Стая есть стая. Шпунтик собрался с Теплом и прыгнул.

Вцепиться в морду Бритому не получилось: тот оказался слишком быстр, — зато кот основательно разодрал ему ногу, после чего оттолкнулся от ноги, потом от ближайшей стенки и, развернувшись в воздухе, приземлился напротив драчунов. Кажется, Бритый по достоинству оценил боевые качества Шпунтика: по крайней мере, связываться с котом он не отважился, и Шпунтик благополучно проводил его до двери. После чего кот взлетел на подоконник, уселся рядом с незадачливой дурой-мышью, оказавшейся хомяком Кьюхой, и стал приводить себя в порядок. Регулярный туалет — дело важное, залог здоровья и красоты. Уважающий себя кот должен выглядеть франтом.

Люди подняли с пола вонючего Сумкина, уселись за стол и стали размахивать руками — в этом не было ровно ничего интересного, поскольку они вечно так делают. Так что Шпунтик некоторое время развлекался тем, что рассматривал соседа Кьюху, потом встал на задние лапы и всунул голову в банку. Кьюха в испуге заметался по дну, роняя семечки. Кот только фыркнул: кому ты нужен! И отправился в хозяйскую спальню. Там, в рюкзаке, сокрылось Тепло — Шпунтик знал точно, он чувствовал. Кот забрался на рюкзак, дал Теплу окружить себя и погрузился в ласкающую негу. Как же хорошо и привольно ему было!.. Но тут подошел хозяин и предложил прогуляться на улицу, а заодно и закусить. Последнее звучало заманчиво, хотя с

Теплом расставаться не хотелось и уж тем более — оставлять Тепло без присмотра. «Кот-кот-кот! — настаивал хозяин. — Давай поднимайся!» А потом взял и выдернул рюкзак с Теплом из-под Шпунтика. И повесил на плечо. Это убедило кота окончательно. И хотя следовало, конечно, кому-то остаться — присмотреть за этим странным Кьюхой и вообще за жильем, — кот с хозяином согласился. И пошел следом.

* * *

— Слушай, старик, — улучив момент, прошептал Сумкин на ухо Чижикову. Посетив едальню и аптеку, где великому китаеведу продали аж целых пять видов лекарств на выбор, и он взял все, поскольку платил Котя, — они погрузились в лифт и теперь ехали обратно на девятый этаж. Шпунтик беспокойно крутился под ногами, хотя тоже сходил не зря: по распоряжению хозяина ему с кухни доставили много свежего мелко нарубленного мяса. — Я вот о чем подумал… Ника ведь сказала, что ту вещь, которую мы потырим из сокровищницы, нужно как следует спрятать. «Илиаду» то есть…

— Ну? — шепнул в ответ Котя. Прислонившийся к стенке в углу Громов или не слышал, или деликатно делал вид, что не слышит. — И что?

— Как — что?! Где мы ее прятать-то станем? Да еще как следует, то есть чтобы никто никогда не нашел? Ты уже решил, старик?

— Не-а…

— Только ты еще учти, — жарко затараторил Сумкин, следя за индикатором движения лифта: седьмой этаж. — Книга эта очень непростая. Я точно тебе говорю. Я вчера малость посидел за ней, и, старик, я на пороге еще более грандиозного открытия. Я обнаружил шифр! Это потрясающе, это нельзя упустить… Тут лифт затормозил, двери открылись, Сумкин замолк, и они гуськом потянулись на выход.

— Ну что, тихушники, набормотались? — дружелюбно прогудел Громов, сворачивая налево. — Эт-та еще что?! — он замер посреди лестничной площадки. — Какого?.. Дверь в его квартиру была распахнута — были хорошо видны разбросанные по полу гостиной вещи, раньше сваленные в углу. Даже стол оказался перевернут. У двери стояла миловидная китаянка в фантастической расцветки платье, в отороченных мехом кожаных сапогах и нервно теребила в руках крошечный розовый рюкзачок с изображением Микки-Мауса.

— Ой, Андэли! — закричала она, увидев Громова. — По-моему, вас ограбили! У меня Сяо-Кью пропал, я думала — может, у вас, прихожу, а тут — вот… Взломано… — она указала на дверь. — Надо в полицию позвонить.

— «Илиада»!!! — заорал Сумкин и, оттолкнув Громова, бросился в квартиру.

Эпизод 13
Чижиков ищет Чижикова

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Подъезжая к российскому посольству на такси, Чижиков все вспоминал Сумкина, когда тот, влетев в гостиную, обнаружил лишь пустой пакет, с которым пришел к Громову, — и ни малейших признаков первого свитка древнекитайской «Илиады», который до того в пакете лежал. Такого выражения на лице приятеля Котя еще никогда не видел: Сумкин словно расстался с существенной частью собственного организма, и теперь, без этой части, дальнейшая жизнь ему стала не мила — более того, сделалась просто невозможна. Сумкин совершенно забыл про выбитый зуб и перестал к месту и не к месту хвататься рукой за опухшую челюсть. Сумкин сделался бледен, уши его встопорщились необычайно, близорукие глаза судорожно рыскали кругом в тщетных поисках…

Великий китаевед, подобно трудолюбивому барсуку, кинулся рыться в разбросанных по полу вещах, расшвыривая их в стороны без разбора, он пропахал носом все закутки квартиры, он не терял надежды до самой последней секунды… Напрасно: «Илиада» исчезла. Тогда, весь трясясь и ладонью утирая пот, Сумкин обратил ищущий взор к Чижикову: «А твои две части?..» Котя уже знал, что ему ответить: ведь ушлый Федор успел побывать и в его спальне, где устроил порядочный разгром, перевернув в том числе и кровать. Чижиков засунул «Илиаду» под матрац. Теперь свитков там не было.

Сумкин бессильно опустился на пол.

— У-у-у-у… — раскачиваясь, как «ванька-встанька», завыл он. — Старик… Ты понимаешь! понимаешь, что случилось… Теперь все пропало, все пропало!..

— Федор Михайлович, да не расстраивайся ты так, — сел рядом Чижиков. Громов, вручив хомяка Кьюху возликовавшей соседке, с ворчанием пытался навести хотя бы подобие порядка. — У тебя еще автограф Лю Бана остался. И разные другие штучки.

— Ты не понимаешь, — безнадежно отмахнулся Сумкин. он чуть не плакал. — Не понимаешь…

— На, покури. — Котя раскурил сигарету, оторвал фильтр и

сунул великому китаеведу. — Успокойся.

— Успокойся… — Сумкин затянулся. — Старик… Это ведь не только артефакт невероятного значения, мы же «Илиаду» должны были надежно спрятать! А теперь что?.. У нас ее украли! Причем всю!.. Ты вот куда смотрел?! — сердито взглянул он на Котю. — Какого черта ты такую вещь под матрас запихал?! Что за детство! Ты бы еще коту вон своему дал поиграть… Шпунтик, осторожно принюхиваясь, выбрался на середину комнаты и уселся, оглядывая разгром с некоторым недоумением.

— Все не так плохо, Федор, — похлопал Чижиков Сумкина по тощей коленке. — Мы несли с собой не только «Илиаду». Дело не в ней. Только никому не говори. Тс-с-с-с… Понял?

— Что?! — шепотом заорал Сумкин и тут же прижал ладонь ко рту. В крайнем изумлении уставился на Чижикова. — И ты молчал?!

— Ага, — кивнул Котя. — Конечно, молчал.

— Но почему?.. А! Понимаю! — Сумкин хлопнул себя по лбу. — Я же был ходячим передатчиком в злодейский центр самой свежей информации… Ты знал, что ли?! — удивленно спросил он.

— Не знал, — помотал головой Котя. — Просто на всякий случай осторожничал.

— Ну и правильно, ну и правильно… А я чувствовал, что ты недоговариваешь. — Великий китаевед стряхнул пепел прямо на пол. — И как выяснилось, вовсе не зря… И ты мне, конечно, не скажешь, что еще потырил у Цинь Ши-хуана и из-за чего весь сыр-бор?.. Ну и правильно… Слушай, все равно очень плохо, что «Илиаду» сперли. очень, очень плохо.

— Да я понимаю. Такое открытие…

— И это тоже. Говорю тебе: в книге шифр! У меня было мало времени, но я успел чуть-чуть поизучать свиток. И вот что я могу тебе, старик, сказать…

И Сумкин рассказал, что обнаружил в первом свитке «Илиады» странные отметки у некоторых иероглифов. Проведя, как он выразился, «краткий сопоставительный анализ», великий китаевед пришел к ошеломившему его выводу о том, что данный текст можно читать по-разному. То есть можно как написано, сверху вниз и справа налево, и тогда выходит знакомая всем история про героическую осаду Трои Ахиллом, Менелаем и другими ахейскими трудящимися. А если взять отмеченные куски и расположить их в определенном порядке, не в том, что в книге, то выйдут некие вполне законченные предложения, больше всего напоминающие предсказания.

Сумкин не был до конца уверен в том, что он правильно

нащупал необходимый порядок чтения, однако уже первое полученное таким образом предсказание гласило: «Муж мужественный мир спасет, коль будет одиноким».

— Ты понимаешь, старик, что это неизвестный источник древнекитайской мудрости?! А может, даже не только древнекитайской! — возбужденно втолковывал Чижикову Сумкин. — И ведь что интересно: высказывание хорошо проецируется на нашу ситуацию. Мы зачем к Цинь Ши-хуану ломанулись? Мир спасать! Ну так вот!

Котя задумался: а ведь правда. Именно за этим. Более того, получается, что он был прав, не рассказывая никому о самом главном, то есть о зеркале и Драконе. А если так, то предприятие по спасению мира ждет успех лишь в том случае, если он, Чижиков, муж мужественный, закончит дело в одиночку. Это если верить сумкинскому прочтению…

— Как много можно было бы узнать! — сокрушался великий китаевед. — Как много выяснить! А вдруг я прав, и в этой книге действительно зашифровано что-то архиважное!.. Теперь уж не проверить… Но кроме того, старик…

Еще Сумкин заметил, что когда долго взаимодействует с рукописью, то становится… бодрее, что ли. Энергичнее, решительнее, увереннее. Словно бамбуковые планки передают ему некую дополнительную энергию, как батарейка. — Все это, понятно, чушь, старик, но что мне делать с моими ощущениями? Пару часов свиток в руках подержал — словно пару чашек крепчайшего кофе выпил. А теперь ее нет, нету моей ненаглядной… — Сумкин сожрал еще одну болеутоляющую таблеточку.

… — Водитель, остановите тут. Я выйду, — попросил Громов.

Такси, не доехав пары кварталов до ворот посольства, притормозило. Дюша, взяв на руки Шпунтика, заговорщицки подмигнул Чижикову и выбрался наружу. Шпунтик посмотрел на хозяина круглыми глазами.

Машина плавно тронулась. Котя зашагал к воротам.

Шел он вдоль высокой ограды, за которой расположилось посольство: в умирающем на закате свете дня был виден громадный парк, темный провал озера, за ним высились девятиэтажки — настоящий город в городе, как охарактеризовал российское посольство в Пекине Громов. Сейчас Чижикова больше интересовала сама ограда, ее надежность: можно ли будет в случае чего перелезть. И чем дальше Котя глядел, тем яснее ему становилось, сколь малы шансы — а уж тем более незаметно. Дюша сказал, что на другой стороне посольства ограды нет, а есть стена, не такая высокая, и по верху колючая проволока пущена, и

ту стену, по мнению Громова, преодолеть будет несказанно легче, хотя сам Дюша, конечно, через посольские стены не лазал. Правда, до стены надо еще добраться: территория-то у посольства ого-го!..

«Там будет китайский военный на тумбочке», — сказал Громов.

И правда: перед воротами — огромными, коваными, крайне внушительными — вытянувшись по стойке «смирно», стоял на специальном возвышении китайский полицейский. Котя направился ко входу, больше всего напоминавшему контрольно-пропускной пункт режимного объекта. Предъявил высунувшемуся из окошка будки охраннику паспорт.

— Чижиков… Чижиков… Чижиков… — зашевелил губами охранник, сверяясь со списком. — Чижиков Константин Петрович? — наконец обнаружил он искомое. — Добрый вечер! Вы немного раньше назначенного: прием начнется через полчаса.

— Мне еще нужно повидаться с советником Высоковым, — выдал Котя заранее заготовленную фразу, внутренне обмирая: а вдруг Высоков еще не в посольстве? А вдруг охранник вот прямо сейчас снимет трубку телефона и вызовет Высокова к воротам? Что тогда?..

— Проходите, пожалуйста! — заученно улыбнулся охранник.

Кованая калитка распахнулась.

Чижиков проник на территорию.

Перед ним расстилалась широкая дорога, упирающаяся в приземистый и помпезный особняк, выстроенный в лучших традициях архитектурных излишеств времен «культа личности», со всеми положенными финтифлюшками и лепниной, — и Котя к тому особняку двинулся, неторопливо и уверенно.

Попавшиеся по пути посольские дети — мальчик помладше и девочка постарше — вежливо с Чижиковым поздоровались, и Котя ответил им тем же, почувствовав себя при этом натуральным шпионом. «Абсурд! Я же на территории посольства собственной страны!..»

Заслышав сзади шум мотора — как раз отворяли монументальные ворота и в них въезжала черная блестящая машина, — Котя в несколько быстрых шагов свернул на боковую узкую аллею и, незамеченный, притаился в тени. Машина величаво проплыла мимо по направлению к особняку.

Теперь, когда Котя благополучно проник внутрь, нужно было скрытно последовать за машиной и, отыскав подходящий и незаметный наблюдательный пункт, проследить за прибывающими на прием. И найти своего предполагаемого двойника. В том, что уж себя-то он точно узнает, Чижиков не

сомневался. И, на секунду вообразив себя Шпунтиком, с легким шуршанием скрылся в кустах.

Позицию в итоге он выбрал неплохую: крыльцо особняка было хорошо освещено и прекрасно просматривалось, хотя до него было и далековато, — и Чижиков даже успел разглядеть скрывающегося в дверях Высокова. «Это я вовремя успел», — подумал Котя.

Между тем приглашенные продолжали собираться: постоянно подъезжали машины, из них выходили люди… Котя притомился уже вглядываться в их лица, но себя пока так и не приметил. он решил подобраться поближе. Чижиков боялся пропустить самого себя.

Осторожно выбравшись из засады, Котя, оглядываясь, двинулся вдоль высоких кустов — был вполне реальный шанс притаиться на углу, там, где кусты заканчивались и начиналась небольшая площадь перед особняком; ближе остаться незамеченным вряд ли получилось бы.

Стараясь слиться с кустами, Чижиков прокрался как можно ближе к углу и тут, вжавшись спиной в податливую зелень, замер.

Котя не знал, что станет делать, когда увидит двойника. Когда и если увидит. Бросится ли он на двойника с криком: «А ты кто такой?!» Нет-нет, скорее всего, просто убедится: да, это он, мой двойник. Увидит: и так бывает. После чего незаметно скроется. Чижикову отчего-то было важно удостовериться, что загадочный двойник есть на самом деле.

Зазвонил телефон — Чижиков аж подпрыгнул. — Да… — Эй, старик, ну что там? Я буквально изнываю от нетерпения, мой побитый организм сучит ножками в желании узнать, как твои дела! — Федор Михайлович… — прошипел Котя. — Я очень занят. Не звони мне больше. Я тебе сам перезвоню.

Чижиков дал отбой. К счастью, никто не обратил на него внимания.

Глядя на череду официально одетых мужчин и женщин, проходивших мимо, Котя вдруг вспомнил о том странном сотнике Бу Вэне, которого они встретили в Древнем Китае и который был здорово похож на питерского антиквара Вениамина Борисовича Бунина. Несомненное сходство. Тоже двойник? А как странно вел себя Вениамин Борисович при последней их случайной встрече: словно видел Чижикова в первый раз, а ведь они совсем недавно встречались — Котя продал антиквару сундучок, и Вениамин Борисович, явно как следует подзаработавший на этой сделке, не мог не узнать того, через кого к нему денежки притекли!.. И на вопрос о внучке Нике антиквар вовсе не отреагировал. Был словно не от мира сего. Шагал как автомат, как робот какой.

Словно… его только что активировали и не до конца загрузили программу.

Точно!

У Коти сделалось сухо во рту от посетившей его догадки. Вениамин Борисович — он тоже! Тоже двойник! И Бу Вэнь! И еще черт знает сколько людей, которых Чижиков знал и знает.

Кто-то целенаправленно заменяет людей на их двойников?..

Возможно, это вообще не люди, а машины. Порождения высоких технологий. Монстры из пробирки. В них закладывают программу и дистанционно ими управляют… о боже…

Чижиков подумал, какой уровень развития технологии и какая невообразимая энергия нужны для того, чтобы управлять тем же самым Бу Вэнем в далеком прошлом. Невообразимо! Даже если представить себе, что на земле на деле существуют некие строго засекреченные научные центры, занимающиеся подобными разработками, то, скорее всего, они и на йоту не приблизились к созданию не то чтобы серийных образцов, но даже опытных экземпляров. А манипуляции со временем?..

«Будущее!» — ярко сверкнуло в голове Коти. Будущее, которое еще не наступило. Но которое вернулось в прошлое. Как Ника.

Ника говорила о борьбе, которая идет в ее времени, — упорной борьбе за существование между разными группировками. Говорила она и про вмешательство в естественный ход событий.

Просто нужно немного подкорректировать прошлое. Невзирая на побочные последствия. Для этого годится все: можно, например, захватить витающего в научных эмпиреях Сумкина и вставить ему в зуб передатчик. Можно перенести Сумкина в гости к Цинь Ши-хуану, чтобы Федор невольно следил за каждым шагом Чижикова и Ники. Можно заменить самого Чижикова. Можно…

Да кто знает предел их возможностей!

И что им можно противопоставить — этим пришельцам из будущего и их наисовершенным технологиям?! Ника вон была способна сделаться из маленькой девочки взрослой девушкой. Что же им какой-то Константин Чижиков — маленький и слабый?..

И вот — он добровольно, сам, пришел в посольство, к Высокову: берите меня тепленьким!

Какой идиот!..

«Я показал паспорт. они знают, что я здесь».

Котю охватила паника.

Бежать…

Он судорожно огляделся.

Поток приглашенных на прием иссяк. На крыльце особняка появился Высоков, взглянул на часы.

Чижиков застыл.

Он стоял в тени, но был шанс, что Высоков углядит его.

Нет, не заметил. Повернулся и скрылся в дверях.

Котя перевел дух.

Тут совсем рядом послышались приглушенные голоса, и мимо, о чем-то оживленно беседуя, неторопливо прошли двое в костюмах.

Нечто знакомое почудилось Чижикову в том, кто шел справа.

Котя замер, затаился, затих.

Парочка, по виду сотрудники посольства, тем временем приближалась к особняку. Вдруг показавшийся знакомым Коте — обернулся, мазнул по нему рассеянным, невнимательным взглядом.

Да это Сергей! Только без «хвоста», коротко стриженный. В черных очках.

Заметил!!!

Сейчас начнется…

Но ничего такого не произошло: Сергей равнодушно отвернулся и, продолжая разговор со спутником, стал подниматься на крыльцо.

Да что им тут, в Пекине, медом намазано?! Борн, двойник, Высоков, а теперь еще Сергей!..

Котя попятился.

Где там эта стена, через которую реально перелезть? Дюша говорил, напротив ворот — нужно пересечь всю территорию. Значит — туда.

И тут навстречу Чижикову шагнул Сергей.

Оттуда, где только что проходил, увлеченный беседой, в сторону посольского особняка.

Котя отпрыгнул. опять эти штучки: ты его в дверь, а он — в окно!

— Константин, — тихо сказал Сергей, останавливаясь в нескольких шагах и снимая солнцезащитные очки. — Спокойно.

— Я тебе сейчас дам «спокойно»… — судорожно прошипел Чижиков, сжимая кулаки: сначала ногой в живот, потом по затылку и бежать. На вид-то он хлипкий, а пальцы стальные. Главное — ошеломить. И бежать. Бежать. — Я тебе сейчас такое «спокойно» покажу…

— Нет-нет, — прижал ладони к груди Сергей. лицо его было взволнованным, голос подрагивал. Котя отчетливо разглядел глаза разного цвета. — Прошу вас! Прошу! Давайте пройдем куда-нибудь… в более уединенное место. Поверьте, мне нужно вам

кое-что сказать… Да поверьте же мне хоть раз!

И настолько умоляющим был его тон, что Чижиков невольно чуть расслабился. Самую малость. В конце концов, отчего не выслушать очередного оборотня? Главное — чтобы недолго. А если что…

— Туда! — указал Сергей подбородком в темную боковую аллею, по-прежнему держа руки на виду.

Чижиков, не сводя с Сергея глаз, поправил лямки рюкзака и попятился в указанном направлении. Сергей медленно следовал за ним, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Ну? — нарочито грубо спросил Котя, когда огни особняка скрылись за деревьями. — Чего надо? Имейте в виду, что…

— Простите меня, — перебил его Сергей. — С самого начала у нас с вами не заладилось. Это все моя вина, из-за неопытности. Я тогда многого не знал, думал, что вы случайно… Постойте. — он пристально взглянул на Чижикова. — Константин, ответьте мне, пожалуйста, где мы с вами встретились в первый раз?

— Зачем это? — настороженно спросил Котя.

— Я хочу убедиться, что вы — это вы, — просто ответил Сергей.

— Вон как… — протянул Чижиков насмешливо. — А как мне убедиться, что вы — это вы? А не какой-то клон поганый?

— Вижу, вы уже знаете… — вздохнул Сергей.

— Сережа-Сереженька! — погрозил ему пальцем Котя. — Я уже так до фига знаю, что вы даже представить себе не можете. Так что перестаньте выпендриваться, выкладывайте, что хотели, и я пойду себе. А то очень вы загадочный, и это действует мне на нервы.

— Скажите… где мы с вами встретились в первый раз? — упорствовал Сергей. И опять: было в его голосе нечто такое, что Чижиков сдался.

— Вот привязался! — развел Котя руками. — Да пожалуйста: вы следом за мной приперлись в антикварную лавку на Чайковского. Вы были в дурацком пиджаке, в черных очках и с хвостом на затылке.

— Правильно, — кивнул Сергей. — А какой у меня предмет?

— Цилинь у вас, Цилинь! — отмахнулся Котя. — если не врете, конечно.

— Господи, господи, какое облегчение… — забормотал Сергей. — Вы даже не представляете, какое облегчение услышать это от вас!..

— Всегда пожалуйста, — недоумевая ответил Чижиков. — Но и вы, мил человек, скажите мне: где была и чем окончилась наша вторая встреча?

— Логично, — согласился Сергей. — логично, что вы спрашиваете. Я ведь тоже могу быть не самим собой… Это было в вашей квартире на Моховой. Ваш… гм… большой приятель спустил меня с лестницы. Правильно?

— Правильно, — кивнул Котя. Возникла пауза: Сергей и Чижиков молча смотрели друг на друга. Чижиков — выжидающе, Сергей — радостно, чуть не со слезами на глазах. И это было Коте решительно непонятно.

— Ладно, — сказал он наконец, успокоившись, но бдительности не теряя. — Говорите, что хотели. У меня до обидного мало времени.

— Вам грозит нешуточная опасность! — выпалил Сергей, улыбаясь дурацкой улыбкой.

— Да что вы?! — хихикнул Чижиков. — Это очень, очень ценная информация. Спасибо. Так я пойду?

— Нет, вы не поняли. — лицо Сергея исказила гримаса. — опасность грозит всем нам, миру, как мы его знали, но вам — особенно, потому что только вы в состоянии все исправить.

— Где-то я это уже слышал, — задумчиво проговорил Котя. — Слушайте, Сергей, вы не были знакомы с маленькой девочкой, — он поднял ладонь на высоту своего плеча, — в платье в цветочек и с возмутительной привычкой вламываться в чужие дома попить чайку на халяву?

— Нет, никаких девочек я не знаю, — отмахнулся Сергей. — Какие еще девочки! Выслушайте меня спокойно, без сердца. Это важно. Дело в том, что мир изменился. Наверное, вы уже это заметили. А я узнал внезапно: однажды утром — совсем недавно — я проснулся здесь, в Пекине, и оказалось, что я работаю в аппарате советника посла по экономическим вопросам, хотя буквально вчера я был в Петербурге… Самое интересное, что вокруг все уверены, что я живу в Пекине третий год и по образованию и роду занятий действительно имею прямое отношение к внешней торговле… Не выдавая себя, я стал наблюдать, наводить справки, сопоставлять. оказалось, что где-то в прошлом история пошла немного по другому пути — и все вокруг убеждены, что это все, — Сергей эмоционально очертил круг рукою, — и есть настоящая реальность! Но это не так, я не сумасшедший! И вот теперь, когда вы говорите, что помните, как мы буквально на днях встречались в Петербурге…

— Погодите, дайте сообразить… — Котя, ошеломленный, задумался. — Значит, реальность поменялась, но об этом помнят только те, у кого есть… предметы. У вас есть Цилинь, и вы помните, что было с вами на самом деле, хотя остальные считают, что вы тут уже третий год… Интересно, а отчего же тогда

Федор… — Чижиков запнулся. — Нет, его перебросило вместе со мной, — продолжал он рассуждать вслух, на секунду забыв, что не один. — В этом, наверное, все дело…

— Какой Федор? — цепко спросил Сергей.

— Да вы его не знаете… Так, случайный персонаж… А скажите, как же ваши сотрудники, начальство?

— В том-то и дело! — воскликнул Сергей. — Я даже зарплатные ведомости видел: все правда. Я тут давно! Меня узнают люди, и я тоже узнаю их, хотя, клянусь, никогда прежде не видел! Я умею говорить по-китайски, хотя никогда не учился… Я все помню: сразу две жизни — здесь и там. Это какой-то парадокс! И вы, наверное, правы: все дело в Цилине. если бы его не было… Но я не об этом хотел вас предупредить, хотя и об этом тоже, а главное — за последние дни я видел вас уже три раза. Три! — показал Сергей для ясности три пальца. — Наученный осторожности, я не стал сразу бросаться к вам, подошел как к незнакомому, и другой вы реагировали на меня как на человека, которого первый раз видите. Тот, другой вы — он как две капли воды похож на вас: лицо, голос, все! Сперва я решил, что это так на вас сказалось изменение реальности, но потом… Потом другой вы стали наводить справки про своего дедушку, Чижикова Вилена Ивановича, причем делали это так, будто не знали про то, что Вилен Иванович давно… умер. И все посольские старались вам помочь, словно вы крайне значительный, влиятельный человек… Это было вчера. А сегодня я увидел, как вас привезли на прием, специально отстал у ворот, незаметно проследить хотел, а потом гляжу: вы в кустах прячетесь… Но ведь я своими глазами видел: вы уже прибыли, сам Высоков вас встретил… Константин, я не знаю, как и откуда, но у вас есть двойник! Вас это не удивляет?! — вытаращился на Чижикова Сергей.

— У меня два вопроса, — оставив его возглас без ответа, начал Котя. — Первое. откуда вы знаете, что мой дед умер? Второе. Я тоже видел, как вы вошли вон в тот особняк. Но через пару минут вы выскочили прямо на меня. Каким образом? Раз уж мы так откровенны друг с другом. Можете отвечать в любом порядке.

— Ох… — Сергей слегка замялся. — Вы опять правы. откровенность — единственный способ восстановить между нами доверие, и… Я говорил вам, что у меня — Цилинь. Вот он… — Сергей достал из кармана матово блеснувшую фигурку. — он умеет перемещать назад во времени. Совсем не надолго, в пределах, я думаю, пятнадцати минут. При этом объективное время продолжает течь с прежней скоростью и поток его не нарушается, один только я отправляюсь в прошлое. Проходя

мимо, я вас приметил, быстро отделался от своего спутника и прыгнул назад, в то время, когда мы с ним еще не вышли из-за кустов… Я не знаю, как это работает, почему время изменяется только для меня, но иногда это бывает очень полезно…

— Значит, тогда на моей кухне?..

— Верно, — кивнул Сергей покаянно. — Я вернулся. И потом на следующий день на лестнице… Признаться, я тогда совсем выбился из сил, повторяя и повторяя попытки поговорить… — жалобно улыбнулся он.

— ладно, — кивнул Котя. — Верю. Дальше. Про деда.

— Да-да, про вашего уважаемого дедушку, — с готовностью продолжил Сергей. — Дело в том, что он жив на самом деле. И вы должны его найти.

Эпизод 14
Последний враг

Поднебесная, III век до н. э.

— Повелитель! Победа!

Лю Бан порывисто вскочил на ноги, торопливо вышел из походного шатра. Стоило ему появиться, как окружившие шатер воины гвардии хором начали выкрикивать здравицы: голоса и стук копий о щиты поднялись, казалось, до самых облаков. Вперед выступил Гуань Ин, посланный преследовать Сян Юя предводитель конницы, — весь в дорожной пыли, только с боевого коня. Гуань Ин двумя руками почтительно держал сплетенный из ивовых прутьев короб. Приблизившись к застывшему в ожидании Лю Бану, Гуань Ин опустился на колени, поставил короб перед Хань-ваном и склонился в земном поклоне. Наступила тишина.

— Повелитель! — доложил Гуань Ин, не поднимая на Лю Бана глаз. — Я доставил вам голову вероломного Сян Юя. С ним и с его армией покончено!..

Лю Бан шагнул вперед, поднял крышку, ухватил голову врага за волосы и высоко поднял над головой, не обращая внимания на капли крови, маравшие его драгоценный халат. Толпа взвыла. Сян Юй остановившимися мертвыми глазами взирал на ликование победителей.

— Кончено! — провозгласил Лю Бан, осторожно укладывая голову обратно. — Воины! В честь великой победы мы будем сегодня пировать! Гвардейцы ответили одобрительным ревом. Со всех концов огромного поля, заполненного шатрами, неслось: «Многая лета повелителю! Многая лета!» Лю Бан, поманив за собой Гуань Ина, вернулся в свой шатер.

…Пятый год длилась кровавая междоусобица в Поднебесной. Пятый год сражались Сян Юй с Лю Баном — и вот наконец силы Сян Юя иссякли: с последней сотней тысяч воинов чуский полководец оказался окружен под Гайся. Полководцы Лю Бана обложили Сян Юя тройным кольцом — казалось, вырваться из такого окружения не по силам никому. Спустилась ночь. Желая окончательно подорвать боевой дух Сян Юя и его воинов, Лю Бан отдал приказ войскам петь у костров чуские песни — так, по его хитроумному замыслу, у противной стороны должно было

создаться впечатление, будто и в родных землях владения Чу у нее уже нет поддержки, ибо чуские жители, все как один, перешли на сторону Хань-вана и ныне, сидя бок о бок с былыми врагами, ждут лишь рассвета, чтобы приступить к решительному штурму и покончить с Сян Юем. Дабы проверить, осуществился ли его замысел, Лю Бан привычно прибег к помощи волшебного Дракона и увидел Сян Юя у жаровни, в которой ярко пылал огонь: встревоженный доносившимися чускими песнями полководец сперва прислушался недоверчиво, а потом в замешательстве обернулся к ближним военачальникам, бывшим при нем, спросил их о чем-то, с силой ударил кулаком по столику, где стояли чаши с вином, и опрокинул их. По лицу Сян Юя текли слезы, он обернулся к красавице Юй, к которой, как доподлинно знал Лю Бан, питал особые чувства, не расставаясь с ней ни на минуту, — красавица опустила руки на струны циня и запела, вторя Сян Юю… Потом уже Лю Бан узнал, что Сян Юй вопросил приближенных о том, неужели ханьцы полностью овладели землями Чу, раз среди них там много чуских жителей? Не получив ответа, полководец в отчаянии зарыдал и сложил стихотворение:

Я силою сдвинул бы горы,
Я духом бы мир охватил.
Но время ко мне так сурово,
У птицы-коня нету сил,
А раз у коня нету силы,
То что я поделать могу?
О Юй моя! Что же мне делать?
Ужель покориться врагу?

Именно это стихотворение и пели Сян Юй с красавицей под звуки циня, но тогда Лю Бан, лишенный возможности слышать, видел лишь отчаяние, которое охватило Сян Юя. Нельзя сказать, что картина эта наполнила сердце Лю Бана злорадной радостью, — нет, в ту минуту Хань-ван почувствовал жалость к врагу, испытал сочувствие к этому своенравному, гордому человеку, выбравшему в жизни неверный путь… Главное, однако, было сделано: в сердцах воинов Сян Юя поселилось неуверенное сомнение, граничившее с отчаянием. Сян Юй уверился, что его предали. Но Лю Бан хорошо понимал: одной хитрости в грядущем сражении недостаточно. Конечно, часть воинов утром скорее всего сложит оружие, но гвардейцы без боя не сдадутся…

Придется проливать кровь — еще и еще.

Так и вышло: во главе почти тысячи лучших и самых преданных всадников Сян Юй, не дожидаясь утра, вырвался из окружения и ударился в бегство. Вослед были высланы пять тысяч конных воинов под командованием Гуань Ина — и вот теперь Гуань Ин вернулся. С головой Сян Юя.

— Как это произошло? — вопросил Лю Бан Гуань Ина, усевшись в шатре на возвышении и знаком приказав поднести военачальнику вина. — Я хочу знать подробно.

— Повелитель! — почтительно заговорил Гуань Ин, приняв из рук слуги чашу с вином. — Согласно вашему повелению, мы неотступно преследовали беглого Сян Юя до самой реки. Самозваному ба-вану удалось переправиться, и в этот момент с ним оставалось не более сотни всадников, но Сян Юй сумел сильно от нас оторваться. Мы потеряли бы в поисках много времени, если бы беглецы не сбились с дороги и если бы деревенский старик вместо верного пути не направил бы их прямиком в топкое болото; здесь мы настигли Сян Юя. Был бой, и ему сызнова удалось ускользнуть, сохранив не более тридцати всадников. Видя, что поражение неизбежно, самозваный ба-ван пустился на хитрость, разделив свой отряд на четыре части; мы же не ведали, в какой из них пребывает он сам. Воины Сян Юя дрались отчаянно, и наши потери оказались очень велики, но в конце концов мы сумели прижать беглецов к реке. Повелитель! — Гуань Ин взглянул на Лю Бана. — Увидев безнадежность своего положения, Сян Юй, будучи весь покрыт ранами, громко рассмеялся в лицо командующему Люй Ма-туну и покончил с собой, перерезав горло. Сян Юй знал, что за его голову назначена высокая награда, и перед смертью сказал командующему Люю, что оказывает ему милость. Вот как было дело.

В шатре воцарилось молчание: Лю Бан в глубокой задумчивости пощипывал бородку, не произнося ни слова, сидевший перед ним на пятках Гуань Ин не осмеливался нарушать течение мыслей повелителя.

— Какая злая судьба и нелепая смерть… — наконец пробормотал Лю Бан. — Повелеваю подобающим образом оплакать Сян Юя, пусть будут соблюдены все должные ритуалы, а сам он — погребен с почестями.

— Велика милость повелителя! — отозвался Гуань Ин, кланяясь. — Повелитель воистину умет оценить настоящее мужество и не пренебрегает достоинством поверженного врага! Многая лета! Многая лета!

— Теперь, — переждав славословия, продолжил Лю Бан, — перед нами осталось лишь одно владение. Присоединим Лу —

объединим Поднебесную.

— Дозволит ли повелитель ничтожному слуге своему немедленно выступить в поход и покарать правителя и жителей Лу за неповиновение? — вскинулся Гуань Ин. — Дозвольте истребить непокорных!

— Разве мало пролито крови? — спросил Лю Бан. — Жители Лу свято чтут долг, они крепки в ритуалах и скорее, как один, сложат головы за своего правителя, нежели сдадутся. Много ли чести и отваги в том, чтобы истребить их? Да, лусцы остались верны Сян Юю. Но они не ведают про то, что самозваный ба-ван нынче отправился к Желтому источнику, добровольно расставшись с жизнью, что войско его рассеяно и сложило оружие, что власть повержена в прах. Повелеваю тебе, предводитель Гуань, взяв пять тысяч всадников и голову поверженного ба-вана, скакать в Лу, но не обнажать против лусцев оружия и не грозить им истреблением. Прибыв на место, тебе следует встретиться с правителем княжества и показать ему голову Сян Юя. После этого Лу сдастся миром. Ступай! — отпустил Лю Бан предводителя конницы. оставшись один, Лю Бан некоторое время сидел на возвышении, потирая рукой давно зажившую рану от стрелы Сян Юя, а потом печально пробормотал:

— Сколь же тяжко быть избранным Небом…

Эпизод 15
Особенности ночных прогулок по Пекину

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Много позднее, воскрешая в памяти события того вечера, Котя так и не смог понять, почему он вдруг безоговорочно поверил Сергею. Чижиков долго вспоминал все детали их нежданной встречи в мельчайших подробностях — что именно, что конкретно, какое слово или, может, жест Сергея стали последней каплей. Скорее всего, это было ясное как день чувство: Сергей не кривит душой. А Чижиков всегда доверял своим ощущениям. В Бога Чижиков никогда не верил, с духами не сталкивался, а потому иногда в трудных ситуациях фаталистически отдавался на волю ощущений.

Даос-пофигист.

Видимо, так случилось и с Сергеем… «Но вы, кажется, совсем не удивлены? — изумленно спросил тот. — Или вам уже известно… про Вилена Ивановича?» — «Известно, — улыбнулся Котя. — Я же сказал, что так до фига знаю — голова пухнет. Но я-то ладно, а вот вы откуда об этом знаете, дорогой Сергей?» — «Видите ли… — замялся тот, пряча глаза. — Дело в том, что… — Потом все же решился, взглянул на Чижикова прямо: — Я член одной древней организации, которая уже давно негласно следит за всеми известными предметами». — «Клана Желтого императора, что ли?» — наугад брякнул Чижиков и угадал. «Но откуда вы…» — у Сергея от неожиданности глаза на лоб полезли…

Пришлось Коте признаться, что судьба свела его с неким Алексеем Борном, принадлежащим к этому же клану. Но слова «…вы должны его знать, раз он из ваших, Борн же питерский!» вызвали живейшее недоумение у Сергея. Сергей захлопал глазами, округлил от удивления рот, после чего выдавил, что никакого Борна знать не знает, а в Петербурге, сколько ему известно, есть лишь один представитель клана, и это он, Сергей. «Здесь какой-то страшный обман! — встревоженно воскликнул он. — Я представления не имею, кто этот человек, но раз он выдает себя за члена нашего клана, то он знает слишком много».

Котя тут же с готовностью подтвердил: да, Борн буквально завалил его подробностями — из повседневной жизни предметов и их, так сказать, владельцев. Нет никаких сомнений в том, что Борн знает более чем достаточно. «И кто же он в таком случае? — вполне резонно спросил Чижиков. — Представим себе, Сергей, что вы мне сказали правду, я вам поверил и мы на одной стороне…» В ответ Сергей возмущенно зашевелил губами, но тут же поник: все верно, имеете право. «отбросим ту малую возможность, — продолжал Котя, — что вы чертовски талантливый актер и играете сейчас свою роль столь убедительно, что у меня и сомнений нет в том, какой вы хороший, а Борн, напротив, плохой. опустим все это. И зададимся вопросом: кем может быть Алексей Борн, если он не принадлежит к вашей, гм, организации, добровольно рассказал мне массу подробностей о предметах, хотя мог бы запросто в бараний рог скрутить, а кроме того, еще и спас два раза: от гопников в подворотне, которых явно послали для того, чтобы отнять у меня Дракона, и от тех же гопников на пути в аэропорт? еще хочу вам… Слушай, может, давай уже на «ты» перейдем? Да? отлично!.. Так вот, еще учти: не далее как сегодня Борн ворвался в квартиру моего пекинского друга и выбил моему другому другу зуб, в котором оказался замаскированный передатчик офигенной мощности и наикрутейшей технологии. То есть Борн, получается, опять сделал мне хорошо. При этом он, по твоим словам, врет о том, что принадлежит к клану Желтого императора… Так кем он может быть?»

Сергей стойко проглотил вопросы, которые у него явно возникли по ходу Котиного монолога, и в ответ тезисно обрисовал уже знакомую Коте со слов Борна картину: о хранителях, идущих от начала веков, и о людях, проникших в тайну предметов и стремящихся получить их любыми способами и не чурающихся при этом любых методов. охотников. «Вероятно, этот Борн из последних, — резюмировал Сергей. — есть, правда, одна легенда… Согласно ей, в древности существовали две группы, стремившиеся к контролю над предметами: наш клан и клан Красного императора. И если мы всегда стремились поддержать естественный ход вещей, то клан Красного императора жаждал заполучить как можно больше предметов для своих целей. Но этот клан, по слухам, был уничтожен давным-давно. Точнее не скажу. Я человек не слишком опытный — вот и с тобой такая петрушка вышла… Я же не знал! Я думал — ты человек случайный…» — «А теперь, выходит, ты узнал, что я человек неслучайный, — усмехнулся Чижиков. — И что же или кто же тебе столь широко на меня глаза раскрыл?» — «В нашем

клане есть свои каналы связи. Вот я и получил… разъяснения, — сказал Сергей. — И про деда твоего. Но рассказать тебе подробнее не имею права». — «Тайны, у всех тайны!.. — вздохнул Котя. — ладно. У меня у самого полно тайн, в которые я тебя пока посвящать не собираюсь. К делу. Как я найду дедушку? Это хотя бы тебе сообщили?» — «Нет, — растерянно развел руками Сергей. — Сказано было: обязательно найти Вилена Ивановича. Ну… а я тебе в этом должен помочь». — «Поня-а-атно… — протянул Чижиков, хотя ничего понятно ему не было. Ситуация напоминала историю с Никой: нужно спереть у Цинь Ши-хуана одну вещь, но какую именно — я не знаю, это вы определите сами. — Здорово. ладно, если так, давай номер телефона, что ли. Чтобы я мог тебе позвонить, когда надо будет помогать». — «Надо, наверное, торопиться, — сказал Сергей, пока Котя заносил его номер в мобильник. — Этот Чижиков-второй тоже ищет твоего дедушку. Но, сколько я знаю, пока безрезультатно». — «еще бы! — хмыкнул Чижиков. — Дед всегда умел прятаться… Чижиков-второй, говоришь?..»

«Погоди-ка! — Сергей предостерегающе поднял руку, прислушался. — Что-то происходит…» Котя тоже обратился в слух: от особняка донесся резкий стук двери, голоса — разговаривали на повышенных тонах, но слов было не разобрать. «Что-то происходит… — передразнил он Сергея. — Да ничего особенного. Просто они обнаружили наконец, что на территории посольства сейчас находятся два Чижикова: я и двойник. Вот и все». — «Тогда тебе срочно нужно уходить…» — тревожно прошептал Сергей. «Не так сразу, — остановил его Котя. — Сначала я хочу все же сделать то, зачем пришел сюда». — «А зачем, кстати, ты здесь?» — запоздало поинтересовался Сергей. «Да хотел, понимаешь, посмотреть на Чижикова-второго. очень мне стало, Сережа, интересно, до жути просто». — И Котя, пригнувшись, двинулся вдоль кустов в сторону особняка. «Может, не стоит, а?» — но видя непреклонность Чижикова, Сергей лишь махнул рукой и пристроился следом. Перед особняком стояли двое: Высоков и… Чижиков. осторожно выглянувший из-за куста Котя видел отчетливо: вот он — я, причесочка волосок к волоску, костюмчик за пару тысяч долларов, а то и дороже. Чижиков-второй взмахнул рукой — блеснула дорогостоящая запонка.

«Так вот ты какой…»

— …И где он? Где? — спрашивал Чижиков-второй не терпящим возражений тоном у Высокова, застывшего перед ним по стойке «смирно». — Это ваше посольство или проходной двор, я спрашиваю?

— Мое, — кивнул Высоков. — есть еще посол, но…

— Никаких «но»! Никаких! — покрутил у него перед носом украшенным солидным перстнем пальцем Чижиков-второй. — Кто у вас на воротах, Владимир Федорович? олух какой-то. Вы не предупредили его, что за мною выслали машину, я вас спрашиваю?

— Предупредил, — опять кивнул Высоков. — Но…

— Опять это отвратительное слово! — Чижиков-второй шумно выдохнул. — Вот что, Владимир Федорович. Давайте договоримся: это слово я слышал от вас в последний раз. Теперь. Вы понимаете, что данная накладка может нам слишком дорого стоить? Вы отдаете себе отчет в том, что по посольству разгуливает… наследник… и одному богу известно, что он тут успел вынюхать и к каким последствиям это может привести?

— Так точно.

— «Так точно», — передразнил Высокова Чижиков-второй. — Так какого дьявола вы тут стоите и ничего не делаете, я вас спрашиваю? На территории опасный террорист! Так и скажите людям: террорист. В маске Константина Петровича. ловите его, ловите! Вперед! Ну! Высоков щелкнул каблуками и умчался в темноту, а Чижиков-второй раздраженно вытащил из внутреннего кармана портсигар, достал оттуда сигариллу и, отвернувшись к особняку, щелкнул зажигалкой.

— Видишь? Видишь? — прошептал Коте в самое ухо нависший над его плечом Сергей. — Вылитый ты. Я же говорил.

— Неужели я такой жлоб?.. — задумчиво проговорил Чижиков. — Чудовищно.

— Нет, я не в этом смысле. Я в смысле того, что вы похожи как близнецы.

— Пойдем-ка… — Котя осторожно сдал назад. — Ты прав, Сергей, пора мне отсюда мотать. И побыстрее. Где, говоришь, тут ближайшая стена, через которую можно перелезть?

— Зачем стена? — удивился Сергей. — Я тебя через задние ворота выведу. Только пошли быстрее. Могут объявить тревогу. И Сергей потянул Котю за собой. Незаметно они перешли на бег — промчались мимо девятиэтажек, вспугнув дрыхнувшее под деревьями семейство белых кроликов, свернули направо и вдоль невысокой стены побежали к тускло светившимся задним воротам, небольшим, но с непременной будкой охраны. По пути Котя наскоро «пробил» Высокова: тот орал в телефонную трубку, и рядом носились люди в костюмах. Началось… Когда до ворот осталось всего ничего, Котя и Сергей перешли на шаг.

— Веди себя непринужденно, — краем рта инструктировал Сергей. — Ты — Чижиков-второй, а я тебя провожаю.

— Я для солидности по телефону поговорю? — спросил Котя.

— Запросто!

— Алло, Дюша… — Чижиков быстро набрал номер. — Срочно будь в такси у задних ворот посольства. Срочно!

— Понял, — прогудел в ответ Громов. До будки оставалась пара шагов. Поздновато! Надо было раньше Громову позвонить. А вдруг машины не окажется? А вдруг?..

— …Было очень приятно, Константин Петрович, — громко заговорил Сергей, услужливо пропуская Чижикова вперед в узкую калитку. — если вы позволите, мы завтра с вами свяжемся, — продолжал он. — К этому времени все будет уже ясно.

— Договорились, — надменно кивнул Котя. — Только до пяти часов дня меня не тревожьте. Я буду занят. Надо порешать кое-какие вопросы. охранник, до того с ленцой смотревший на них из своей будки, тут же вскочил и изобразил почтение.

— Хорошо-хорошо, Константин Петрович, — с легким подобострастием потер руки Сергей, сладко улыбаясь. «Все же артист!» — усмехнулся про себя Чижиков. — Как скажете, как скажете… На столе перед охранником зазвонил телефон.

— Пока, — сделал ручкой Котя, выходя на улицу и переводя дух.

— До свиданья, до свиданья, Константин Петрович! — махал ему рукою вслед Сергей. Ну где же ты, Громов?! Котя оглянулся: в конце темной улицы появились огни фар автомобиля. Быстрее, ну быстрее же!!!

Чижиков перешел пустынную улицу, свернул навстречу огням, перешел на быстрый шаг.

— Константин Петрович! — понеслось от ворот. — Задержитесь, пожалуйста, на минуточку! Нужно уточнить кое-какие детали! Константин Петрович!

— Завтра, все завтра! — на бегу отмахнулся Котя, не оглядываясь.

Послышался топот: за ним бежали тоже. Автомобиль — такси! — затормозил рядом, задняя дверь распахнулась.

— Поехали, поехали! — крикнул Чижиков, падая на заднее сиденье и чуть не выронив из рук драгоценный рюкзак с зеркалом.

— Гони, мусульманин, — по-русски скомандовал водителю Дюша. — Давай, ну! Маленький щуплый китаец понял без перевода: втопил в пол педаль газа — машина аж подпрыгнула и понеслась вперед по улице. Мимо промелькнули ворота: у самой решетки с совершенно растерянным видом застыл, разведя руки, Сергей, над ним возвышался Высоков.

— Какого черта вы проявляете инициативу, ласточкин! — орал Высоков. — Разве это ваше дело — провожать гостей?!

— Так, Владимир Федорович, я же ничего такого… — слабо оправдывался Сергей. — Константин Петрович попросил показать выход… И тут такси умчалось прочь.

— Чего там? — повернулся с переднего сиденья Громов. — Ну иди, иди уже, — выпустил он из объятий Шпунтика. Кот устроился рядом с Чижиковым. Весь его вид говорил: ну, и почему меня в машине оставили? Я бы тоже с удовольствием побегал на свежем воздухе.

— Хреново, Дюша, — тяжело дыша, отвечал Котя. — Все правда: двойник. Я его видел. Мужик зажиточный. Упакован — закачаешься: запонки, булавка алмазная в галстуке, портсигар серебряный… На Высокова кричал как на мальца. Высоков, кстати, с ним заодно…

— Дела-а-а… — прогудел Громов. — Я, признаться, до конца так и не поверил в двойника-то. Сам придумал, а потом: не может быть, ну не может быть!.. хотя с вами во что угодно уже поверишь… Э! Э! Куда?! Такси резко затормозило. Громов чуть не треснулся головой о лобовое стекло. Водитель, распахнув дверь и чудом увернувшись от Дюшиной лапищи, выскочил наружу и с пронзительным криком «помогите! помогите! помогите!» помчался куда-то в ночь.

— Ну что ты скажешь… — огорченно выдохнул Громов. — Недалеко уехали. Кажется, дальше придется пешком, Кость…

— А ты что, водить не умеешь? — судорожно оглянувшись, спросил Чижиков. от посольства в их направлении двигались огни как минимум двух машин.

— Во-первых, не умею, а во-вторых, тут машину такси угонять себе дороже, — отрезал Громов. — У вас-то все рассосется, и вы уедете… надеюсь… а мне тут еще жить и жить. Ну что, так и будешь сидеть, как памятник Чижику-пыжику, или уже сделаем ноги наконец?! Мне базары с посольскими совсем не с руки!

— И куда? — выбравшись из такси, заозирался Чижиков. — Ты тут ориентируешься?

— Плохо, — обнадежил Громов и кивнул в сторону слабо освещенного переулка. — хутунами оторвемся.

— хутунами? — удивился Котя, устремляясь за приятелем. — Их же все к олимпиаде срыли, я читал! Кот-кот-кот, за мной! Давай немного побегаем.

— Может, в твоей версии Китая и срыли[11], — бросил на ходу Дюша. — А у нас так ревностно охраняют. Быстрей давай. они ворвались в переулок, пробежали мимо пристроившегося у стены небольшого мангала, на котором пожилой китаец жарил мелкие шашлычки, раздувая огонь с помощью электрического фена для сушки волос. Чуть не опрокинули пару карликовых

столиков, где с бутылками пива расположились клиенты шашлычника, — и устремились вглубь. Несмотря на всю драматичность ситуации, Чижиков не мог не отметить, что переулок полон жизни и людей: тут и там работали мелкие — буквально на три столика — закусочные, торговали миниатюрные магазинчики, а народ так и сновал. Петляя между беспорядочно припаркованными машинами и невпопад поставленными велосипедами, беглецы вынуждены были умерить шаг. Шпунтика, впрочем, все эти препятствия не останавливали — кот был далеко впереди, высоко поднятым хвостом указывая путь.

— Так куда мы? — повторил вопрос Чижиков.

— Теоретически, — отвечал Громов, — если мы продеремся на запад, то там будет офигенный буддийский храм и рядом с ним метро. Или такси. Это теоретически.

— А практически?

— А практически — как получится, — вздохнул Дюша. — Хутун может вдруг упереться в бок какой-нибудь мегагостинице — и все, кранты. Но хуже другое: у них есть машины.

— Они могут нас обогнать? — сообразил Котя. — Могут перекрыть дорогу?

— Запросто, — кивнул Громов. — Я же тут плохо ориентируюсь, а посольские — прекрасно. Да уйди ты! — пнул он торчавший посреди дороги велосипед.

— Нормальная перспектива… — пробормотал Чижиков. Зеркало в рюкзаке буквально жгло ему спину: чертовски глупо будет вот так бездарно его потерять. Пока же они двигались вперед без особых помех, и возмущенные крики владельца повергнутого наземь велосипеда затихли позади. Котя приободрился: может, проскочат? Может, обойдется? Может, повезет? И зачем он только полез в посольство! ой дурак, дурак… Везение кончилось минут через десять.

— Приехали… — сообщил шедший первым Громов, останавливаясь рядом с очередным скоплением велосипедов. Впереди, на перекрестке, стояла, преграждая путь, посольская машина. А перед ней — Владимир Федорович Высоков собственной персоной. И еще два господина в пиджаках и галстуках.

— Константин Петрович! — издали окликнул Чижикова Высоков. — Не угодно ли будет проехать с нами? Нужно уточнить несколько важных моментов. Надолго мы вас не задержим, а потом доставим в любое место по вашему выбору.

— Нет, спасибо, Владимир Федорович! — ответил Котя. — Сейчас я слишком занят. Возможно, мы вернемся к моментам на днях.

— Нет-нет-нет, Константин Петрович, — укоризненно покачал головой Высоков и сделал пару неторопливых шагов вперед. — Вы же сами знаете, что наши с вами важные моменты совершенно не могут ждать.

— Подождут, уверяю вас! — ухмыльнулся Котя и вежливо шаркнул ножкой. — Что такое пара дней рядом с вечностью, Владимир Федорович?

— Да вы философ, Константин Петрович! — хищно улыбнулся Высоков, приближаясь еще на шаг. — Ну так давайте поедем в приличный ресторан и предадимся там философской беседе. Можете и вашего невысокого приятеля взять с собой. его мы тоже накормим.

— Спасибо, Владимир Федорович, я сыт! — отвечал Чижиков исподволь озираясь: справа была отвесная стена и слева тоже. он оглянулся: сзади приближались еще двое в пиджаках. окружили. — Дюша, ты как, не проголодался?

— Абсолютно нет, — исподлобья глядя на Высокова, бросил Громов.

— Ай-ай-ай, Константин Петрович, — погрозил пальцем Высоков. — Зачем вам лишние трудности? Зачем эти хлопоты? Мы же все равно поедем туда, где сможем уточнить моменты. Вы ведь понимаете?

— Сейчас… — вдруг шепнул Громов.

Котя сперва не понял, что приятель имеет в виду, но в следующее мгновение, когда Высоков и прочие пиджаки рванулись к ним, Чижикову стало ясно, отчего Громов так внимательно следил за преследователями: Дюша просто высчитывал момент, когда Высоков и компания нападут.

Громов отпихнул Котю в сторону, и изумленный Чижиков, припав к шершавой кирпичной стенке, мог только наблюдать, как — словно в замедленной съемке — в бегущих посольских полетели сразу два велосипеда, а третий Громов со всего размаха швырнул в тех, что налетели сзади. Четвертый велосипед, благо в Хутуне их было в избытке, описал в воздухе сложную восьмерку и обрушился на Высокова, но тот с непостижимой скоростью отпрянул в сторону и отбил колесо взмахом ноги, а потом высоко подпрыгнул и всем весом обрушился на Дюшу. Громов крякнул, не смог устоять на ногах и с грохотом рухнул в оставшиеся велосипеды — только жалобно тренькнули звонки.

Котя еще только отрывался от стены и становился в стойку, а Высоков был уже перед ним. Расслабленный, невредимый, отставив мизинец, поправлял узел галстука. Все прочие преследователи были выведены из строя — лежали недвижно, один тихо стонал. — Константин Петрович, Константин

Петрович, — насмешливо покачал головой Высоков, глядя на выставившего кулаки Чижикова, — что вы, как маленький, право…

Договорить он не успел: за спиной Высокова, словно Терминатор из обломков, восстал Громов — на лице бешенство и кровь — и от души огрел Владимира Федоровича очередным велосипедом. Высоков даже не дрогнул. — Не надо меня перебивать! — крикнул он, мгновенно развернувшись к Дюше и открытой ладонью отбив очередной удар. Чижиков видел: Дюша ошеломлен, растерян. — Не лезьте, куда не просят!

Высоков легко выдрал из громовских лапищ велосипед и отбросил в сторону, подобрался. Чижиков отчаянно кинулся на Высокова сзади, со всей силы двинул кулаком в поясницу и почувствовал, будто ударил по деревяшке; Высоков же в ответ лишь плечом шевельнул — но Котя, как мячик, отлетел обратно к стене и с размаху шмякнулся о нее, отчетливо почувствовав спиной зеркало в рюкзаке.

Секундной заминки хватило на то, чтобы Громов поднял над головой очередной велосипед — кажется, последний.

— Дурачок… — с непонятной грустью прошептал, глядя на него Высоков. — Прощай, мой хороший… В бессильной ярости держась за онемевшую руку, Котя смотрел, как он надвигается на Громова: небольшой человек — на великана с велосипедом в руках, и великан отчего-то все не решается ударить.

— Шашлычка не хотите? — раздался вдруг спокойный насмешливый голос.

Чижиков обернулся: неподалеку от машины стоял Алексей Борн, в неизменных черных очках, и с интересом разглядывал постепенно приходивших в себя посольских. В руке Борн держал шашлычок на деревянной палочке и с удовольствием поедал мясо, а в другой — целый пучок таких же.

— Как намусорили-то, — несильно пнул Борн в бок привставшего на колени мужика в пиджаке, и тот рухнул на землю. — Товарищи китайцы теперь полночи убирать будут. И полицию уже, поди, вызвали. Так что насчет шашлычка? Пока горячие.

— Идите отсюда, молодой человек, — велел Борну Высоков, поправляя галстук. — Не вашего ума это дело.

— Вон как… — удивленно протянул Борн и безо всякого перехода метнул шашлычки в лицо Высокову.

Последовавшее за этим вновь напомнило Чижикову высокобюджетный гонконгский боевик, но уже из жизни современных гангстеров, отменно владеющих кун-фу: Борн и Высоков сцепились в узком пространстве Хутуна, осыпая друг

друга ударами, хекая и хакая, периодически высоко подпрыгивая, при необходимости бегая по стенам — уследить за мельтешением рук и ног Котя не мог. Громов тоже — несколько раз он порывался огреть Высокова велосипедом, но сдерживал замах, видя, что не поспевает.

Рисунок стремительного боя неожиданно поменялся: Борн упал. Вскочил, прыгнул — Высоков снова отбросил его мощным ударом. У Чижикова сжалось сердце: хоть отношение его к Борну и было, мягко говоря, сложным и противоречивым, Котя отчего-то почитал Алексея непобедимым — а тут на его глазах Борна избивали, безжалостно и беспощадно. И похоже, Борн не мог ничего больше предпринять. он скорчился на земле, прикрыв голову руками и подтянув ноги к животу, а Высоков, все так же картинно поправив галстук и парой раздраженных движений наведя порядок в прическе, шагнул к поверженному противнику.

— Когда я говорю, что это не вашего ума дело, я именно это имею в виду, — ровным голосом, словно не он секунду назад махал руками и ногами в бешеном темпе, произнес Высоков. — Ты! — ткнул он пальцем в Чижикова. — Не уходи никуда! Ты следующий! — Высоков занес ногу для удара.

Чижикову вдруг стало наплевать на то, что будет с ним дальше. Такое безумие уже пару раз накатывало на Котю — когда они с боями прорывались через древнекитайскую сильно пересеченную местность. Чижиков оторвался от стенки, нашарив здоровой рукой стоявшую неподалеку короткую метлу, шарахнул метлой о ближайший угол и, выставив перед собой импровизированный шест, молча двинулся на Высокова.

— О, какой конек-горбунок! — издевательски улыбнулся тот, так и не добив Борна. Поставил на Алексея ногу и развернулся к Чижикову. — Что вы намерены делать с этой зубочисткой, Константин Петрович? осторожно, не попадите себе в глазик!.. Что же вы, Константин Петрович… Смотрите, сколько из-за вас неприятностей! — Вдали послышались завывания полицейской машины. — А ведь могли бы сделать все без надрыва, тихо…

Чижиков его не слушал. он просто шел на Высокова, не думая о том, что будет делать, когда уже сможет наконец достать его палкой.

— Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся! — неожиданно вырвались у Коти бессмертные строки Гомера. — Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе, если, восстав, наложу на тебя необорные руки… При известии о «необорных руках» Высоков насмешливо скривился.

— Образованность свою желаете показать, Константин Петрович? Ну-ну. Подходите, не стесняйтесь.

Вероятно, исход битвы для Чижикова был предрешен, если бы с крыши на голову Высокову не обрушилась серая молния. Молча. Но стремительно и эффективно. Высоков вскрикнул, замахал руками, пытаясь схватить нападающего, но тот оказался слишком быстр: в момент лицо Владимира Федоровича оказалось разодрано, в разные стороны полетели клочья волос, а серая молния скользнула по спине, проехалась по ногам и, трубно заорав, взлетела по груди, попутно превратив в лохмотья галстук с рубашкой. Высоков вхолостую хлопнул себя по груди — какое там! его уже с упоением драли сзади, потом снова спереди, потом котомолния метнулась на ближайшую крышу, крутанулась, на секунду стала Шпунтиком и вновь спикировала на макушку совершенно дезориентированному Высокову.

— Глаз! Гла-а-а-аз!!! — вдруг завопил Владимир Федорович, прижав руки к лицу.

— Котейко, поберегись!!! — взревел Дюша.

Многострадальный велосипед, утерявший большую часть присущих ему деталей, погнутым рулем врезался Высокову в затылок. Потеряв равновесие, Высоков нелепо зашатался, цепляясь ногами за велосипедные обломки.

Ярко вспыхнули фары. — В сторону! — крикнул Чижиков. — Дюша, в сторону!

Громов отпрыгнул, Высоков не успел — и ожившая посольская машина с короткого разбега припечатала его к стенке. За рулем скорчился Борн.

Дюша уронил велосипед.

Высоков отнял руки от лица. Вид его был ужасен: физиономия вся в кровавых шрамах, вместо правого глаза — багровый сгусток, изорванный пиджак в темных потеках, клочья рубашки на исцарапанной груди. Высоков коротко хекнул, уперся руками в капот, напрягся… Машина вздрогнула. Борн взрычал мотором и прижал Высокова сильнее.

— Что это за монстр? — потрясенно выдохнул Громов.

— Высоков Владимир Федорович, — тихо ответил Чижиков. — Не видишь, что ли? Мутант. Киборг из будущего. А впрочем, не спрашивай. Сам не знаю… — он шагнул к машине, открыл водительскую дверцу. — Как ты?

— Бывало лучше, — болезненно сморщился Борн в ответ, грудью лежа на руле. очков на Борне больше не было. — Так, будто поиграл в салочки с бешеным бульдозером… Алексей сплюнул на приборную доску кровавую слюну.

— Пошли отсюда. — Котя потянул Борна за локоть.

— Не трогай! — вяло отдернул локоть тот. — Уходите сами… И быстрее… Я не знаю, сколько еще смогу удерживать это… —

кивнул он на Высокова, не оставлявшего попыток сдвинуть мерно рычавшую мотором машину с места. — Со мной все будет хорошо, друг мой ситный… — через силу улыбнулся Борн Чижикову. — Ты… Ты только помни, что… никто не приведет тебя посмотреть на день завтрашний… и ты не узнаешь, зачем и для кого хранил то, что мог использовать для себя… Помни о предназначении… — голос Борна делался все тише. — Каждый выбирает свое предназначение сам, понял?.. Не делай глупостей… Не делись тем, что предназначено тебе одному… оно дано тебе и только тебе… Случайностей не бывает… Это нужно одному! Понял? Понял?! — неожиданно схватил Чижикова за руку Борн, притянул к себе.

— Ты не из клана Желтого императора, — прошептал Котя.

— Клан?.. — Борн поморщился. — Какой клан… Так, прикрытие… обладание предметами… дело индивидуальное, одинокое… Когда у тебя предмет, нельзя ни с кем объединяться… в кланы… Вся эта дружба, спасение мира, высшие идеалы… другие тебя все время используют в своих интересах… а ты веришь и знать не знаешь… Дурачок… — Алексей зашептал быстрее, разноцветные глаза его лихорадочно блестели. — Пойми, ты избранный, волк-одиночка, и тебе одному решать, как обойтись с этим даром… на что направить, как употребить, что хорошо, а что нет… Ты должен сам, а иначе… — Борн замолк.

— Алексей! Алексей… — потряс его за плечо Чижиков. — он умер? Умер?!

— Он вырубился, — сказал Дюша, отодвинув Котю и бегло осмотрев Борна. — Думаю, у него куча переломов. Но пульс есть.

— Давай заберем его с собой!

— Не думаю… — Дюша с беспокойством оглянулся. К ним быстро приближалась сирена — видимо, полицейским наконец удалось очистить Хутун от велосипедов. — Надо уходить, Кость. они, — ткнул Громов пальцем через плечо, — помогут лучше, чем мы, поверь мне. А нам, если мы не хотим долго и нудно объясняться с полицией, лучше слинять отсюда прямо сейчас. Черт, этот гад и мне пару ребер сломал…

— Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный, хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь. хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный, молча сидел?.. — задумчиво пробормотал Чижиков и позволил Громову увлечь себя в темноту.

* * *

С крыши Шпунтик некоторое время наблюдал, как пришедшие в себя люди в пиджаках помогают друг другу подняться на ноги; как из подъехавшего фургончика с мигающими на крыше красно-синими лампочками высыпает целая толпа людей в форме и окружает поле боя; как Алексея Борна осторожно вытаскивают из машины, кладут на носилки и уносят; как отгоняют машину, а на другие носилки укладывают того, второго, изодранного — он ловко прикинулся раненым и даже стал стонать, но кот знал, что это обман; как из окрестных домов сначала опасливо, а потом, точно горох из стручка, сыплются местные жители; как подъезжает еще одна машина и из нее выходит человек в фуражке и солидном мундире, а вместе с ним и европеец в костюме… Потом коту надоело, и он канул в ночь — следом за хозяином.

Эпизод 16
С помощью друзей

Китайская Народная Республика, Пекин, Май 2009 года

Чижиков ехал в такси и думал: как хорошо, что он уговорил Сумкина вернуться в гостиницу. Потому что если бы еще и Федор, тряся раненой челюстью, побегал вместе с ними по хутунам, а потом поучаствовал бы в битве на велосипедах, сейчас бы великий китаевед трещал как заведенный, воспевая как свои заслуги и страдания, так и непреходящий идиотизм окружающих. А так — на рюкзаке уютным клубком свернулся Шпунтик, рядом с водителем угрюмо застыл Громов, они в такси — едут по ночному Пекину на улицу Маляньдао.

Друзья благополучно избежали столкновения с полицией, умылись в укромном темном уголке из-под торчащего из стены крана, по возможности, на ощупь привели себя в порядок. Громов повязал на лоб громадный носовой платок, чтобы скрыть глубокую царапину. Котина рука, отбитая о Высокова, начала отходить — к счастью, обошлось без травм, чего нельзя было сказать про Дюшу: он периодически хватался за бок — видимо, диагноз бывшего борца был верен, и ребра если и не были сломаны, то уж лишние трещины в них точно появились…

Когда Громов и Чижиков неспешно, не привлекая внимания, вышли на оживленную улицу, Шпунтик как-то сам собой образовался рядом. Такси нашлось почти сразу же.

— …Он назвал меня невысоким, — прервал затянувшееся молчание Дюша.

Чижиков посмотрел на Шпунтика. Шпунтик посмотрел на Чижикова.

— Да, это несправедливо, — задумчиво пробормотал Котя. — На самом деле ты высокий. Высокий

— Высоков — Гао. Так кто же вы, Владимир Федорович? Стальной человек в овечьей шкуре или беспринципный киборг из далекого будущего, а кровь-то течет? В любом случае, остановить вас можно только многотонным катком или промышленным пневматическим прессом — да и то, если кто-то очень сильный вас некоторое время подержит, чтобы вы, упаси бог, куда-нибудь не смылись, тогда в результате полного расплющивания вы, глядишь, и перестанете функционировать. А что делать таким,

как мы с Громовым? Как заманить вас под каток, Владимир Федорович?..

Чижиков положил руку на рюкзак и уставился в окно — такси как раз неслось по очередной дорожной развязке, на которые столь богат нынешний Пекин. Мимо один за другим проносились фонари ограждения. Путь пролегал над городом, на уровне третьих-четвертых этажей высоток — внизу были видны крыши и огни улиц. Вжик-вжик-вжик — мелькали светлячки фонарей… убаюкивая Котю… Высокий — Высоков — Гао… глаза его незаметно закрылись…

Четвертый сон Константина Чижикова

…Лицо — неподвижное, холодное, бледное, безжизненное. Смутно узнаются черты — Высоков, но какой-то не такой. Другой и прежний одновременно — Чижиков не может разобраться. Котя опускает глаза и видит: тело Высокова облегает плотный черный комбинезон, повторяющий каждый изгиб, липнущий, точно вторая кожа. Под голый, без единого волоска, затылок подведены два светящихся кабеля, из виска торчит устройство, напоминающее антенну, но значительно сложнее — Чижиков не в состоянии понять, что это такое и к чему оно. Котя разглядывает лицо Высокова — знакомое и чужое. Вдруг черты Высокова начинают смазываться, словно кто-то невидимый проводит по стеклу, на котором нарисовано это лицо, влажной губкой. Миг — и черты лица снова обретают четкость и глубину: Котя видит все того же Высокова, но только теперь это китаец, с длинными иссиня-черными волосами, собранными на затылке и скрепленными шпилькой; на Высокове роскошный тяжелый халат, расшитый лотосами. «Советник Гао!» — осознает Чижиков, хочет отпрянуть, но не может. Он вдруг понимает, что Высоков-Гао его не видит, а потому можно не бояться, — и тут черты лица советника опять начинают смазываться, а затем обретают новую плоть. На сей раз Высоков — римлянин, с орлиным надменным взором и золотым венцом в кудрях, но вот и этот образ стирается, а на смену ему является Высоков-пират — с острыми усиками и бородой-эспаньолкой, один глаз перехвачен черной шелковой лентой, на заросшей буйными кудрями голове треуголка. Дальше Высоков — лощеный гитлеровский офицер, в черном мундире и фуражке, и у него взгляд убийцы. Потом он — хлыщ с прилизанными волосами, одетый в серую невзрачную пиджачную

пару, а на лацкане комсомольский значок.

Еще, еще, еще! — бесчисленные личины Высокова сменяют друг друга слишком быстро, Коте уже не до деталей, перед глазами пляшут цветные пятна и…

* * *

— Эй, брат! Приехали! — тряс Чижикова за плечо Громов. он стоял у распахнутой дверцы такси. — Выходи уже со своим котом.

Котя очнулся, отер холодный пот со лба. Судорожно огляделся по сторонам — предчувствовал увидеть рядом прозрачного, но нет, ни малейшего намека. Да что это происходит такое?!

— Не понимаю… — пробормотал он, не трогаясь с места. Куда приехали? Зачем? Какой в этом толк — когда вон какая силища. Тысячелетняя…

— Чего ты не понимаешь? — терпеливо спросил Дюша. — хотя да, извини, вопрос дурацкий.

Шпунтик прыгнул хозяину на колени и ткнулся мордой в руку.

— Не понимаю, что делать дальше, — снизу вверх жалобно взглянул на приятеля Чижиков. — Совсем я запутался.

— Вот это мне хорошо понятно, — усмехнулся в бороду Громов. — А уж я-то как запутался — страсть!

— Погоди, дай сообразить… — Котя почесал в затылке, пытаясь поймать ускользающую мысль. отдернул руку от рюкзака. Мысль. Ведь только что была, маячила на расстоянии вытянутой руки — и сгинула, растаяла, оставив после себя отчетливое горькое послевкусие.

— Я-то погожу, но наш героический водитель ждет, когда мы уже умотаем из его машины, — заметил Дюша. — Ты, может, дома сообразишь? Девушку Чэнь надо отпустить, опять же. Сколько ж она мою хату будет сторожить…

Чижиков резко выпрямился.

«Господи! Дед! Что же я раньше-то!..»

— Нет-нет, — вдохновленный внезапно пришедшей мыслью, Котя отрицательно помотал головой. — Домой мы не пойдем. Не сейчас. Ты вот что, Дюша, садись-ка обратно… Твой партнер, Гу Пинь, где сейчас?

— Ну… — Громов погрузился обратно на переднее сиденье, и машина ощутимо просела. — Сейчас дальше поедем, — успокаивающе махнул он рукой водителю. — Наверное, в лавке. У

нас сегодня завоз, так что… Позвонить?

— Позвони, — кивнул Котя. — он мне очень нужен. И поехали в лавку.

* * *

Гу Пинь оказался на месте. В лавке прибавилось картонных ящиков — больших, с написанными от руки иероглифами на боках: видимо, тот самый завоз. Китаец проглядывал какие-то бумаги — за узким столом у дальней стенки, но при виде входящих Чижикова и Громова отложил их, встал и, широко улыбаясь, пошел навстречу.

— Добрый вечер, добрый вечер! — поприветствовал он приятелей, извлек из-за ящиков два потрепанных стула и установил около своего стола. — Извините за беспорядок и тесноту. Я не успел разобрать товар. Андэли должен был сегодня прийти еще днем, но задержался, — и Гу Пинь с легким упреком взглянул на Дюшу. Глаза его округлились. — Андэли! Что с тобой? Это кровь? У тебя на лице?

— Да, Гу, — подтвердил Громов. — Это кровь.

— Что случилось? — всполошился китаец. — Надо врача? Полицию? Кэсыцзя… Вас побили?

— Ничего не надо, уважаемый Гу, — улыбнулся Чижиков. — Спасибо за заботу. Произошло… маленькое недоразумение. Всего лишь несколько царапин. ерунда.

— Ну как же… — всплеснул руками Гу Пинь. — Это может быть опасно. Заражение. Воспаление. Инфекция.

— Нет-нет, Гу, не бери в голову, — прогудел Дюша. — Все нормально.

— Да? — недоверчиво спросил китаец. — Кэсыцзя… Это связано с тем, о чем я думаю? — обернулся он к Чижикову. — У тебя хотели что-то отнять?

— Вроде того, — кивнул Котя. — Но не отняли. Мне друг помог, — хлопнул он по плечу Громова. — И кот, — улыбнулся он Шпунтику.

— Друзья — это важно, очень важно, — закивал Гу Пинь с пониманием. — Может, вы хотите чаю? — поднял он глаза на Чижикова. — Или ваш кот хочет поесть?

— Ничего он не хочет, — глянул на принюхивавшегося к коробкам Шпунтика Чижиков. — А если и хочет, то потерпит. Извините за беспокойство, уважаемый Гу, но у меня к вам есть просьба.

— Простите… — Гу Пинь опять улыбнулся. — Все никак не

могу привыкнуть к тому, как здорово вы говорите по-китайски… Какая просьба?

— Точнее, у меня их несколько, этих просьб… Не знаю, могу ли я обременить вас ими? У вас тут так много дел…

— Уважаемый Кэсыцзя! — Гу Пинь сделал многозначительную паузу. — Вам известно, что нас связывает нечто большее, чем простое знакомство и общий друг Андэли, и это, безусловно, дает вам право обременять меня просьбами. хочу сказать вам откровенно, что не могу точно гарантировать выполнение ваших просьб, но определенно сделаю все, что от меня зависит… и что не повредит мне.

— Вот тут я не понял, — вклинился Громов, — какую связь нужно осуществить? Ты, брат, все же делай скидку, что у меня с китайским плохо.

— Да мне, Дюша, в Интернет надо попасть, понимаешь? — исказил суть беседы Чижиков. — Вот только в голову стукнула отличная идея, и я хочу срочно ее проверить. А из дома опасаюсь, — добавил он. Гу Пинь бросил на Котю быстрый взгляд. Кажется, китаец понимал по-русски значительно лучше, чем делал вид. Что ж, оно и понятно.

— Так у нас тут есть Интернет! — Громов поднялся. — На второй этаж, вон по той лесенке. Рюкзак, кстати, можешь прямо тут бросить.

— Ага, спасибо, Дюша. Я тогда не буду вам мешать какое-то время, — Котя тоже встал, но с рюкзаком не расстался. — Дюша, ты действительно пока царапины промой как следует. Ну и ребра… Может, повязку там наложи, я не знаю… А я постараюсь побыстрее.

Получив от Гу Пиня еще один внимательный понимающий взгляд, Чижиков, сопровождаемый Шпунтиком, двинулся к указанной лестнице. лестница оказалась узкая, крутая, а второй этаж — всего лишь небольшой комнатой, уютной настолько, насколько может быть уютным офис торговцев чаем, который одновременно является комнатой отдыха. Тут тоже был стол с могучим стационарным компьютером, шкаф с посудой и прочей полезной ерундой вроде подарочной упаковки для чая, а также мягкий диван и пара стульев.

— Прелестно… — Котя огляделся, снял рюкзак, извлек из кармана Дракона и уселся на стул.

Шпунтик немедленно забрался на рюкзак и погрузился в кошачью нирвану.

Чижиков положил Дракона перед собой на стол и некоторое время сосредоточивался: сейчас понадобятся все силы, а после встречи с Высоковым их осталось не так много.

Дед.

Дед Вилен.

Уж коли он не только припрятал Дракона в бюстике Председателя Мао, но еще и разыграл собственную смерть, а сам в строжайшей тайне подался в Китай, то кто, как не он, должен быть в курсе происходящего! Или по крайней мере знать, как происходящее объяснить и — главное! — куда двигаться дальше. Потому что, несмотря на всю искренность монолога раненого Борна, Котя по-прежнему продолжал верить в дружбу, людскую привязанность, любовь и вовсе не желал признавать, что все вокруг только и делают, что врут в корыстных интересах и безжалостно используют друг друга. Котя верил в то, что дед Вилен сможет дать ответы хотя бы на некоторые вопросы. Ведь это его родной дед.

Остались сущие пустяки.

Найти одного человека в огромном Китае. Среди полутора миллиардов китайцев.

Судя по тому, что Чижиков видел в последний раз, когда «пробивал» деда, обитал тот в Пекине — по крайней мере, так решил Котя, исходя из своих скудных представлений о Китае. Теперь Котя не был в этом уверен: на месте деда Вилена Чижиков как можно скорее и незаметнее перебрался бы в самую отдаленную глушь, затерялся бы, растворился в необъятных просторах китайской глубинки. Чтобы никто не нашел. А в том, что дед Вилен имеет все основания скрываться, Котя теперь был убежден. Стремительные события жизни научили.

Чижиков вдохнул полной грудью и выдохнул. Решительно взял Дракона, воскресил в памяти образ Чижикова-старшего — не памятного по петербургской жизни крепкого старика, а того нового деда, что сидел на лавочке рядом с пожилой китайской женщиной. И, зажмурившись, сжал Дракона в ноющем от удара по Высокову кулаке.

И дед явился. он снова был на лавочке — на сей раз один, без птички в клетке, без спутницы и без привычной кружки с чаем. Правда, на столе стоял небольшой термос и лежала газета. Дед сидел, неторопливо курил трубку с длинным прямым мундштуком и маленькой чашечкой — и глядел в бездонное небо. Позади деда виднелась кирпичная серая стена, и на той стене отчетливо, крупно были выведены мелом иероглифы — семь штук, причем в одном Котя с ходу опознал цифру «пять». Вынув мундштук изо рта, дед задумчиво заглянул в чашечку, постучал ею о лавку, выбивая пепел, достал из кармана кисет и стал набивать трубку наново. Было видно: дед Вилен сидит тут уже давно. основательно сидит. Ждет.

Котя вывалился из видения. отер пот.

«Так… Иероглифы. Вот то, чего мне не хватало. И если там есть цифра, значит, скорее всего, это адрес».

Наконец-то!

Осталась малость: адрес прочитать. Амулет-переводчик такой возможности носителю не давал. Устная речь — пожалуйста, а вот письменный, печатный текст оставался для Чижикова полной тарабарщиной, и в этом смысле он был сродни Громову, выбиравшему блюда в ресторанах по картинкам в меню.

Но не зря Котя, в долгий ящик не откладывая, помчался с Дюшей к Гу Пиню. Природный китаец Гу Пинь читать иероглифы умеет. К тому же он — человек, в события вокруг зеркала не вовлеченный, а с другой стороны, о предметах Гу Пинь знает, и, судя по всему, на этой почве за прошедшие пять минут они с Чижиковым умудрились заключить молчаливый союз, не сказав притом ни одного лишнего слова. Прямо «братство кольца» какое-то.

Гу Пинь поможет.

Осталось только записать иероглифы. Всего-то. ерунда. Знать бы еще, как их писать правильно… Но особого выбора у Коти не было. он нашел среди бумаг на столе чистый лист, положил перед собой, взял в правую руку ручку, в левую — Дракона и снова «пробил» деда.

Чижикову понадобилось пять попыток и почти все силы, чтобы более или менее похоже воспроизвести — криво нарисовать? — те иероглифы, что были написаны мелом на стене за дедом Виленом. Проведя последнюю черточку, он в изнеможении откинулся на спинку стула. Усталый, но довольный. Шпунтик, возлежавший на рюкзаке в позе сфинкса, будто понимая, что происходит важное, внимательно посмотрел на хозяина.

— У тебя под рукой… тьфу ты, под лапой нет случайно бутылки холодной минеральной воды? — с вялой улыбкой спросил Котя Шпунтика. — Во рту пересохло. Кот в ответ лишь моргнул.

Чижиков еще пару минут посидел, приходя в себя, потом встал и на нетвердых ногах спустился вниз. Умытый и намазанный мазью Дюша ворочал коробки. Гу Пинь, сдвинув очки на кончик носа, сверялся с листком бумаги. При появлении Коти оба обернулись.

— Уважаемый Гу… не могли бы вы пройти со мной наверх? Нужна ваша помощь с компьютером, — попросил Чижиков. Дюша вопросительно глянул на него, и Котя успокаивающе прикрыл веки: все нормально.

— Конечно, конечно! — Гу Пинь с готовностью встал. — Андэли, ты тут пока проверь позиции номер двенадцать и семь, ладно? Должно быть пять коробок одной и три второй.

— хорошо, — буркнул явно обиженный Громов.

— Спасибо, Дюша, — посмотрел на него Котя. — Как ребра?

— Да ладно, брат, — махнул рукой Громов, смягчаясь. — Нормально все. Синяк только будет здоровый.

Наверху Чижиков усадил Гу Пиня за стол перед компьютером и положил перед ним листок.

— Написано криво, уважаемый Гу. Я не умею писать по-китайски.

— Да что вы? — Гу посмотрел на Котю поверх очков. — Но это написали вы?

— Ну да, — смущенно признался Чижиков.

— Но как же?..

— У меня свои пути, — со значением ответил Котя, вспомнив Нику и Фэй луна.

— А! Конечно, конечно, — закивал Гу Пинь. — Понимаю.

— А не могли бы вы сказать, что… гм… тут написано?

— Это… — Китаец сосредоточился на листке, задумчиво стал писать невидимые иероглифы пальцем на столе. — Написано отвратительно… о, простите. Конечно. Итак, это адрес. если вы не ошиблись, шествуя своими путями, то тут сказано: «Вэйминцунь, Бэйцзе, номер пять». Вэйминцунь — это село Вэймин, смешное такое название, потому что «вэймин» значит «безымянный», Бэйцзе — Северная улица, ну а «номер пять» — номер дома, не иначе.

— А вот это село Вэйминцунь… где оно расположено?

— Можно посмотреть… — Гу Пинь притянул к себе клавиатуру, набрал сетевой адрес. — Самая крупная китайская поисковая система, — прокомментировал он возникшее на экране окно. — Так… Вэйминцунь… Сейчас… — Гу погрузился в изучение открывшихся ссылок, защелкал мышью. — Возьмите там, в холодильнике, холодной воды, Кэсыцзя, — не отрываясь от экрана, предложил он. — Я вижу, вам надо.

Котя открыл маленький холодильник, притулившийся у шкафа: там действительно нашлась вода. Чижиков открыл бутылку и с наслаждением отпил.

— Кэсыцзя, — позвал его Гу Пинь. — если отбросить все не относящееся к населенным пунктам, то остается поселок неподалеку от города Чунцина, а также небольшое село под Турфаном. Но, как я вижу, в том Вэйминцуне, что у Чунцина, нет никакой Северной улицы. А про Вэйминцунь, что под Турфаном, ничего сказать не могу: сведения отсутствуют. Каким из двух сел

вы интересуетесь?

Котя задумчиво покрутил в руках бутылку.

— А этот Чунцин… он большой?

— Ну… Миллионов тридцать пять там живет.

— А в Турфане?

— Тысяч триста.

— Мне кажется, я интересуюсь тем Вэйминцунем, что под Турфаном, — решил Чижиков. — И… простите мне мою серость, уважаемый Гу, но где конкретно находится Турфан?

— В Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

— А как туда попасть, уважаемый Гу? — спросил Чижиков. — Мне очень важно попасть туда как можно скорее. Помогите, прошу. У вас есть машина?

* * *

— О, чаек! — обрадовался Сумкин, входя в лавку «Русско-китайского чайного дома». — Прелестно! Привет, Дюша. Будь немедленно другом и напузырь мне самого вкусного чая в самую изящную и приятную глазу чашечку! Ах, вечер в Пекине, в самом сердце знаменитого чайного района! отдохновение души и прочих частей тела!.. А где прочие фигуранты? И вообще, что происходит? Уже кто-нибудь объяснит мне толком? Я, между прочим…

— Федор Михайлович!

— А! Мой неприкаянный друг-одноклассник! Чертовски приятный вечерок! Да-да, зубик уже почти не болит, и благодаря целебным китайским мазям почти спала опухоль… о! Добрый вечер. Разрешите представиться: Фэйцзя Сумэйцзин, китаевед. Ученый.

— Гу Пинь, продаю чай. очень приятно, очень. По-русски ваше имя Федор? Правильно?

— О, вы прекрасно говорите по-русски!

— А вы — по-китайски!

— Федя… — Громов переместился за широкий стол для дегустации чая. — Феденька, тебе какого именно чая напузырить?

Чижиков про себя усмехнулся: уж больно забавен был огромный Дюша, называющий Сумкина Феденькой.

— Садитесь, пожалуйста, садитесь! — Гу Пинь убрал с прохода пару коробок и пододвинул табуретки. — Выпьем чая. Семилетний пуэр будет в самый раз, Андэли. Громов кивнул и стал рыться в бумажных пакетах. Достал из одного блин прессованного чая и отломил изрядный кусок.

— Ну-те… — Сумкин огляделся. — Уважаемый Гу, тут можно курить? А то у меня серьезная травма лица, нужно снимать боль никотином…

— Разумеется! — Гу Пинь поставил перед великим китаеведом пепельницу. — Вы знаете, Фэйцзя, я поражен: за короткий срок я встретил уже двух русских, говорящих на моем языке чуть ли не лучше, чем я сам. Где вы учились?

— В ленинградском университете, — отвечал Сумкин, принимая из рук Громова небольшую чашечку. — Старая школа. Палочная муштра. он яростно оторвал у сигареты фильтр.

— К делу, друзья! — Чижиков утвердил на столешнице локти. — У меня созрел план… Федор Михайлович, я тебе потом все расскажу в мельчайших подробностях…

— В самых мельчайших! — ткнул в Котю пальцем Сумкин. — В самых!

— Да, только сейчас слушай и не перебивай, ладно?.. хорошо. — Котя прочистил горло. — Итак, у меня есть план. И для того чтобы он был успешно осуществлен, мне нужна помощь каждого из вас. При этом я заранее приношу вам извинения, что сейчас не могу открыть больше, чем необходимо, и прошу вас всех поверить мне на слово: так надо. если кто-то из вас — в том числе вы, уважаемый Гу, — не согласен с этим условием, пусть скажет.

Воцарилось молчание.

— Да ладно, брат, — буркнул Громов. — За кого ты нас принимаешь? Даже обидно.

— Что за фигня! — желчно выкрикнул Сумкин. — В иных обстоятельствах я вызвал бы тебя на смертельную дуэль на мясорубках, но сейчас… — он махнул в сторону Чижикова сигаретой.

— Я не возражаю, — коротко поклонился Чижикову Гу Пинь.

— Спасибо, — голос Коти дрогнул: единодушие собравшихся, даже Гу Пиня, который видел Чижикова второй раз в жизни, тронуло его почти до слез. — Тогда… Дюша, я буду говорить по-китайски, но постараюсь попроще, ладно? Нужно будет сделать следующее…

* * *

— Отлично. Просто прекрасно… — Чижиков обошел вокруг стоящего посреди Дюшиной гостиницы Сергея. На нем был джинсовый Котин костюм, а также кепка с длинным козырьком, закрывавшим лицо. И черные очки. — И на свету-то похож, а уж в

темноте и подавно. Чижиков-третий.

— Ну да, ну да, — пробурчал Сумкин, борясь с горячей лапшой с мясом: есть великий китаевед хотел изрядно, но жевать было еще больно. — Вылитый Чижиков. И рост, и фигура. Но главное, чтобы незамутненность совпадала. Чтоб прямо-таки зашкаливала. Сергей, как у вас с незамутненностью?

— Костя, извини, конечно, но как ты его терпишь? — спросил Сергей, указав на великого китаеведа. — он же всех оскорбляет, на каждом шагу!

— Он забавный… — Громов подошел сзади к громко чавкающему Сумкину и нежно погладил его лапищей по лысеющей голове. — Кушай, маленький, кушай, ушастый. Не бойся, они тебя не стукнут. Я не позволю.

— И показывать пальцем некрасиво! — поддакнул совершенно удовлетворенный Сумкин. — Дюша, дай пива!

— Федор Михайлович, заканчивай уже жрать, — велел Чижиков. — Так, Сергей, все понял? В ближайшие часы ты — Чижиков Константин Петрович. Дюша и Федор тебя сопровождают. Вместо кота возьмете с собой пустую переноску.

— Зачем пустую? Во! — Громов положил на стол здорового плюшевого кота с идиотской улыбкой на розовой морде.

— Спасибо, — поблагодарил Чижиков и засунул игрушку в переноску. Пристроил мордой к выходу. Шпунтик наблюдал за ним вытаращенными глазами. — очень похож. Значит, как договорились: выходите, ни в чем себя не стесняя, шумно ловите такси и едете на вокзал. Ну и дальше по плану. Морочите голову тем, кто за вами будет следить.

— Уж сегодня я ни в чем себя не стесню, уж я заморочу, — сварливо пообещал Сумкин, прикладываясь к пивной бутылке. — Не волнуйся, старик. Мы будем неподражаемы.

— Верю, — улыбнулся Чижиков. — И… Сергей, спасибо тебе, что сразу откликнулся. Что согласился помочь.

— Не за что! — Сергей крепко пожал Коте руку.

— Ну все. На выход, — скомандовал Чижиков и выключил свет.

Он проследил, как троица погрузилась в лифт, и осторожно закрыл дверь. В квартире стало совсем темно. Новый замок вместо сломанного Громов вставил еще час назад — сразу после того, как отпустил дежурившую в незапертой квартире соседку с ее любимым хомяком. Правда, Чэнь не удержалась и выпустила Кьюху погулять на стол в кухне, а хомяк, воспользовавшись случаем, обильно на том столе поднасрал. Дюша счел это проявление хомячьей распущенности малой платой и, не сказав дурного слова, тряпкой смахнул какашки в помойное ведро…

— Ну что, кот, — тихо сказал Шпунтику Чижиков. — Пойдем и мы, да?

Он забросил за плечо рюкзак, подхватил тощую сумку с необходимыми вещами и втихаря покинул квартиру. Шпунтик легко скользил следом. Спускаться пришлось пешком — крадучись, Котя преодолел девять этажей вниз и, никем не замеченный, просочился к двери черного хода. Дверь была закрыта на замок, но у Дюши нашелся ключ. Замок чуть слышно скрежетнул и открылся.

Душная майская ночь встретила Чижикова.

Котя, а за ним Шпунтик прошли по узкому проходу между стеной дома и забором — до небольшой калитки, запертой на обычную щеколду. щеколда тихо лязгнула, беглецы выскользнули на боковую улицу, и Чижиков аккуратно прикрыл калитку. Слева шумела моторами и сверкала огнями реклам улица Маляньдао, справа метрах в пяти стояла машина с выключенными фарами. Котя уверенно к ней направился. Распахнулась задняя дверца — в темном салоне за рулем сидел Гу Пинь.

— Вот и мы, — негромко сказал Котя, устраиваясь сзади и сажая Шпунтика рядом. — Я лягу, уважаемый Гу, чтобы меня не было видно. — он тихо, без хлопка, закрыл дверь.

— Хорошо, — тихо сказал китаец. — Теперь в аэропорт?

— Да, теперь в аэропорт, — кивнул Чижиков.

* * *

Шпунтик заслуженно считал себя героем.

Ну как же! За короткое время он сумел совершить столько славных подвигов, что, по скромному мнению Шпунтика, хозяин был теперь просто обязан кормить его до конца жизни исключительно свежим мясом с рынка.

Во-первых, кот спас туповатую дуру-мышь, на поверку оказавшуюся хомяком по имени Кьюха. особым умом хомяк, как выяснилось, не блистал и в этом смысле от дуры-мыши ушел совсем недалеко, но зато послужил хозяину и его знакомым хотя бы тем, что недальновидная владелица склонного к спонтанным путешествиям Кьюхи осталась сторожить квартиру вместо Шпунтика и справилась со своей задачей вполне удовлетворительно: никто не пришел и никто не ушел. Шпунтик не знал, как у этой странной женщины обстояло дело с тем, чтобы разодрать в кровь незваных гостей, но в том, что она при необходимости умеет очень громко орать — как, впрочем, и все человеческие женщины, — кот убедился. И смело занес спасение

хомяка себе в положительный актив, несмотря на то что огромный пытался заслугу Шпунтика присвоить себе. Сперва обидевшись, кот рассудил, что это личное дело совести огромного. Потому что правду не скроешь.

Дальше Шпунтик вывел на лестницу Бритого, который устроил налет на их с хозяином новую квартиру и даже повредил вонючего Сумкина. Коту было совершенно очевидно, что без него никто с Бритым не справился бы. Бритый из всех уважал только его, Шпунтика. И когда Шпунтик убедительно попросил, Бритый тут же ушел. Чем не подвиг?

Правда, потом Бритый зачем-то вернулся — наверное, заела совесть. Вернулся и вмешался, когда они с хозяином и огромным так славно бегали по темным улицам, а их вдруг решили схватить за шкирку злые люди. Ясно было, что хозяин просто так подобного поведения не оставит — вот-вот вытащит веник, а уж тут держись. Правда, с хозяином был огромный, и уж что-что, а размер Шпунтик всегда умел оценить по достоинству. Кот сидел на крыше и с удовольствием наблюдал за разворачивающимся внизу сражением, видя, что совершенно не ошибся: огромный как начал кидаться велосипедами, как начал! Всех злых с ног посбивал. Кроме одного — тот был особо упорный и крепкий. Никак не поддавался и даже огромного на землю уронил. И тут хозяин достал веник… Шпунтик понял: сейчас начнется самое страшное, самое ужасное — и поспешил вмешаться. Кот твердо знал: когда хозяин возьмется за веник, будет беда, просто беда. А потому кинулся на особо крепкого и отделал его когтями, пока не дошло до крайности. Это тоже был подвиг. И суть его состояла не в том, что Шпунтик легко заборол Крепкого и даже разодрал ему всю морду, но в том, что хозяин веник в ход так и не пустил, и мир устоял.

Так что когда хозяин на ночь глядя услал прочь всю стаю и оставил при себе одного Шпунтика, кот понял, что его таланты и подвиги наконец оценены по достоинству. Так, собственно, и должно было быть. Ценить своего незаменимого кота — это нормально. еще каких-то пару лет — и, глядишь, бестолковость и непонятливость сойдут с хозяина, подобно ненужной шелухе. Шпунтик в хозяина верил. И когда тот предложил ему пойти прогуляться вдвоем — только он и Шпунтик, кот с готовностью согласился. хозяин сказал: «Пойдем и мы». Мы — как это правильно звучит, как подобающе! Шпунтик собрался в момент.

Прогулка, правда, оказалась недолгой: сначала Шпунтик и хозяин спускались по лестнице вниз, причем хозяин все время призывал кота быть тише. И это говорил человек, которого слышно за сто метров, даже если он крадется босиком! Шпунтик

показательно преодолел пару лестничных пролетов туда и обратно совершенно беззвучно, но хозяина это отчего-то не убедило. ладно. Потом они вышли на улицу, и кот решил было, что сейчас он и хозяин отправятся исследовать какие-нибудь особо интересные кусты, раз уж на крышу не полезли, но вместо этого Шпунтика опять запихнули в машину.

В машине неприятно пахло, а за рулем сидел человек в очках, которого кот пару раз уже видел. Было неуютно, к тому же хозяин зачем-то разлегся на сиденье и так лежал всю дорогу, не давая Шпунтику выглянуть в окно. Неподалеку притаилось Тепло, так что кот особенно не переживал. А после началось интересное.

Да, Шпунтик всегда знал, что его хозяин — человек справедливый, даже при всех его недостатках. Но не знал, что до такой степени. Ведь хозяин открыл рюкзак, где лежало Тепло, и предложил Шпунтику забраться туда! Не ожидал кот от хозяина такого щедрого понимания, не ожидал. Шпунтик окончательно уверился: он герой, и это — заслуженная награда. С радостью в рюкзак полез, воссоединился с Теплом и, не обращая внимания на толчки и забыв про время, нежился и нежился, нежился и нежился, нежился и нежился… Пока хозяин рюкзак снова не открыл…

И — началось.

Эпизод 17
Дед Вилен и другие

Китайская Народная Республика, село Вэйминцунь, Май 2009 года

— Хорошего дня, дядюшка. А где тут Северная улица?

Именно с таким вопросом, перейдя грунтовку, по которой пылил, уменьшаясь в размерах, рейсовый автобус, обратился Чижиков к сидящему на обочине уйгуру: средних лет мужичку, худому, дочерна загорелому, в грязной серой майке, поверх которой красовался видавший виды засаленный пиджак. Уйгур, лихо сдвинув на затылок выцветшую тюбетейку, расслабленно расселся на деревянном ящике, перед которым, на газетке, расположились связки красного перца. Сбоку к ящику были прислонены диковинные весы в виде полированной палки с делениями и железной чашки для взвешивания товара, что крепилась к палке веревкой. Уйгур, с любопытством рассматривавший Котю с тех самых пор, как тот сошел с автобуса, улыбнулся. Пришли в движение редкие усики на верхней губе, засверкали на солнце белые зубы.

— Северная-то? — спросил уйгур, смерив Чижикова оценивающим взглядом.

— Ну да, Северная. Это ведь Вэйминцунь?

Чижиков не понимал, что уйгур в нем сыскал особенного: Котя был одет в похожие, видавшие виды хлопчатобумажные штаны (исходного синего цвета), в почти свежую футболку, а также в безликий темно-синий пиджак.

Все это Чижиков предусмотрительно приобрел в городе Урумчи, куда долетел самолетом из Пекина безо всяких осложнений. Чижикова словно вела некая высшая сила: в пекинском аэропорту он вдруг решил, что самым правильным способом провести с собой Шпунтика на борт самолета — будет посадить его в рюкзак с зеркалом. Даже не решил, но внезапно понял, прозрел, что сделать надо именно так, и это будет правильно и сообразно. Более того, раскрывая перед котом зев рюкзака, Котя ни мгновения не сомневался, что кот пойдет туда без споров и сомнений; так и вышло.

При посадке, на проверке багажа, Чижиков бестрепетно положил сумку и рюкзак с зеркалом и котом на ленту

транспортера и, когда все это уехало во чрево просвечивающей ручную кладь машины, не испытал ни тени волнения. И действительно, не заревела тревожная сирена, не кинулась к рюкзаку со всех ног служба безопасности, а китайская женщина, взиравшая на экран, пропустила рюкзак без единого замечания. Прицепилась к сумке — туда Чижиков бросил пару бутылочек пекинской народной — и со строгим выражением лица покрутила перед Котиным носом пальчиком: ноу-ноу-ноу, сэр! А потом отобрала бутылочки. Шпунтик же проехал как по маслу. Словно так оно и надо. Словно кота вообще в рюкзаке не было.

В самолете Чижиков обеспокоился, что Шпунтик может взбунтоваться и взалкать свободы, и потому при первой удобной возможности стащил рюкзак с багажной полки и положил в ногах. Приоткрыл, но кот лежал тихо, ничем не выдавая своего присутствия. Когда самолет приземлился в Урумчи, выйдя на улицу, Котя первым делом проверил кота — может, Шпунтику стало плохо, может, кот вообще при смерти, — но из темноты рюкзачного нутра на него глянула вполне довольная жизнью кошачья морда. «Ну ты даешь, мой хвостатый друг…» — только и нашелся сказать донельзя удивленный Чижиков и застегнул рюкзак.

Шпунтик не подавал о себе вестей на всем пути из аэропорта в город. он молча сидел в рюкзаке, пока Котя, незаметно оглядывая окружающих, вдумчиво выбирал себе новую одежду — такую, чтобы не очень выделяться на общем фоне. Урумчи, казалось, был приспособлен для этого лучше прочих китайских городов: помимо китайцев здесь ходило-бродило великое множество уйгуров, строение лиц которых было Коте куда ближе и привычнее.

Шпунтик вел себя как паинька, и когда Чижиков покупал на вокзале билет до Кашгара — в целях запутать следы он планировал покинуть поезд раньше, а дальше добираться до цели автобусами.

Котя не стал себе ни в чем отказывать и закупил целое купе, все четыре места. До отправления поезда оставалось время, и тут Чижиков, уже всерьез озабоченный поведением своего любимца, нашел укромный уголок, где вытащил Шпунтика из рюкзака и, невзирая на растущее кошачье недовольство, осмотрел его с ног до головы. Все оказалось в полном порядке: кот как кот. Нормальный, довольный жизнью. Довольный жизнью — в рюкзаке?! Нет, все же не совсем нормальный. Чижиков лишь вздохнул в изумлении, когда Шпунтик, пописав под ближайшими чахлыми кустами, раздраженно втянул ноздрями воздух, а потом направился прямиком к рюкзаку и уселся рядом — с

требовательным выражением на морде.

«Ну, знаешь…» — сказал ему Котя.

Посадка на поезд также прошла без осложнений: Чижиков, соблюдая полную осторожность, разжился в сувенирной лавке могучей соломенной шляпой и слегка испачкал ее подвернувшейся под руку грязью, дабы выглядела позатрапезнее. В толпе пассажиров он легко просочился в свой вагон и там, открыв рюкзак, дабы ненормальный кот мог выйти на свободу, если ему приспичит, стал сквозь щелку между занавесками осторожно наблюдать за платформой. Котины конспирологические усилия увенчались успехом: он с изумлением увидел на перроне… себя, то есть Чижикова-второго. Вообще-то того трудно было не заметить: Чижиков-второй выделялся среди аборигенов, словно фрукт ананас в груде мелких зеленых яблок. он был экипирован как истинный англосакс, что гордо несет на плечах бремя белого человека[12] пробковый шлем, грязно-желтый костюмчик сафари, высокие волосатые гетры и могучие желтые ботинки на толстой подошве. На груди у Чижикова-второго болтался фотоаппарат, за спиной висел огромный рюкзак. На эту дивную картину заглядывались не только местные дети, но и видавшие виды уйгурские аксакалы.

Подавив смешок, Котя продолжал наблюдать за двойником, а тот топтался по перрону в явном замешательстве, периодически поднимаясь на носки и явно кого-то высматривая. «Меня ищет, должно быть, — решил Котя. — Или Высокова потерял». В любом случае, присутствие двойника на вокзале в Урумчи было плохим знаком, просто отвратительным — значит, Чижикова как-то проследили. Как?.. Пару часов назад звонил Сумкин, докладывал: отвлекающий маневр в виде его, Громова и переодетого Чижиковым Сергея сработал на ура — операция обрубания хвоста прошла успешно, Сергей даже узнал одного из следивших — это был человек из посольства; разрешите пуститься во вдумчивый загул?.. Выслушав Федора, Чижиков вытащил из телефона симку и сжег ее при помощи зажигалки, а сам аппарат безо всякой жалости растоптал каблуком. Так что проследить по мобильнику его никак не могли. Значит, или преследователи знают, куда надо ехать, или у них есть иные способы отслеживать перемещения Чижикова-первого.

Последнее Коте совсем не понравилось, а потому он решил незаметно выйти из поезда — и даже раньше, чем планировал. Сказано — сделано. Правда, пришлось покидать купе через окно и на ходу — когда поезд только тронулся, но Чижиков справился, благополучно скатился по насыпи и залег в ближайших кустах, прижимая к груди нехитрый скарб. Вослед хозяину, вертя хвостом

для устойчивости, метнулся Шпунтик и заинтересованно затаился рядом, ожидая продолжения столь бурно начавшейся игры. однако из поезда за ними никто не последовал, так что Котя полежал-полежал да и отправился разыскивать ближайший населенный пункт с автобусной станцией. Именно после этого новая одежда Чижикова приобрела неповторимый лоск поношенности.

Трясясь в пожившем автобусе, Чижиков глядел в окно. Мимо пробегали однообразные, не блиставшие роскошью, но ухоженные деревеньки, мелькали трудолюбиво возделанные поля, проскакивали редкие пруды с садками для разведения карпов, а вдали синели горы. Несколько раз Котя наблюдал верблюдов и ишаков — во всей их неизбывной красе, не говоря уже о ничем не примечательных низкорослых лошадях, запряженных в телеги и тележки. «Азия-с! — думал Чижиков. — Крутая Азия…» ехать предстояло еще полтора часа: именно столько, согласно расписанию, требовалось рейсовому автобусу, чтобы добраться до богом забытого села Вэйминцунь…

Побег из Пекина тоже прошел как по маслу: прибыв на вокзал, Сумкин, Громов и Сергей, совершенно не скрываясь, купили билеты на самые разные направления (Котя щедро субсидировал расходы), а потом по этим самым направлениям и разъехались, чтобы сойти на ближайшей станции и вернуться обратно в Пекин. Сергею было велено героя из себя не разыгрывать и, едва сядет в вагон, сразу снять очки с кепкой, чтобы любому было видно: это никакой не Чижиков.

Оставалась некоторая вероятность, что преследователи зайдут слишком далеко и пожелают взять языка — для последующего вдумчивого допроса, но общий совет в Дюшиной квартире счел такую вероятность исчезающе малой. И кроме того, никто — ни Сергей, ни Сумкин, ни Громов — и понятия не имел, куда отправился настоящий Чижиков. А значит, не мог и рассказать. Но риск все равно был. И они сознательно пошли на риск. Слава богу, все прошло без осложнений!

Выдвигая свой план, Котя не был уверен в том, что все с ним согласятся — особенно Сергей, которого Чижиков знал без году неделя, однако ни одного возражения не последовало. Даже Сумкин не язвил, не обличал, не читал нравоучений и не похвалялся мудростью: надо — значит, надо! Кто тебе поможет еще, если не друзья? Нет, ну правда, старик…

Котя в наплыве эмоций с трудом удержался от того, чтобы не обнять великого китаеведа и не облобызать его от избытка чувств. Может, и зря удержался. Когда теперь свидятся?..

На вопрос, что случилось в посольстве после бегства

Чижикова, Сергей пожал плечами: он очень удачно прикинулся простачком-служащим, которого высокий гость, торопясь по крайне неотложным делам, попросил показать, где ближайший выход. И, разумеется, Сергей этот выход гостю незамедлительно показал. откуда ему было знать, что здесь что-то не так, — тем более, советник Высоков, покричав на Сергея для виду, не стал затруднять себя объяснениями. В сопровождении четверых сотрудников охраны он отбыл невесть куда, пообещав Сергею на прощание устроить назавтра «веселую жизнь». Сергей некоторое время постоял у ворот с раскрытым от удивления ртом, потом поделился своим удивлением с охранником, однако тот тоже пребывал в недоумении. Пришлось закрыть рот и пойти восвояси, то бишь домой.

По дороге Сергею позвонил сослуживец и, захлебываясь словами, рассказал, что буквально в двух шагах от посольства только что произошел то ли теракт, то ли массовая драка. Подробности неизвестны. Сергей сделал правильные выводы. единственное, что его все еще беспокоило: сумел ли Чижиков уйти от погони невредимым?.. Но вскоре позвонил и сам Котя — предложил срочно приехать на Маляньдао и зайти в такой-то дом через черный ход. И тогда у Сергея словно камень с души свалился…

Чижиков сидел в автобусе и думал: «Нет, все же ты не прав, Борн! есть на свете и дружба, и беззаветное служение людям, и самопожертвование! Ради этого и стоит жить. Стоит пускаться в немыслимые авантюры, верить в невозможное, стремиться к недостижимому, переворачивать горы и мчаться вперед на пределе человеческих возможностей. Все эти люди — Сумкин, Громов, Сергей, как выяснилось, ласточкин — во всем поверили мне. Стоило лишь только попросить, подставили плечо, и теперь я не имею никакого права спасовать, уступить, скрыться…» Когда машина Гу Пиня — неприметная, неброская, — минуя оживленную платную трассу, окольными путями добралась наконец до аэропорта и Котя, усадив Шпунтика в рюкзак, вышел наружу, старый китаец опустил боковое стекло, посмотрел на Чижикова разноцветными глазами и неожиданно сказал: «Я был хунвэйбином. Я помню, кто такой Мао Цзэ-дун!» Коротко кивнул и отъехал, а Котя остался стоять, глядя ему вслед и думая: как же много на свете хороших людей, и как же нежданно мы их обретаем… Именно тогда Чижикова охватила непреклонная решимость. Пусть Котя сейчас один, но он должен пройти этот путь до самого конца. Ради себя и ради других. Ради Ники. И даже ради Борна!..

— Вэйминцунь, — наконец подтвердил уйгур.

— А где Северная? — Универсальный переводчик работал исправно, и теперь Чижиков свободно говорил по-уйгурски. — Мне нужна Северная улица, дядюшка.

Уйгур оглянулся на небольшой невзрачный поселок за спиной, куда сворачивала от грунтовки узкая дорожка, больше напоминавшая тропу, — словно проверил, действительно ли это Вэйминцунь, не превратилось ли село за ночь в крупный индустриальный центр. Нет, все те же низкие домишки, крытые черепицей и местами соломой. лишь где-то тоскливо орет ишак.

— Так тут другой нету, парень. Тут одна улица: с севера — северная, а с юга — южная… — Уйгур подцепил рукой громадную связку перца. Потряс. — Перчика-то не желаешь прикупить? отдам задешево.

— Нет, дядюшка, спасибо, — отказался Чижиков. — Пошли, кот.

Уйгур проводил их рассеянным взглядом, а потом отвернулся и вновь уставился на пустую дорогу.

Чижиков двинулся по направлению к селу. Только сейчас полуденный зной настиг его — стало жарко, во рту пересохло, страшно захотелось пить. если в Пекине и потом в Урумчи было просто тепло, то здесь, в Вэйминцуне, царил настоящий ад. Котя где-то читал, что Турфан и окрестности находятся в котловине, благодаря чему и достигается такая дивная разница температур.

Поравнявшись с селом, Котя отер пот и выбрался на единственную в Вэйминцуне улицу. она шла параллельно дороге, вихляя и изгибаясь, и была довольно длинной. А впереди вставали горы, сливаясь вершинами с ослепительным синим небом, на котором не было ни единого облачка.

Котя посмотрел налево, затем направо — Вэйминцунь, казалось, вымер, ни души! В отдалении снова тоскливо вскричал ишак.

— Ну, дед, ты и дыру себе для жизни выбрал… — пробормотал Чижиков. — И где тут, спрашивается, дом номер пять?..

Никаких номеров на домах не было и в помине. По обе стороны единственной улицы пролегало по арыку, на дне которых хранилось воспоминание о воде. Ко входам в дома вели деревянные мостки, перекинутые через арык, что упирались в забор, за которым чахли придомные сады. Вдоль улицы равномерно торчали столбы — опоры линии электропередач, а от них к жилищам тянулись многочисленные провода.

Стояла звенящая тишина.

Котя подумал и свернул направо. В конце концов, село небольшое, обойти его целиком особого труда не составит. Вот

только жарко очень.

Пятым или шестым домом оказалась лавка — Чижиков не умел читать ни по-китайски, ни по-уйгурски, но вездесущую рекламу «Кока-колы» опознал с ходу. К лавке, как и положено, вели мостки, упирающиеся в калитку в металлической ограде. И поскольку калитка была приветливо распахнута, Котя бодрыми шагами направился вперед.

После яркого солнца в лавке показалось темно и прохладно. Но никакой кока-колы! оглядев убогий ассортимент, обильно сдобренный развешанными там и сям связками красного перца, Чижиков нерешительно постучал пальцем по прилавку.

— Эй… есть кто-нибудь?

В глубине дома послышались шаги, откинулась цветастая занавеска, и в проходе явилась пожилая женщина в платке, с лицом, напоминающим печеное яблоко.

— Здравствуйте, тетушка… Мне бы воды холодной.

— Здравствуйте, — заулыбалась женщина. — Сейчас. Три юаня.

— Дайте две!

Откуда-то из-под прилавка возникли бутылки — действительно холодные. Котя открутил крышку и с наслаждением припал к горлышку.

— А что, тетушка, — сказал он, напившись и переведя дух, — где у вас тут пятый дом будет?

— Пятый-то? — задумалась женщина. — А, так это тебе, наверное, дом старого Чи нужен! Ты иди по этой стороне, — замахала она рукой, — и там, на северном конце улицы, он и будет!.. А ты, небось, родственник Чи? — полюбопытствовала продавщица. Видно было, что ей отчаянно скучно. — он хороший, очень хороший человек! Все старого Чи уважают и любят, вот как! Старый Чи любому готов помочь. В прошлом году, когда у Сайида огуза трактор забарахлил, Чи три ночи не спал, пока не починил, вот так!..

— Спасибо, тетушка, — улыбнулся Котя и поспешил на выход.

Выбравшись на знойную улицу, он первым делом снял шляпу и вылил остатки воды из первой бутылки на голову. Шпунтик посмотрел на хозяина с недоумением.

— Ничего, кот… — сказал Чижиков. — Мы на верном пути.

Пыля ногами по пустынной улице, Котя вглядывался в проплывающие мимо дома и примечал, что на самом деле Вэйминцунь — село далеко не безлюдное: то тут, то там замечал он лица, глядевшие на него из окон; а дремавший в саду под раскидистым чинаром дедушка до того оживился, когда увидел

пришлеца, что даже вскочил на кривенькие ножки и доковылял до заборчика, чтобы как следует рассмотреть гостя села.

Видимо, у местных жителей было время уйгурской сиесты.

Впереди замаячил конец улицы, как вдруг Чижиков встал столбом — вот оно! Серый кирпичный дом под черепичной крышей без вкраплений соломы. Мостки через арык, заборчик, за ним чахлый сад — все как положено. И справа от входа, у стены возле дома, — невысокая скамейка. На такой удобно сидеть и наблюдать проходящую мимо жизнь: ты вроде как и на улице, и вроде как нет.

А над скамейкой, на стене, — те самые иероглифы, написанные мелом.

Котя понял, что дошел.

— Так, кот… — Во рту снова пересохло, и Чижиков потянулся к бутылке с водой. отпил, присел на корточки рядом со Шпунтиком. Сложил ладонь ковшиком, налил воды, подставил коту. — Ты, главное, не торопись, не нахальничай, веди себя прилично. Понял меня?

Шпунтик напился воды и с интересом оглядел дом.

— Готов?.. Тогда пошли.

Котя ступил на мостки — доски под ногами скрипнули. Нерешительно взялся за калитку: а как быть дальше? Как тут принято? Стучать? Так вроде не во что. Кричать: эй, кто в домике живет? А вдруг он ошибся?

Пока Котя размышлял, во двор вышла пожилая полная китаянка — в светлой сорочке и серых штанах; она проворно двинулась к калитке, близоруко всматриваясь в пришедшего. На полпути вдруг остановилась, охнула, всплеснула руками, расцвела в улыбке и припустила вперед. остановилась напротив замершего в предчувствии Чижикова.

— Костя? — спросила женщина звенящим от напряжения голосом. С сильным акцентом, но по-русски. — Костя?..

— Костя… — пересохшими губами подтвердил Чижиков. он смотрел на китаянку во все глаза: это была та самая женщина, которую он видел, когда «пробивал» деда Вилена в первый раз.

— Наконец-то… — выдохнула женщина. — Мы тебя так долго ждали, так долго… — затараторила она по-китайски, потом запнулась и перешла на русский: — Понимаешь?

— Прекрасно понимаю, — по-китайски ответил Котя. — Я вас видел, но не знаю… Кто вы? — спросил он с замиранием сердца.

— Ах, что же я! — снова всплеснула руками женщина. — Меня зовут А-лянь! она живо распахнула калитку, схватила Чижикова за руку и повлекла за собой.

— Пойдем, скорее пойдем… — Глаза А-лянь сияли. — Виля,

Виля! Посмотри, кто пришел! — закричала она. — Ах ты, господи!

Они вошли внутрь дома, миновали темный узкий коридор и снова оказались на улице — во внутреннем дворике, укрытом в сени раскидистого дерева; там посередине был устроен стол, а при нем — лавки. С одной из них как раз поднимался старик — в старомодном френче, из нагрудного кармана которого торчал блестящий колпачок авторучки.

Старик сделал шаг к замершему Чижикову, потом протянул к нему руки.

— Внук…

— Дед…

Они обнялись.

Только тогда Чижиков окончательно поверил: дед Вилен жив!

Вот он. Во плоти.

До самого последнего момента где-то в самой глубине Котиной души жило сомнение: вдруг все это происки волшебного Дракона, показывающего ему то, что Чижиков так хотел увидеть. Котя сжимал деда в объятиях, вдыхал его родной и в то же время незнакомый запах: эх, дед!.. А-лянь стояла в сторонке и счастливо улыбалась, вытирая глаза платочком. Котя почувствовал, как и ему на глаза наворачиваются слезы…

— Дед… — Чижиков шмыгнул носом, отстранился, жадно разглядывая любимое лицо. — Дед, а ты постарел…

— Да, Котенька… — улыбнулся дед Вилен. Губы его дрожали. — Я постарел. Давай-ка сядем… они присели на лавку у стола.

— Шпунь… — Дед Вилен обнял кота, что резво вспрыгнул ему на колени, прижал к себе. — И ты здесь, котейко… Да какой красивый, какой могучий ты стал!

Шпунтик терся о руку деда головой и мурлыкал как электрогенератор. Кот был в полном восторге: верхушка стаи снова была в сборе! И только одного Шпунтик не понимал: где старый хозяин шлялся так долго? Но сейчас это было не важно: вот старый хозяин, вот молодой хозяин, а еще у кота есть Тепло! Найдется ли на свете кто счастливее?

— Я принесу вам чай, — сказала А-лянь и убежала в дом.

— Я вижу, ты нашел себе новую бабушку, дед…

Котя снова шмыгнул носом и достал сигареты.

— Да, внук, — улыбнулся Вилен Иванович. — А-лянь мне очень помогла тогда, два года назад. С тех пор мы вместе.

— Дед… — Чижиков закурил. — Два года, дед… На твоих похоронах я рыдал как сумасшедший. Я думал, что жизнь пошла под откос. Как ты мог, а?..

— Котенька… — Вилен Иванович покаянно опустил седую голову. — Прости меня. — он посмотрел внуку в глаза. — Прости, если сможешь. Но иначе было нельзя…

Появилась А-лянь, поставила на стол две кружки с крышками и термос с кипятком.

— Я буду в доме, — сказала она. — Вам нужно о многом поговорить наедине.

— Спасибо, милая, — кивнул дед, не отрывая взгляда от Коти. А-лянь, то и дело оглядываясь, ушла в дом. — Мне действительно многое тебе нужно рассказать, внук. Судя по тому, что ты нашел меня, тебе и самому многое известно. Значит, будет проще… Я надеюсь, когда ты узнаешь все, ты сможешь простить меня. А если не сможешь… что ж, я сам виноват.

— Рассказывай, деда, не тушуйся! — Котя был почти счастлив. — Я справлюсь.

— А ты возмужал, вырос, стал совсем взрослым… — Дед положил Коте сухую руку на плечо, похлопал ободряюще. — Какое же это счастье — видеть тебя снова!.. Два года назад я понял, что, если останусь в нашей квартире и вообще среди живых, это будет иметь самые плачевные последствия. В первую очередь для тебя. Ведь ты не имел никакого отношения к тому грузу, который я втайне нес все прошедшие годы. Ты жил рядом со мной и не подозревал, сколь опасно быть моим внуком. Но теперь — теперь ты нашел Дракона, мое проклятие, мою радость… Дело в том, дорогой внук, что Дракон и другие предметы — а их много! — существуют на свете невероятно долго. За прошедшие века предметы поневоле расползлись по всему миру. И поскольку таким необычайным вещам трудно остаться незамеченными, появились сообщества людей, посвященных в их тайну. Самое старое — это хранители, они происходят отсюда, из Китая, и называют себя кланом Желтого императора. Клан видит свою роль в том, чтобы предотвращать использование предметов в неправедных целях, однако главная их задача — полная изоляция предметов, чтобы ни у кого не возникло ни малейшего соблазна применить их где-либо и когда-либо.

— Про клан я слышал, — кивнул Котя. — Даже встречался с человеком, который выдавал себя за члена этого клана.

— Вот как… — Вилен Иванович отхлебнул чаю и задумался. — Вижу, ты действительно через многое прошел… охотники за предметами пользуются любыми уловками, чтобы заполучить желаемое. они не задумываются о последствиях и могут быть очень и очень опасны…

— Ты не поверишь, дед, но этот охотник несколько раз мне

сильно помог. И даже спас жизнь. Вот что интересно.

— Наверное, он считал тебя полезным или ждал, когда ты соберешь как можно больше предметов, чтобы отобрать все разом. Пока ты выполнишь за него всю черновую работу, а уж там… — Вилен Иванович махнул рукой. — еще я слышал про существование клана Красного императора: никаких подробностей, разве что он тоже происходит из Китая. еще за предметами охотятся всевозможные тайные службы, в том числе и китайские. Правду сказать, власти Поднебесной занимают самую мудрую позицию: изъять как можно больше предметов и отправить их на вечное хранение в строжайше охраняемый подземный бункер, чтобы ничья рука не соблазнилась… Но кто может гарантировать, что при необходимости предметы не будут востребованы? Никто…

Вилен Иванович снова посмотрел Коте в глаза.

— Я сбежал, дорогой внук, от тебя, из страны, из жизни, потому что надеялся, что судьба будет к тебе милостива. очень надеялся. Но, скрывшись в китайской глуши и приступив к внимательному изучению предметов и всего того, что с ними связано, я понял: твое посвящение в тайну скорее всего неизбежно. Может, это и пустые разговоры, но скажи: ведь ты тоже чувствуешь удивительную тягу к «Илиаде», странное родство с ней? — Дед не спрашивал, но, скорее, утверждал. — У меня то же самое, причем сызмала. И это — наследственное… Я сбежал, Котя, я спрятался, я ушел в себя, но потом внезапно понял: это бегство — всего лишь полумера. Ты все равно найдешь Дракона, или Дракон найдет тебя. И потому я уже полгода сижу на лавке перед домом — каждый божий день. Но лишь недавно решился написать на стене адрес: когда почувствовал, что Дракон наконец в твоих руках. Я знал, ты найдешь способ прочесть написанное. И вот ты пришел… Скажи, за тобой не следили?

— Следили, а то как же! Но я оторвался. За последние дни мне приходилось проделывать и не такое.

— Бедный мой мальчик… Сколько всего тебе пришлось вынести… Но ты должен знать, что была еще одна причина, по которой я выдал себя за умершего, а ты рыдал на моих похоронах… — Было видно, что мысль о страданиях любимого внука причиняет Вилену Ивановичу сильную боль. — Дело в том… что я узнал, какой чудовищной силой обладает некий предмет, если его соединить с остальными, включая Дракона. Я не мог допустить, чтобы хоть малая часть конфигурата попала в нечистые руки. Меж тем вокруг сжималось незримое кольцо, и у меня просто не осталось иного выхода… Мне помог старый друг, ныне уже покойный. С его помощью я благополучно убыл из

Петербурга, добрался до Киргизии, а оттуда нелегально проник в Китай… Те, кому нужны предметы, не остановятся ни перед чем, они очень могущественны. Страшно подумать, что может случиться, если им удастся завладеть…

— …вот этим? — Котя вынул из рюкзака зеркало и положил на стол.

— Откуда… — Вилен Иванович потрясенно замер с вытаращенными глазами. — Никто же не знает где и когда…

Старик протянул к зеркалу дрожащую руку.

— отчего же не знает? Я встречал как минимум одного человека… гм… одно существо, которое точно знало где и когда. У древнекитайского императора Цинь Ши-хуана. В третьем веке до нашей эры.

— Вот оно что… — Вилен Иванович задумался, придвинул к себе зеркало, нагнулся, разглядывая. — Все в точности, как на моем сундучке: круг, священные животные… Третий век до нашей эры! Значит, все должно было начаться именно тогда… Но позволь, — встрепенулся дед, — а у тебя-то оно откуда?

— Ну как — откуда? — пожал плечами Чижиков-младший. — Из сокровищницы Цинь Ши-хуана, вестимо. Я его спер, деда!

— Разве сокровищницу раскопали? — вскинул седые брови дед. — Когда?!

— Да нет, — покрутил головой Котя, — я спер зеркало из-под носа у Цинь Ши-хуана. В третьем веке до нашей эры.

Вилен Иванович потерял дар речи. Коте пришлось вкратце рассказать ему историю с перемещениями во времени. В пересказе это выглядело вполне авантюрно и даже весело!

Чижиков-старший слушал, молчал и мрачнел на глазах.

— Господи, Котенька… — прошептал он наконец. — Я даже не подозревал, что подобное возможно… А это существо, о котором ты упомянул, звали советником Гао?

— Ага, — подтвердил Чижиков-младший. — А ныне его зовут господин Высоков и служит он советником российского посольства в Пекине. У него еще много всяких лиц, титулов и званий. Как я понял, он из будущего. Не человек, андроид, и очень упорная тварь. У них там в будущем что-то вроде непримиримой борьбы за существование — стенка на стенку, иными словами. И противоборствующие стороны нашли способ заслать своих агентов в прошлое, чтобы переменить его в свою пользу и нанести противнику невосполнимый урон, а то и вовсе вычеркнуть из истории. Видимо, сторона Гао сейчас берет верх, потому что хорошая девушка Ника исчезла невесть куда, нету ее нигде. Растворилась. И скорее всего, после корректировки прошлого. Ника, кстати, тоже была не человек.

— Теперь понятно, почему с недавних пор вместо газеты «Гуанмин жибао», которую я выписываю, мне стали приносить «Хуася жибао»… — кивнул Вилен Иванович. — Я удивился, даже сходил в сельсовет — позвонить на почту. Своего-то телефона у меня нет, — пояснил дед. — И каково было мое удивление, когда с почты мне ответили, что знать не знают ни про какую газету «Гуанмин жибао», отродясь про нее не слыхали! И потом, деньги — они изменились.

— Да-да, на деньгах теперь Дэн Сяо-пин, а был Мао Цзэ-дун. Котя потянулся к чашке.

— Ход истории немного подкорректировали…

— Немного? — возмущенно спросил Вилен Иванович. — Котенька, да ведь это катастрофа! Это же целое поколение, что прожило жизнь не так, как должно! И среди всех ныне живущих лишь небольшая горстка людей знает, что история пошла наперекосяк…

— Да ладно, деда, — смущенно улыбнулся Чижиков. — Я не то имел в виду. Я хотел сказать, что все могло быть много хуже.

— Могло, — согласился дед. — И хорошо, что этого не случилось в древности. Потому что если в зеркало вставить все пять необходимых предметов, то получится прибор для терраформирования планет.

— Чего-чего? — не понял Котя. — Терра… что?

— С помощью полностью собранного конфигурата можно изменить планету Земля до полной неузнаваемости, — объяснил Вилен Иванович. — Переместить Гималаи в Африку. Прорубить пролив в евразии по Уральскому хребту. Поменять Арктику и Австралию местами. В таком примерно духе, понимаешь?

— Вот черт… — прошептал потрясенный Котя. оказывается, он запросто таскал в рюкзаке столь страшную вещь! — Вот черт… Так вот о чем говорила Ника… И сон, тот самый сон, где плавилась земля, — был в руку!..

— Я изучил всю доступную информацию… — Вилен Иванович подуспокоился и отпил чаю. — И знаю, что даже в сочетании с одним предметом зеркало весьма опасно. Это источник силы, нет — Силы, с самой большой буквы! И эта Сила может легко погубить всю нашу планету.

— И что же теперь делать?

— Прятать, внук, — очень серьезно заметил Чижиков-старший. — Прятать. Да так, чтобы ни одна живая душа никогда не отыскала. Потому что если охотники за предметами могут перемещаться еще и во времени, то, попади зеркало и пять фигурок животных не в те руки, мы завтра рискуем не то чтобы получить новый дивный мир, но вообще не проснуться… Ничего,

теперь нас двое. Даже трое, — улыбнулся Вилен Иванович. — Мою новую, как ты выразился, бабушку тоже не стоит списывать со счетов. есть и другие хорошие люди, готовые помочь. Медлить нельзя! Нам нужно выработать план, как вернуть мир на место. Чтобы на деньгах снова был Мао Цзэ-дун, чтобы случилась проклятая «культурная революция», чтобы вернулась газета «Гуанмин жибао»… — Вилен Иванович схватил Котю за руку. — Боюсь даже представить, какие изменения произошли на нашей родине… Ты сам подумай, внук: ведь не один Китай затронуло!

— Да у меня и времени-то не было подумать, деда, — признался Чижиков-младший. — Так закрутился со всей этой беготней через время и пространство… Слушай, давай-ка решать проблемы по мере их возникновения, ладно? Ясно, что изменения в мире имеют общую причину и общую точку отсчета, а значит, если мы поправим дело здесь, то запустим обратную коррекцию.

— Думаю, ты прав, — согласился Вилен Иванович. — Вопрос в том, как обнаружить точку отсчета. И как в нее попасть… ладно, пойдем последовательно и будем плясать от зеркала. Дракон у тебя, — заговорил дед по-деловому, — я храню Феникса и знаю, где Цилинь. остаются еще две фигурки. Без них зеркало на полную мощность работать не будет, лишь частично, но и этого может оказаться достаточно для всеобщего хаоса. Для начала нам с тобой, Костенька, надо придумать, где и как надежно спрятать зеркало…

— Мы с большою охотой поможем вам, — раздался вдруг знакомый голос.

Котя и Вилен Иванович разом подняли глаза.

В противоположном конце двора, рядом с черным дверным проемом стояли двое: Высоков, одетый в обычный официальный костюм, — лицо покрыто глубокими царапинами, один глаз перехвачен черной повязкой, — а рядом с советником всех времен и народов — Чижиков-второй, в нелепом костюмчике сафари и здоровенных желтых ботинках, по всему виду — ушибленный на всю голову неподъемным бременем белого человека.

Высоков одной рукой удерживал на месте А-лянь, а другой зажимал ей рот. Чижиков-второй при этом глумливо усмехался.

— Далековато вы забрались, дедушка, — насмешливо сказал Чижиков-второй, шагнув во двор. — Надо же было найти такую глубокую задницу. А вы, бабуля, не дергайтесь! — попросил он А-лянь, рванувшуюся было к Вилену Ивановичу. хватка Высокова оказалась железной. Чижиков-второй дурашливо улыбнулся и продолжил как ни в чем не бывало: — Сейчас мы уладим наши скромные дела, и вы все будете свободны.

Лицо Вилена Ивановича окаменело. он переводил цепкий

взгляд с одного захватчика на другого. Шпунтик грозно зашипел и спрыгнул со скамейки, весь подобрался и мягко заскользил в сторону лжехозяина.

— Этот, что ли, твой двойник? — ровным голосом спросил Вилен Иванович у Коти. — очень похож. Ну надо же, до чего техника дошла!

— Животное попридержите, — велел двойник. — А то как бы он у вас не пострадал непоправимо. — И в руке Чижикова-второго появился небольшой пистолет.

— Шпунтик! — крикнул Котя. — Иди сюда!

— Приятно иметь дело с разумными людьми, — заметил фальшивый Чижиков. — Ну-с, а теперь зеркало, зеркало давайте! И тут Шпунтик прыгнул! Двойник выстрелил, но кот оказался слишком быстр. Нападать он не стал — в мгновение ока взвился на крышу и был таков.

— Это хорошо, это правильно… — Чижиков-второй опустил пистолет. — Со второго раза я бы уже точно не промазал. Ну так что там с зеркалом, дедуля? Что стоим, в носу ковыряем?

— Я тебе говорил, — повернулся к Коте Вилен Иванович, — что сочетание зеркала даже с одним предметом порождает удивительные эффекты. Так вот, — в руке его блеснула фигурка Феникса, — по неподтвержденным данным, один из предметов способен породить столь мощный электромагнитный импульс, что в нашем сельсовете перестанет работать единственный телефон, и, думаю, не только он.

И с этими словами дед Вилен поднес к зеркалу Феникса.

— Эй, дед, а ну перестал! — мгновенно наставил на Вилена Ивановича пистолет Чижиков-второй, но было уже поздно.

Фигурка Феникса сама собой скользнула в паз и с еле слышным щелчком заняла положенное ей место. Зеркало издало щемящий звон и на секунду-другую налилось белым светом. И тут же во все стороны рванулась невидимая волна.

Пистолет выпал из пальцев двойника и глухо брякнул внизу. Следом — медленно, словно в кино, — обрушился на землю советник Высоков и застыл там, как сломанная кукла. А-лянь громко вскрикнула и бросилась к Вилену Ивановичу. Тот вскочил из-за стола, обнял женщину, прижал к себе и запричитал по-стариковски: «Все хорошо, все уже кончилось…»

— Еще не все… — прохрипел устоявший на ногах Чижиков-второй и нагнулся за пистолетом. Было видно, что каждое движение дается двойнику с огромным трудом: словно не все в его организме функционировало должным образом, словно что-то всерьез разладилось. — еще не все… — повторил он с ненавистью, разгибаясь и медленно поднимая ствол.

Вилен Иванович закрыл собой А-лянь. Котя вскочил из-за стола, понимая: он не успевает… Зато Шпунтик — успел! Зря он, что ли, занимал стратегически важную позицию! Точно молния, низринулся с крыши и вцепился лжехозяину в лицо. Будет, будет помнить, сучий потрох, как в котов стрелять!

Чижиков-второй взвыл и выронил пистолет.

И в эту самую секунду за его спиной возник Сергей. В руках его была лопата. И этой лопатой он со всего размаха приголубил Котиного двойника по голове.

Чижиков-второй страшно всхрапнул и рухнул лицом вниз. Котю невольно передернуло: не каждый день увидишь, как тебя убивают…

— Что ж ты так долго, Сережа? — спросил Вилен Иванович, облегченно переводя дух.

— Пробки, — пожал плечами Сергей.

И улыбнулся.

Эпизод 18
Первый владыка Хань

Поднебесная, Лоян, III век до н. э.

— Повелитель! — Приближенные взирали на Лю Бана с надеждой. — Из низов вы поднялись на самый верх, справедливо и сурово карая жестоких и непокорных, вы усмирили и умиротворили все земли среди четырех морей. Благодаря вам народ Поднебесной ныне пребывает в мире и спокойствии, а все те, кто имел заслуги, наделены землей, пожалованы владениями, облагодетельствованы титулами и чинами. И вот сегодня мы единодушно умоляем вас: примите титул императора!

— Я слышал, — отвечал Лю Бан, — что титулом императора вправе владеть лишь наимудрейшие. Нет, я не смею!

Общий вздох пронесся по залу для приемов.

— Но если вы, повелитель, не примете сей титул, то и наши титулы обратятся ни во что. Кто будет доверять нам после этого, владыка? Как сможем мы без доверия управлять народом, вести его к процветанию? Умоляем вас, повелитель, примите, примите титул императора! Самой жизнью готовы мы, ничтожные ваши подданные, поддержать эту просьбу!

— Коли вы действительно считаете подобное деяние благом, необходимым для процветания Поднебесной, да станет по-вашему! — после некоторого раздумья отвечал Лю Бан. — хорошо же! Мы объявим о церемонии во благовремении!

— Многая лета! Многая лета! Многая лета!..

* * *

Трижды ближние советники и военачальники уговаривали Лю Бана принять императорский титул, и трижды он отказывался, хотя про себя давно решил, что этого не избежать. Свершилось предначертанное Небом. Стали явью великие дела. он, Лю Бан, получил высочайший мандат на царствование. Поднебесная снова была объединена, малейшие очаги сопротивления и волнений были подавлены все без остатка, солдаты вернулись домой, пришло время залечивать нанесенные смутой раны и растить новый урожай. Громадной стране

потребна была стабильность, и потому Лю Бан принял императорский титул. Именно он, простой уездный смотритель, а не гордец Сян Юй, утонченный аристократ из древнего рода именитых полководцев, встал у кормила власти.

Однажды на пиру Лю Бан спросил приближенных, отчего так получилось, и услышал в ответ: «Сян Юй завидовал мудрым и не терпел рядом способных, причинял вред тем, кто добивался успеха, и подозревал тех, кто выделялся умом. одерживая победу, Сян Юй не отличал за заслуги. Захватывая земли, не делил их с другими. Вы же, повелитель, штурмуя города и приобретая владения, отдавали тем, кто был с вами, все, что захватили и получили, вы были едины с Поднебесной!»

Лю Бан согласился со словами: «Но была еще одна причина! Ведь я, простой смотритель, не иду ни в какое сравнение с теми, кто составляет военные планы будущих сражений; я не умею наладить снабжение войск и умиротворение присоединенных территорий так, как это делают искушенные чиновники; я не могу тягаться с теми из вас, кто владеет искусством соединения усилий огромных армий, ведущих сражение к победе, а наступление — к овладению городами и землями. Моя причина заключается в том, что я сумел привлечь на благо Поднебесной нужных людей, а Сян Юй — не сумел и оказался повержен!..»

Так сказал будущий император, который никогда не забывал главной причины своих успехов, про которую не ведала ни одна живая душа, кроме покойного старшего брата Лю Кана, геройски сложившего голову в самом начале славных дел, да наставника Фэй луна, что канул невесть куда четыре года назад. Это была главная причина и самая сокровенная тайна — маленькая фигурка Дракона, чудесный древний амулет, многажды выручавший своего хозяина, даруя тому возможность воочию видеть любого, к кому были в данный момент устремлены его помыслы. Сколько раз, прибегнув к помощи Дракона, Лю Бан получал сведения, помогавшие принять единственно верное решение, сколько раз насылаемые Драконом видения уберегали от ошибок, спасали от злоумышленников!..

Однако Лю Бан знал наверняка: рано или поздно с Драконом, что стал сокровенным оком его мудрости, придется расстаться. Бывший смотритель предпочитал не думать о том, гнал прочь малейшую мысль о расставании с удивительным амулетом, и мысль растворялась в череде наполненных сражениями дней и ночей. Шли месяцы, проходили годы… И вот теперь, когда противоборство наконец завершилось, когда следовало поспешать с обустройством новой империи, к Лю Бану приступило беспокойство. его все чаще посещало предчувствие скорой и

неотвратимой разлуки. Император стал беспокоен, ибо назначенный день приближался.

Лю Бан не знал, как это произойдет: то ли неким утром, восстав с ложа, он просто не обнаружит Дракона в положенном тайном месте, то ли чудесный предмет однажды сам собою выскользнет из его пальцев и без всплеска уйдет во тьму дворцового пруда…

Лю Бан знал одно: это случится скоро, но не подозревал — насколько.

Однажды вечером, спустя месяц после церемонии принятия титула и переноса столицы империи в город Лоян, Лю Бан в своей опочивальне предавался чтению «Книги песен» — в тишине, одиночестве и покое. Император немало потрудился над освоением грамоты и овладением тайнами изящной словесности, зато теперь ему было ведомо наслаждение искусством.

— Вышла на небо луна и ярка, и светла…
Эта красавица так хороша и мила!
Горечь тоски моей ты бы утешить могла;
Сердце устало от думы, и скорбь тяжела.
Светлая, светлая вышла на небо луна…
Эта красавица так хороша и нежна!
Горечь печали могла бы утешить она;
Сердце устало, душа моя грусти полна.
Вышла луна, озарила кругом облака —
Так и краса моей милой сверкает, ярка.
Путы ослабь, что на сердце связала тоска, —
Сердце устало, печаль моя так велика!..[13] —

нараспев продекламировал Лю Бан и обратил взор к полной луне, чей свет свободно струился в окно.

Закричала вдалеке ночная птица. легкая грусть овладела императором.

— Смотритель Лю… — вдруг услышал он совсем близко тихий голос.

И столь нежданно тот голос прозвучал, а еще того непривычнее было давно позабытое обращение «смотритель», что Лю Бан вскочил, едва не опрокинув нефритовый кувшин с вином. Сердце императора отчаянно забилось.

Из темного угла в свет факела шагнул Фэй лун и почтительно склонился перед Лю Баном. Казалось, наставник нисколько не изменился: ничуть не постарел и остался верен простой поношенной одежде, что более пристала обычному рыбаку,

нежели хранителю многовековых секретов.

— Наставник Фэй! — воскликнул Лю Бан, порывисто шагнув ему навстречу. — Великое Небо… Где же вы были все эти годы?..

— Дела не давали мне ни дня передышки, — отвечал Фэй лун, низко кланяясь. — Молю владыку Поднебесной не обрушивать гнев на его ничтожного слугу!

— Давай выпьем вина! — ухватив Фэй луна за рукав, Лю Бан потянул его за собою. — Садитесь же, садитесь…

— Не смею, повелитель, не смею!

— Велю вам сесть немедленно, наставник!

— Велика милость владыки… — Фэй лун наконец уселся. Двумя руками принял чашу вина. — Благодарю!

— Вы истинно хотите вызвать мой гнев, наставник Фэй, — строго сказал ему Лю Бан. — Прошу: забудьте сегодня о том, что я стал Сыном Неба. Поговорим, как в былые времена…

— Их не вернуть, смотритель Лю, — вздохнул Фэй лун, не чинясь более. — Прекрасное вино, прекрасное! — причмокнул он губами, отхлебнув из чаши.

— Столько времени прошло… — вздохнул император. — А ведь совсем недавно мы с вами, наставник, скрывались в лесах и тайно пробирались в столицу! Ныне же все свершилось по вашим словам: стало явью великое дело, и исполнилось предначертание Неба. Тираны повержены, смута подавлена, и уже совсем скоро меж четырех морей воцарятся полный мир и процветание…

— Да, смотритель Лю, да! Все именно так! — с чувством кивнул Фэй лун. — Вы приведете Поднебесную к благоденствию…

— Но отчего вы покинули меня, наставник? — Печаль омрачила чело Лю Бана. — Вы ведь обещали не оставлять меня советами и мудростью…

— А разве вы нуждались в моих советах, смотритель? — мягко, с улыбкой спросил Фэй Лун. — Разве вам недоставало собственной мудрости? Все это время я неустанно наблюдал за вами и в любой момент был готов прийти на помощь, однако ни разу не возникло нужды!.. Признаться, я верил, что все будет именно так, — добавил наставник.

— Не знаю… — Лю Бан в раздумье барабанил пальцами по кувшину с вином. — Иногда мне мучительно вас не хватало…

— Но вы справились! Провозгласили начало правления новой династии — Хань. Стали Сыном Неба. Предначертанное осуществилось. А потому прошу вас, смотритель Лю, верните мне волшебный амулет Желтого императора.

— Так вы лишь за ним вернулись… — отшатнулся Лю Бан. В голосе его прозвучало разочарование.

— Не буду с вами лукавить… — кивнул Фэй лун. — В иное время я с радостью провел бы с вами и день, и другой, и третий, но сейчас неотложные дела призывают меня. Прошу вас, верните амулет! А я обещаю навестить вас снова — и мы побеседуем, как в былые времена.

— А коли не верну? — чувствуя, как горечь расставания разъедает душу, глухо спросил Лю Бан. — А коли вместо того кликну стражу и повелю ввергнуть вас в узилище, наставник?.. Фэй лун в ответ лишь молча улыбнулся.

— Да, вы, как всегда, правы… — сказал Лю Бан. Тяжелая внутренняя борьба омрачила его лицо. — Стражу звать ни к чему. он тяжело вздохнул и вынул из-за пазухи фигурку. В неверном свете факела Дракон весело блеснул чешуйками. Лю Бан сидел и молча пожирал амулет глазами.

— Смотритель Лю, — как можно мягче произнес Фэй лун. — Небесные амулеты идут в миру путями, непостижимыми для простых смертных и неясными даже для тех, кто вознесся в самое поднебесье. Пути эти тайные и неотвратимые. Я простой вестник и пришел сказать: отпущенный вам срок владения волшебным Драконом сегодня пришел к концу. И ни вы, ни я не в силах повлиять на это. Но, да будет вам ведомо, смотритель, если вы сейчас примете неверное решение, то здание, кое трудами и кровью возводилось столько лет, рассыплется, подобно трухлявому пню. Ибо великое равновесие будет нарушено, и все пять стихий придут в возмущение, и уж тогда будет поздно скорбеть и сожалеть… Но я верю в вашу мудрость!

Лю Бан еще раз тяжело вздохнул, пристально вгляделся в глаза наставника Фэй Луна и уронил Дракона в его загодя подставленную ладонь.

Эпизод 19
Исход

Где-то на Земле, десять тысяч лет назад

Первый-из-желтых еще раз пролистал технические записи.

Все было готово. Ценное оборудование, нуждавшееся в разборке, разобрали и упаковали таким образом, чтобы его можно было транспортировать без дополнительных приспособлений, то есть в руках или за плечами. Пришлось пошить изрядное количество разнообразных сумок, на что сгодились производимые аборигенами грубые ткани, но разве у потерпевших крушение был иной выбор? Смотрелись эти кустарные изделия довольно нелепо, но Первый-из-желтых не был готов расстаться с необходимыми приборами. Будь хоть малейшая возможность, он потащил бы с собой и все другое оборудование, но возможности не нашлось, все лишнее пришлось уничтожить. Это оказалась самая малая и самая простая часть работы, которую необходимо было выполнить перед тем, как покинуть голубую планету.

Уничтожить следы своего пребывания не так уж и сложно. Гораздо труднее его залегендировать. общими усилиями сочинили высоко убедительную историю, повествующую о битве богов — Желтого и Красного императоров, история противостояния которых была наполнена многочисленными сражениями и чудесами. Уровень развития аборигенов оставлял желать лучшего, и подобная легенда прекрасно ложилась в основу зарождающегося исторического сознания, частично подменяя примитивные верования и культы, а местами объединяясь с ними.

Приходилось искать достоверное объяснение буквально всему. Так, например, в ходе боевых действий между красными и желтыми существенно пострадала естественная сеть водных артерий, что вызвало ряд катастрофических наводнений и общее подтопление территорий. Для объяснения этого феномена Второй-из-желтых породил из головы мифического героя, нареченного Юем: этот легендарный деятель якобы победил потоп, обрушившийся на несчастных жителей, а затем более тридцати местных годовых циклов устранял его последствия. Для вящей убедительности аборигенам была явлена голограмма:

днесь Юй выравнивает русла рек. Эффект вышел потрясающий…

Но это только одна история, а сколько их пришлось придумать еще!

Конечно, пройдут века, получит развитие наука, и у ученых — будут ведь и на этой планете ученые! — возникнут вполне закономерные вопросы: почему же древние мифы и легенды, бытующие на данной территории, столь сильно отличаются от мифологии иных народов; почему на ум невольно приходят параллели с высадкой десанта с космических кораблей. Но это будет — если будет! — еще невесть когда, а до той поры нестыковки, не замеченные ни желтыми, ни примкнувшими к ним красными, срастит само время. Героические сказания неизбежно обрастут дополнительными деталями, заиграют живыми красками, станут живой плотью духовной культуры будущего этноса…

Легендирование присутствия отняло времени много больше, чем Первый-из-желтых предполагал поначалу. Но теперь, когда им удалось вступить в контакт с неведомой расой, представителей которых стали называть Прозрачными, время перестало быть критичным показателем.

Выяснилось, что и те и другие обоюдно заинтересованы в минимализации возможного вреда для дальнейшего развития голубой планеты. Договориться было непросто, но это произошло.

Трудности были связаны в первую очередь с особенностями коммуникации. она осуществлялась исключительно телепатическим методом и — только по инициативе Прозрачных. Непонятным для желтых способом они появлялись там, где хотели, и тогда, когда хотели, и силовые поля не были для них преградой.

Прозрачные отвечали только на те вопросы, на которые считали нужным ответить, транслируя мыслеобразы прямо в мозг — это были своего рода объемные картинки, в которых содержался ответ. По этой причине ни желтым, ни красным так и не удалось узнать, кто или что такое эти Прозрачные, имеют ли они представление о галактических законах и директивах, а также — не им ли принадлежит высокотехнологическая инфраструктура на спутнике голубой планеты. Желтые не узнали ничего, но смирились — после того как в ходе очередного появления Прозрачный ясно дал Первомуиз-желтых понять: помочь пришельцам покинуть голубую планету — во власти их расы. В сознании Первого-из-желтых возник наведенный Прозрачным образ объекта «Башня» и цепочка уходящих в нее желтых и красных. Это было спасение.

— Мы закончили, — доложил Второй-из-желтых, подойдя к

Первому. — Все собрались.

Первый оторвался от экрана походного информера и бросил взгляд в узкую долину, что расстилалась пред объектом «Башня». Рядом с этим так и не изученным до конца сооружением собрались все остатки экспедиции — желтые вперемешку с красными, и жалкий скарб их, упакованный в разноцветные тряпки, вызвал у Первого-из-желтых грустную улыбку сочувствия.

— Хорошо, — кивнул он. — Выступаем.

— Еще одно… — Второй-из-желтых на секунду запнулся. — Дело в том, что они, — Второй выразительно скосил глаза на одного из Прозрачных, смутным пятном маячившего около Башни, — дали понять: все найденные нами устройства должны быть оставлены здесь, и притом добровольно. Иначе нас не пропустят в портал.

— Ты уверен?

— Совершенно, — подтвердил Второй. — они выразились… э-э-э… недвусмысленно.

— Значит, эти устройства на деле принадлежат им? Или Прозрачные являются их создателями? Второй-из-желтых лишь пожал плечами.

— Как глупо… — пробормотал Первый. — Мы могли бы еще так много узнать… очень жалко упускать из рук такие высокие технологии. они могли бы стать настоящим прорывом в нашем мире.

— Да, мне тоже очень жаль, — согласился Второй-из-желтых. — Но я готов пожертвовать потенциальными открытиями, если в обмен на это нам откроют путь домой — всем нам. Всем, кто выжил.

— Ты прав, разумеется… — Первый-из-желтых спрятал информер в чехол на поясе. — Это ничтожная цена, просто ничтожная. Тут и обсуждать нечего. Передай, чтобы устройства складывали слева от объекта.

— Уже.

— Ты объяснил, что это важно? Архиважно? Потому что я не знаю, что произойдет, если кто-то решит оставить себе хотя бы одно устройство на память.

— Они понимают, — успокоил его Второй. — Никто не станет рисковать возвращением.

— А те красные, что отказались возвращаться и уплыли в море на юг? от них никаких новостей? Первый-из-желтых стал спускаться в долину, Второй двинулся следом.

— Ничего нового. Как ты и просил, мы трижды повторили передачу и трижды сообщили, что наконец-то появилась возможность вернуться домой. И каждый раз они отвечали

одинаково: катитесь, мы остаемся!

— Тут мы ничего поделать не можем… — Первый вздохнул. — они сделали свой выбор. хорошо, что наши новые, гм, друзья понимают…

— Кстати… — Второй нахмурился. — У наших земляков тоже имелись устройства — и как тут быть?

— Я понял, что Прозрачные решат данный вопрос самостоятельно, — сказал Первый в ответ. — По крайней мере, мне было предложено не беспокоиться.

— Хотелось бы надеяться, что решение вопроса будет мирным… и без жертв, — озабоченно произнес Второй.

— Мне тоже, — печально посмотрел на него Первый-из-желтых. — Мне тоже. Но мы совершенно бессильны. хотя сделали все, что могли. они поравнялись с собравшимися у Башни.

— Друзья! — возвысил голос Первый-из-желтых. — Все вы знаете, что сегодня мы покидаем планету, и это стало возможным благодаря нашим новым знакомым. Мы искренне признательны им за бескорыстную помощь и будем всегда рады новым плодотворным контактам. Мы разные, очень разные, но я верю: мы можем многому научиться друг у друга. Вселенная беспредельна, а знание безгранично, и именно тяга к знаниям объединяет нас… — он немного помолчал. Прозрачный индифферентно вибрировал рядом с Башней — едва различимое смутное пятно. — Ну что же… ответных слов мы, видимо, не дождемся. Вперед, друзья! Домой!

В глубине Башни тускло замерцал портал.

Колонна одетых в желтое и ручеек одетых в красное стали медленно просачиваться внутрь. они уходили, и с каждым уходящим слева от Башни росла кучка матово блестящих предметов.

Первый-из-желтых подошел к порталу последним. Выпустил из пальцев фигурку неведомого зверя, распустившего пышный хвост. оглянулся на Прозрачного, поглядел на Башню.

— Прощай… — пробормотал он. — Прощай… И — спасибо…

«Живи долго и процветай…» — невесомо прошелестело в голове у Первого-из-желтых.

И тогда он шагнул в портал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСЕ ЕЩЕ СЛЕДУЕТ…

Игорь Алимов

Игорь Алимов — китаист, кандидат исторических наук, заведующий отделом Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, директор академического издательства «Петербургское Востоковедение».

Богатую научную деятельность успешно совмещает с писательством: вместе с Вячеславом Рыбаковым создал великого еврокитайского гуманиста хольма ван Зайчика, книги которого вызвали огромный общественный резонанс и были не однажды переизданы, собрав многочисленные премии в области российской фантастики.

Ценители литературной мистики хорошо знают цикл его рассказов «о чем умолчал Пу Сун-лин», посвященный восточным чудесам и древностям. А еще — Алимов автор первых на российском книжном рынке изданий в стиле «dwooller» — детективно-фантастических романов с картинками.

Родился в Ленинграде, живет в Санкт-Петербурге. Каждый год ездит в Пекин, который считает вторым родным городом.

Автор о себе

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

«Вы знаете, Ватсон, если артистичность в крови, то она порой принимает причудливые формы».

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

«Мужчинам пора вырасти, а собакам — перестать себя лизать».

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

«Милочка, я не уверен, что и вы-то не плод моего воображения».

4. Ваше любимое занятие?

«хороший вопрос, Лобанов. Подумай над ним как следует. Правильный ответ иногда бывает неожиданным».

5. Ваша главная черта?

«обычно правда — это свидетельство нехватки воображения».

6. Ваша идея о счастье?

«Драка в баре! любимое дело! Врежь самому здоровому парню в коленную чашечку, и он рухнет как мешок с дерьмом».

7. Ваша идея о несчастье?

«Конец света маловероятен, но всегда есть надежда».

8. Ваш любимый цвет и цветок?

«Мне неважен цвет, мне важно вывести расу суперлюдей».

9. Если не собой, то кем Вам бы хотелось бы быть?

«We are Borg. You will be assimilated. Resistance is useless. Com ply!»

10. Где Вам хотелось бы жить?

«Толковый выбор приходит с опытом, а к нему приводит выбор бестолковый».

11. Ваши любимые писатели?

«Меньше книг, больше телека!»

12. Ваши любимые поэты?

«Дрыхнет кот. Роятся мухи.

Таковы все мира звуки».

13. Ваши любимые художники и композиторы?

«Услышав музыку царства Ци, Конфуций три месяца не ведал вкуса мяса».

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

«Может, мы когда-то и были неправы, но мы никогда не ошибались».

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

«Мы вообще любим с ним поболтать о том, о сём. особенно после того как он умер».

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

«В Амурской области все лесные пожары обслужены. — хорошо, не снимайте напряжения».

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

«Секс — это занятие не слишком увлекательное. Это скучно: я читала!»

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

«Я подумаю об этом завтра».

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

«Сделайте мне гамбургер. один, но навсегда!»

20. Ваши любимые имена?

«Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта… Ах, Мариэтта…»

21. К чему вы испытываете отвращение?

«Мы все мутанты, и удивительно не это, а то, сколькие из нас при этом считаются нормальными».

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

«люди, которые ищут неприятностей, не проблема для тех, кто к этому готов».

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

«Знаю, знаю: слова «сердце» и «мозг» звучат почти одинаково, но вот пишутся совершенно по-разному».

24. Ваше любимое изречение?

«Всегда есть еще».

25. Ваше любимое слово?

«Бирбрюм — что значит это слово?»

26. Ваше нелюбимое слово?

«Never say never again».

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

«Лучше умереть и чувствовать себя спокойно, чем жить долго и волноваться».

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

«Сальвадор Дали использовал прелесть своих какашек для эстетических и философских обобщений. А у Хэмингуэя какое оправдание?»

Автор о «Драконе 3»

1. Как известно, область ваших научных интересов — Китай. Скажите, пожалуйста, сколько в рассказанной вами истории Цинь Ши-хуана и Лю Бана исторической правды, а сколько художественного вымысла? Считаете ли вы важным использовать подлинные китайские источники, когда речь идет о реальных исторических персонажах? Не боитесь, что «китайщина» помешает неподготовленному читателю?

Цинь Ши-хуан и Лю Бан жили очень давно, оттого сведения о некоторых этапах их жизни фрагментарны и даже противоречивы, но в общем и целом мы знаем биографии этих персонажей довольно подробно, так что есть полная возможность и в художественном тексте отталкиваться от тех событий, которые когда-то имели место на самом деле.

Я старался поступать именно так, и в этом смысле — да, я считаю важным использовать подлинные китайские источники. однако же художественный текст — он на то и художественный, чтобы до определенного предела отпустить на волю воображение и даже фантазию и попробовать представить себе (и дать такую возможность читателю), как бы повели себя реальные исторические персонажи в определенных условиях.

А «китайщины» я не боюсь, поскольку стараюсь ее избегать по

мере возможности — иногда, быть может, даже слишком. Например, в «Драконе» свой любимый пекинский напиток, по-китайски зовущийся «эрготоу», я для простоты восприятия назвал «пекинской народной». Получилось длинно — зато уж точно неподготовленный глаз непривычностью не режет.

2. Вы часто бываете в современном Китае и потому описываете его по личным впечатлениям. Видите ли вы в этих описаниях какую-то просветительскую функцию? Действительно ли так велика территория российского посольства в Пекине?

Я стараюсь бывать в Китае регулярно — такова специфика моей профессии: ведь я китаевед, а как китаевед может существовать в отрыве от изучаемой страны, когда нынче к этому есть все возможности? И как он может промолчать об увиденном, вернувшись? Ведь, несмотря на гораздо более открытый мир, наши соотечественники про современный (а уж тем паче древний) Китай знают до обидного мало. Причиной тому — одна из самых главных особенностей китайской цивилизации, а именно ее закрытость и самодостаточность. Но, с другой стороны, и источников информации о Китае существует не так уж много. Вот я и стараюсь по мере сил восполнять этот пробел. А что до нашего посольства в Пекине, то да — оно огромное, город в городе, около шестнадцати гектаров, кажется. По-моему, самое большое в мире.

3. Ваше мнение о современном Китае?

если в двух словах, то это — стремительно развивающаяся страна, в скором времени претендующая стать одной из первых экономик в мире, страна со своими трудностями и проблемами. лично я в Китае бываю минимум два раза в год и пользуюсь этим временем в том числе для того, чтобы отдохнуть от пронзительных будней российской действительности, набраться вдохновения и сил — потому что ведь можно иначе строить будущее! Наши страны часто сравнивают — дескать, старт в капиталистическое будущее они взяли почти одновременно, но при этом забывают, что у постсоветской России в распоряжении была вся наработанная при СССР экономическая мощь и тотальное среднее образование, а у Китая — фактически развалины экономики и почти полная неграмотность. Прошли десятилетия — и где мы, а где Китай?

4. Приключения Кости Чижикова закончились, но история Дракона продолжается. Планируете ли вы писать продолжение? Будут ли там действовать герои первого цикла? Или это будет совершенно другая история?

Приключения Чижикова не закончились — кто вам сказал?

Закончились — это когда ясны ответы на все вопросы, а герои добрались до логической точки повествования, после которой ненасильственное продолжение просто невозможно. В «Драконе» ситуация иная: история слишком масштабная, а комкать ее не хотелось, так что продолжение, боюсь, неизбежно. Правда, немного в других декорациях. Большего сейчас не скажу, и не просите.

5. Куда пропала древнекитайская «Илиада» и сыграет ли она роль в дальнейшем?

Вот выйдет продолжение — и тут же все узнаете. если я все расскажу, всем станет скучно. Буду таиться, уж извините.

6. Кот Шпунтик стал всеобщим любимцем. На вашей совести еще один симпатичный кот — судья Ди из романов Хольма ван Зайчика. Скажите, почему вы столь очевидно предпочитаете кошек? И почему не любите собак?

Кто вам сказал, что я не люблю собак? У меня даже была одна близко знакомая собака породы эрдельтерьер. Нет-нет, я всех люблю: собак, кошек, хомяков, крыс, ужей, ежей, кротов, аквариумных рыбок… Все они так или иначе жили в моем доме. А коты… они среди братьев наших меньших первые среди равных.

7. В третьей книге вашего цикла возникает далекое будущее. С каким периодом истории «Этногенеза» оно соотносится? И куда пропала Ника?

Давайте — в который раз скажу — не будем большими шагами забегать вперед и старательно запрягать телегу впереди лошади, ладно? Ясно, что будущее Ники изменилось и теперь все нужно вернуть обратно. Ясно также, что, как только это произойдет, Ника тут же появится. А уж в каком времени и месте — читайте в книжках. Я понимаю, что любопытство — вещь непреодолимая, но давайте будем действовать последовательно, от книжки к книжке. Иначе не будет интересно.

8. Кем были желтые и красные пришельцы? Как вы полагаете, часто ли в прошлом Земля становилась ареной вмешательства чужих цивилизаций и рас?

Эти ребята были космическими исследователями, потерпевшими крушение рядом с нашей планетой около десяти тысяч лет назад. Деваться им на первых порах оказалось некуда — вот они и стали жить на Земле, приспосабливаться. Кто-то сумел сохранить себя и верность принципам, и это желтые, а кто-то — пошел вразнос и наплевал на все, отчаявшись вернуться домой, и это красные. Перешагнув черту, вернуться назад очень трудно, вот они и уплыли в море-океан искать лучшей жизни. Быть может, именно красные стали родоначальниками каких-нибудь славных ребят типа жителей острова Пасхи? Кто знает.

Как часто такое в истории Земли происходило? Кто объяснит…

9. И что там такое с Луной? Чья же там расположена база? Это штаб-квартира прозрачных или законсервированный командный пункт других aliens?

А что там с луной? Я сейчас специально сходил в окно посмотреть: нормально все. Висит. Чесночная долька. хорошо видны на луне какие-то грязные пятна. ой! Точно! Это или штаб-квартира прозрачных, или другие алиены в полки строятся, вторжение готовят! Я, пожалуй, схожу запасусь питьевой водой, крупами и консервами. Вы подождете? Я быстро.

10. Кто такие хранители из клана Желтого императора? Как вы думаете, связаны ли с ними хранители идеи «Этногенеза»? Возможно ли, что Константин Рыков не случайно запустил этот издательский проект?

Я как Рыкова увидел — сразу понял: он из клана. Тогда я еще не знал, из какого именно, а Рыков не признавался, хотя я делал ему масонские знаки бровями. Теперь я тоже не знаю, но вы только что натолкнули меня на верную мысль. Константин Рыков — из клана Желтого императора, он хранитель! Дамы и господа, девочки и мальчики! Читайте книги проекта «Этногенез» и помните: Константин Рыков из клана, он в конце сериала откроет вам правду, после чего вы уже никогда не будете прежними! Эта правда окончательно взорвет вам мозг!

notes

Примечания

1

Яо, Шунь и Юй — легендарные и полумифические китайские правители, стоявшие у истоков китайской цивилизации и обладавшие исключительными добродетелями. Царствование их считается «золотым веком древности».

2

«Звездные врата» («Stargate») — культовый научно-фантастический фильм режиссера Роланда Эммериха (Roland Emmerich, p. 1955), вышедший в 1994 г. и положивший начало созданию целой «вселенной Звездных врат», реализованной в одном из самых продолжительных сериалов «Звездные врата: Первый отряд» («Stargate SG-1»), десять сезонов которого были сняты в 1997–2007 гг., а также в сериалах «Звездные врата: Атлантида» («Stargate: Atlantis», 2004–2009), «Звездные врата: Вселенная» («Stargate Universe», 2009–2011) и в двух полнометражных художественных фильмах. В основе как фильма, так и сериалов лежит идея возможности совершения мгновенных межзвездных переходов с помощью специальных порталов, доставляющих путешественника в то место, адрес которого он набрал. Главные герои фильма Эммериха, к которым апеллирует Чижиков, — полковник о'Нил в исполнении Курта Рассела (Kurt Vogel Russell, p. 1951) и археолог доктор Джексон в исполнении Джеймса Спейдера (James Todd Spader, p. 1960).

3

Сумкин непринужденно обращается к творческому наследию великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841), а конкретно к стихотворению «Бородино» (1837), где в конце сказано: «Вот затрещали барабаны — / И отступили бусурманы. / Тогда считать мы стали раны, / Товарищей считать». Во времена Советского Союза стихотворение «Бородино» каждый школьник знал наизусть, чего и вам желаем.

4

Чижиков имеет в виду главного героя сериала «Доктор Хаус» («House MD») в исполнении талантливого британского артиста Хью Лори (James Hugh Calum Laurie, p. 1959), который постоянно ведет себя как последний гад и садистски издевается над подчиненными, едко их высмеивая и беззастенчиво им хамя.

5

Да-шань — китайское имя знаменитого на весь Китай канадца Марка Розвелла (Mark Rowswell, p. 1965), глубоко погрузившегося в китайскую культуру и великолепно овладевшего китайским языком, в частности пекинским диалектом. Про таких людей китайцы говорят, что они — цзиданьжэнь, «человек-яйцо», снаружи белый, а внутри желтый. Да-шань — иностранная звезда китайского телевидения; помимо прочего, свободно владеет жанром «дуйкоу сяньшэн», то есть парным конферансом, для чего необходимо знание бытовой китайской культуры во всех ее мельчайших нюансах.

6

Имеется в виду «Да хун пао» («Большой красный халат»), ферментированный чай, относящийся к улунам и производимый в южных провинциях Фуцзянь, Гуандун, а также на Тайване. Светло-коричневого цвета; довольно дорогой.

7

Традиционная китайская мера веса. В настоящее время — ровно полкило.

8

Дэн Сяо-пин (1904–1997) — фактический (но не юридический) руководитель КНР с конца 70-х гг. XX в., отец китайского «экономического чуда», автор «социализма с китайской спецификой», духовный лидер китайского общества.

9

Так называемая Великая пролетарская культурная революция — полуанархический период в новейшей истории КНР, продолжавшийся с 1965 по 1976 г. Это время характеризуется резкой политизацией всех сторон жизни китайского общества. Это эпоха возникновения и царства хунвэйбинов («красных охранников»), которыми обычно становились учащиеся средних и высших учебных заведений, забросившие обучение ради политики и занявшиеся массовыми погромами и планомерным уничтожением культурных ценностей, а также унижением видных деятелей культуры — под предлогом борьбы с их консервативными и буржуазными взглядами. В конечном итоге, это была «война против всех»; бунтующая молодежь искусно использовалась Мао Цзэ-дуном (1893–1976), провозгласившим культурную революцию в целях уничтожения внутрипартийной оппозиции и ради укрепления единоличной власти. В настоящее время этот период в КНР называют «потерянным десятилетием».

10

Сумкин имеет в виду дипломатический конфликт между КНР и СССР, начавшийся в конце 50-х гг. прошлого века, кульминация которого пришлась на 1969 г., когда политический курс СССР был объявлен в Китае ревизионистским, а улицу перед советским посольством в Пекине переименовали в «улицу Борьбы с ревизионизмом»; этот конфликт был исчерпан лишь к началу 1980-х.

11

Хутуны — одна из важных пекинских достопримечательностей. Старые узкие переулки хаотической застройки, как правило, одноэтажной, где всегда жил простой люд. К олимпиаде пекинские власти действительно уничтожили многие кварталы, состоявшие из хутунов, и на месте их возвели современные здания — гостиничные комплексы, универмаги, рестораны и т. п.

Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнанье, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли…

(стихи Р. Киплинга).

13

Древнекитайское стихотворение. Перевод А. А. Штукина (1904–1963).